

Социальный Анархизм и Организация

Анархистская Федерация Рио-де-Жанейро

2008

Оглавление

Что значит Эспецифизм для России?	4
Индонезийское Предисловие.	9
Построение революционного Анархизма.	13
Введение	15
Ораторский тур «Построение революционного анархизма	17
Дискомфорт от идеологической организации в США	18
Анархизм в Аргентине	20
Эспецифизм	22
Специфическая анархистская организация	23
Развитие теории и стратегии	24
Социальный и политический уровни организации	25
Социальное внедрение и связь между социальным и политическим	26
Социальные движения нуждаются в нас	28
Нам нужны социальные движения	30
Революция, контрреволюция и выученные уроки	31
Вопрос масштаба и времени	33
Анархистская сеть «Классовая борьба» и не только	35
Социальный Анархизм и Организация	36
Введение переводчика	38

Часть 1. Контекст Конгресса 2008 года и дебаты об организации	41
Часть 2. Социальный анархизм, классовая борьба и отношения между центром и периферией	43
Часть 3. Анархизм в Бразилии: Потеря и попытка восстановления социального вектора	49
Часть 4 Общество господства и эксплуатации: Капитализм и государство	58
Часть 5. Конечные цели: Революция и Либертарный социализм	68
Часть 6 Организация и социальная сила	81
Часть 7. Социальные Движения и Народная Организация	86
Часть 8. Специфическая Анархистская Организация (CAO): Анархистская Организация	97
Диаграмма 1	103
Диаграмма 2	107
Диаграмма 3	111
Часть 9. CAO: Социальная работа и внедрение	115
Часть 10. CAO: Производство и Воспроизводство Теории	123
Часть 11. CAO: Анархистская пропаганда	127
Часть 12. CAO: Политическое образование, отношения и управление ресурсами	131
Часть 13. CAO: Отношения Специфической Анархистской Организации с Социальными Движениями.	133
Часть 14. CAO: Необходимость Стратегии, Тактики и Программы	140
Часть 15. Эспецифизм: Анархистская Организация, Исторические Перспективы и Влияния	146
Часть 16. Заметки и Заключение	165

**Что значит Эспецифизм для
России?**

Перед вами книжка, которая наиболее полно объясняет сущность эспецифистской концепции организации, а также всего того, что за эти пятьдесят лет эспецифисты смогли придумать и проанализировать. Организационная модель и практика, которой эспецифизм занимается, крайне определенно отвечает на вопрос «что делать?» и «как делать?».

Для России это течение до сегодняшнего дня в анархизме остается практически неизученным и неизвестным. Более того, сейчас само состояние российского движения находится на самой плачевной стадии, когда не существует практически никакой серьезной политической организации анархистов – анархистское движение в России (и в Беларуси) представляет собой фактическое выжженное поле.

А начиналось все достаточно славно – группы студентов, неформалов и интеллектуалов объединились и в самом конце Перестройки основали единую всесоюзную организацию «Конфедерация Анархо-Синдикалистов» с сотнями, если не тысячами членов, которая занималась как просветительской деятельностью, акционизмом, так и рабочим движением. В последнем они даже смогли чего-то добиться. Рассматривая российское движение можно всюду применить теоретические методы эспецифистов, к примеру, тему «социального вектора», который мировой анархизм потерял после Второй Мировой Войны, а в России и того раньше. – Возрождающееся анархистское движение активно искало свой «социальный вектор», хоть прямо это и не артикулировало. Кажется, именно в рабочем движении они могли бы его найти, но слабость организации, идейные шатания, расколы, а также общий грандиозный экономический кризис (пресловутая шоковая терапия девяностых годов) помешали этому делу. Организация не смогла противопоставить действиям властей мощное народное движение, которое бы в ответ на кризис, не деполитизировалось бы, а наоборот, добивалось бы своего.

Слабость организации и дрейф ее в сторону «партийности», а также окончательный развал конфедерации породили как свою противоположность хаотичных Хранителей Радуги, страдавшие, как выразился Рябов, несмотря на хаотичность, «тиранией бесструктурности» – ситуацией, когда в условиях отсутствия каких-либо структур, в организации появляются неформальные главари, которые тянут на себе всю деятельность. Как только у главарей закончились активистские батарейки, организация развалилась. В этом случае также можно выделить некоторый «социальный вектор» – поддерживаемую народом экологию, с которой тем не менее, Хранители радуги работали бессистемно, не закрепляя успех, не иницируя долгоиграющие проекты, кроме «Касимовской альтернативы», которая из-за бессистемного подхода также выдохлась и канула в лету.

Вскоре (или одновременно) в начале нулевых появилось Автономное Действие, строившееся на том, что объединяла людей самых разных левоанархических взглядов, занимавшихся в основном акционизмом. Из успешных проектов этого движения до раскола можно, наверно, только выделить ныне живущий проект Antijob – агрегатор отзывов на недобросовестных работодателей. Но это еще не полноценный «социальный вектор», о котором говорят эспецифисты, это лишь удобный инструмент, чтобы основать социальное движение.

Раскол в Автономном Действии в начале десятых годов, вызванный во многом неудачей Болотных протестов и веяниями с запада, конфликтовавшими с

классической анархистской традицией, породил "Автономное Действие (Социал-Революционное)", которое в основном отличалось от своей «матери», только неприятием «евролевачества» и некоторыми разговорами о большей организованности. Она в начале представляла собой объединение платформистов, либертарных марксистов и анархо-коммунистов, предпочитавшие «пролетариат» вместо «евролеваческих» веяний. А оригинальное Автономное Действие начало, из-за постоянных склок и конфликтов с раскольниками, географически распадаться.

Строить организацию это хорошо, но только тогда, когда организация строится вокруг какой-либо практики, – такой практики, которая связывает анархизм и какое-либо социальное движение и социальную борьбу – одно из важных тем эспецифизма. Одной из таких практик социальной борьбы стала деятельность Сетей Солидарности, заимствованных из Сиэтла.

В 2014-2015 годах анархисты из или связанные с оригинальным постепенно распадающимся Автономным Действием и Antijob'ом начали (также как и раскольники) создавать в Иркутске, Новосибирске, Воронеже, Нижнем Новгороде, Москве и Петербурге так называемые "Сети Солидарности", при этом мало кто из этих Сетей дожил до 2017 года, либо самостоятельно от поражений, малой активности или неопытности перестав что либо делать (большинство), либо под давлением репрессий государства в 2018 году (как например, Новосибирская и Воронежская Сеть). Сети Солидарности не смогли спровоцировать появление пресловутого социального движения, как это сделали оригинальные Сети Солидарности Сиэтла, возможно, либо потому что срок деятельности был слишком мал, либо потому что анархисты мало уделяли внимания тому, чтобы в результате деятельности Сети Солидарности появлялись разного рода социальные движения.

Тем временем Автономное Действие (Социал-Революционное) основало так называемую "Народную Самооборону", деятельность которой распространилась на Москву, Киров, Челябинск и другие города (все в Европейской части России). С течением времени проект «Народная Самооборона»¹, которая в начале была лишь инициативой внутри АД(СР), поглотила в 2015 году всю организацию раскольников. Теперь это не АД(СР), а Народная Самооборона, занимавшаяся «тимуровством», как говорили критики, или «социальной работой» и «социальным внедрением» как сказали бы эспецифисты – она прямым действием помогала работникам в конфликтах с бывшими или нынешними работодателями (как Сети Солидарности в США) и, что можно считать неким ноу-хау, защищала дома людей, в том числе общежития, от квартирных рейдеров.

Отличие от эспецифистов, российский колорит оказался в Народной Самообороне во всей красе – показная мускулиность, некоторая гомофобия и очень узкий «классовый редукионизм», и прочие вещи стали ее публичным имиджем. Эспецифисты напротив, как это показано в книге, признают, что «угнетенный класс» надо трактовать настолько широко, насколько это уместно, включая и признавая в нем также ЛГБТ-персон, женщин и даже коренные народы. Соответственно этому, эспецифисты в тексте ниже провозглашают борьбу с предрассудками в отношении них в рамках политического образования и просвещения. Такая широкая трактов-

¹ Признана в сентябре 2022 года террористической организацией.

ка не только наследует определению Кропоткина, но они также ее смешивают с центро-периферическими теориями (например, с мир-системным анализом), популярными в Латинской Америке. Вкратце, они применяют центро-периферические отношения, в отличие от классиков мир-системы, в том числе и на микроуровне, на общественных отношениях между классами и социальными группами.

В отличие от Сетей Солидарности, Народная Самооборона сделала некоторый анализ своей деятельности, она разработала свою теорию, стратегию и тактику в «Манифесте радикальной демократии», которую можно критиковать за «электронную демократию» (которая как мне кажется может быть угрозой для анархии, потому что подменяет собой прямые обсуждения) а также, помимо прочего, за излишнюю веру в разделение труда как на уровне извечного вопроса «интеллектуального» и «физического» труда, так и в отношении мировой экономики. Эспецифисты, напротив, провозглашают изживание разделение труда на микроуровне, то есть преодоление разделения между интеллектуальным и физическим трудом, но в этой книге практически не артикулируют темой преодоления мирового капиталистического разделения труда. Без этого преодоления невозможно кропоткинское изобилие, которого оба так хотят, потому что наивно полагать, что вместо социальной революции в одной стране или даже в нескольких странах будет мировая одномоментная революция, которая тут же обеспечит нас всей мировой промышленностью. Экономическая диверсификация, а также вследствие этого, относительная экономическая независимость регионов и стран, и в конце концов, становящаяся благодаря этому возможной распределение «по потребностям», как мне кажется, – необходимое условие привлекательности и жизнеспособности долгосрочного анархистского проекта.

Еще одной неоднозначной темой эспецифизма является вопрос о консенсусе. Вкратце, позиция эспецифистов относительно консенсуса скорее негативна, однако они от него не отказываются совсем. Они говорят, что форма принятия решений лишь средство, а не цель, с чем можно здесь не согласиться. Консенсус, по их мнению, нужно использовать пока он работает, но если он начинает бугсовать и неоправданно тормозить процесс, то следует оформить противостоящие предложения и проголосовать. Сейчас в России положительное отношение к консенсусу является консенсусом (простите). И по-моему мнению, это, наоборот хорошо, особенно если у такого консенсуса есть механизмы, которые не дают злоупотреблять им, и не мешают обучать людей ораторскому мастерству (что хорошо для агитаторов) и сознательной мысли. Напротив эспецифистам, если так можно сказать, Народная Самооборона относилась к консенсусу гораздо благосклоннее, как минимум с ее стороны я не находил текстов явно осуждающих консенсус.

Тем не менее, мое положительное мнение о консенсусе основано на опыте принятия решений в маленьких группах, и, возможно, в больших массовых движениях, в рамках которых у эспецифистов есть огромный опыт, он действительно малоэффективен. С другой стороны, остается шанс того, что, возможно, эспецифисты просто незнакомы со всей теорией организации эффективного консенсуса, описанного в книге Питера Гелдерлооса «Консенсус: принятие решений в свободном обществе» и в книге «Настольная книга по консенсусу» от Seeds for Change.

Народная Самооборона, как мне кажется, разработала довольно хорошие методы группирования анархистов вокруг практических задач в российских реалиях. Но

репрессии 2018-19 годов в отношении нее заставили всё анархистское движение откатиться до чуть ли не доперестроичного состояния, оставив от той эпохи только то, что не боролось с государством и капитализмом напрямую.

Очевидно, что сейчас, в условиях диктатуры и войны, не стоит глупо копировать наработки эспецифистов – сами эспецифисты бы с таким подходом бы не согласились, потому что один из главных теоретических постулатов эспецифизма звучит как «создание собственной теории», соответствующей вашим конкретным локальным условиям. Все-таки, современные эспецифисты исторически действовали и действуют в относительно демократических режимах, а потому могут себе позволить многие вещи, упомянутые ниже.

Тоталитарная сущность нашего государства не даст никому заниматься публичным акционизмом, и тем более политизированным, то есть открыто бросающему вызов государству, массовым движением. Но, равнодушие нашего государства к конфликтам аполитичных граждан может быть тем социальным вектором, в котором могут во всю развернуться осторожные анархисты. Сильное массовое движение – это такое движение, которое помимо прочего, по словам эспецифистов, не идеологизированно, то есть может потенциально включать все определенные угнетенные слои современного общества. Конечно, сейчас массовых, как политизированных, так и не, движений в России кот наплакал. В таком случае эспецифисты утверждают, что можно инициировать массовое движение самостоятельно. И именно такой попыткой, как мне кажется, были Сети Солидарности и Народная Самооборона.

Возможно, эспецифисты бы раскритиковали Народную Самооборону за слияние «специфической анархистской организации» с «социальным движением», потому что эти две сущности в их представлениях должны влиять друг на друга, а не сливаться в одно, взаимно ослабляясь и подставляясь под репрессии государства. В условиях России «специфическая анархистская организация» может быть только глубоко законспирированной, в духе бакунинского Альянса, организацией, но это не значит, что необходимо обрубить все пути для неопитов присоединится к ней. Нужно, чтобы каждый анархист понимал, через анархистские медиа или через какой-либо иной источник информации, что анархисты должны коллективно вливаться в перспективные аполитичные социальные движения, инициировать их с нуля, и присоединяться или создавать внутри них «специфические анархистские организации» с уклоном на работу внутри них для того, чтобы не публично идеологизировать их, поставить на рельсы борьбы с государством, которого они не победят, но делать так, чтобы в своих методах они старались соответствовать анархистским принципам и, как максимум, выглядели лишь внешне неидеологизированными.

Такой, возможно, был бы «эспецифистский» совет российским товарищам, более или менее сообразный сегодняшним реалиям.

Это еще не весь идейный багаж эспецифистов. Более подробно вы о них прочитаете в книге «Социальный Анархизм и Организация», что я вам и предлагаю сделать прямо сейчас. А перед этим, я положу интересное Предисловие к индонезийскому изданию этой книги, а после него статью Колина О’Мэлли о его впечатлениях от аргентинских эспецифистов.

Редакция телеграм-канала Хубисхал (@ulaanhara), март 2025 г.

Индонезийское Предисловие.

(Автор по всей видимости человек с именем Daun Malam. Также в самом начале стояла цитата Девантара «*Ing ngarsa sung tulada, ing madya mangun karsa, tut wuri handayani*», которую не получилось перевести).

Перед учениками педагог должен подавать хороший пример;

Среди учеников он должен проявлять инициативу;

Позади учеников педагог подбадривает и направляет их.

Суварди Сурьянинграт (Ки Хаджар Девантара) – один из лидеров движения за независимость Индонезии.

Книга, которую вы держите в руках, – один из самых важных вкладов в анархистскую организационную деятельность. Используя термин *especifismo*, чтобы отличить себя от других анархистских течений, концепции, изложенные в этом документе, на самом деле являются плодом более чем 50-летнего опыта анархистов в Южной Америке. *Especifismo*, что можно приблизительно перевести как «Специфичность», означает необходимость создания специализированной организации анархистов, единой в теории, идеологии, стратегии и тактике. Ее функция – более эффективная работа в центре социальных движений. Первой организацией, продвигавшей его, стала Анархистская федерация Уругвая (*Federación Anarquista Uruguaya* – FAU), основанная в 1956 году. Будучи вкладом, рожденным из сочетания теории и практики, эспецифизм сегодня имеет свои течения по всему миру. В этом документе Анархистская федерация Рио-де-Жанейро (FARJ), унаследовавшая дух эспецифизма, представляет свои организационные концепции после пяти лет существования.

Отличительной чертой этой традиции является разделение ее деятельности на две различные сферы. Первая – это *социальный уровень*, большое пространство, где анархисты взаимодействуют с широким обществом, например, деятельность в профсоюзах, общественных движениях, движениях за оккупацию пространства и бездомных, женских и небинарных движениях и так далее. И второй – *политический уровень*, который представляет собой выделенный анархистский «политический дом», пространство для встреч и углубленных дискуссий боевых анархистов, разработки общих стратегий и тактик, самоорганизации и анализа их деятельности в социальных движениях. Некоторые авторы называют эту особенность *организационным дуализмом* или двойной организацией.

С того момента как анархизм появился в Индонезии в 2016 году и с тех пор как он стал широко известен в обществе в 2018 году появилось множество инициатив социального уровня: суповые кухни в стиле *Food Not Bomb*, студенческие альянсы, крестьянские оккупационные движения, движения против выселения, городские оккупации, профсоюзы, уличные библиотеки, фри-маркеты, независимые футбольные клубы и многое другое. Некоторые из этих инициатив живы и по сей день, некоторые умирают быстрой смертью. Пока у нас есть только пространства на социальном уровне. С выходом этой книги мы надеемся, что настанет время, когда больше воинствующих анархистов смогут собраться и повысить эффективность своих действий за счет создания политического уровня: проектирования и строительства собственного «политического дома».

Публикуя эту книгу мы также учитываем тот факт, что большая часть анархистской литературы в Индонезии до недавнего времени была заимствована из Северной Америки и Западной Европы, хотя на самом деле Индонезия как страна третьего

мира имеет больше общего с Латинской Америкой, колонией, которая не полностью освободилась от феодализма, еще не полностью индустриализовалась, но движется к этому; имеет общий опыт диктатуры и военного правления; ее тропические леса были потеряны из-за широкого распространения плантаций и горнодобывающей промышленности; ощущает прямое воздействие процесса индустриализации, как в городских, так и в сельских районах; формально консервативна и религиозна; культурно разнообразна и имеет потенциал для самоуправления коренных общин.

Многие из важных понятий в этом тексте могли бы стать шуткой для современных анархистов в Индонезии, потому что даже в 2023 году мы все еще слышим слухи о том, что быть анархистом – значит не уметь организовываться. Не говоря уже о том, чтобы говорить о приверженности, ответственности, самодисциплине и воинственности. Сегодня многие по-прежнему считают организацию и анархизм двумя разными вещами, как будто организация может быть только вертикальной, авторитарной и иерархической, а анархизм – только панковским. В этом документе сделана попытка обрисовать горизонтальную, антиавторитарную, неиерархическую модель организации.

Еще один термин, который может вызвать недоумение у современных анархистов, – это использование Малатестой термина «анархическая партия». Действительно, было время, когда термин «партия» не имел тех негативных коннотаций, которые он имеет сегодня. В XIX веке анархисты использовали термин «партия» нейтрально, потому что в то время слово «партия» означало просто группу людей, объединенных общим набором принципов. Во времена колониализма в голландской Ост-Индии лидер независимости Эрнест Дувес Деккер создал одну из самых передовых политических организаций своего времени – Индийскую партию (*Indische Partij*). Партия Индий не участвовала в выборах и стала первой прогрессивной межнациональной организацией (европейцев и коренного населения). Деккер был воинствующим анархистом, сторонником саботажа и прямого действия, вдохновленным анархо-синдикалистами в Европе, и сделал *Indische Partij* своей политической машиной.

Мексиканский революционер-анархист Флорес Магон, несмотря на то, что называл себя либералом, полностью осознавал, что его политическим течением является анархизм. Тем не менее, его политической площадкой была непарламентская организация под названием Либеральная партия Мексики (*Partido Liberal Mexicano*). В письме своему брату и Пракседису Герреро, написанном из тюрьмы в 1908 году, Магон объяснил, что это был вопрос тактики:

«...если мы с самого начала назовем себя анархистами, нас никто или, в лучшем случае, немногие будут слушать. Не называя себя анархистами, мы разжигаем ненависть народа к финансистам и правящей касте.

В мире нет ни одной либеральной партии с такими антикапиталистическими тенденциями, как у нас, которая положила начало революции в Мексике. Мы не смогли бы добиться этого, называя себя социалистами или анархистами. Так что все дело в тактике».

Анархистские политические организации прошлых веков могут иметь названия, которые сегодня вызывают удивление у анархистов. Например, анархистская организация под названием «Авангардная группа» в США, действовавшая в 1932-1939 годах, и ее одноименная публикация. Понятие «авангардизм» впоследствии использовалось

только авторитаристами для обозначения профессиональных революционеров партии, которые пытались вести за собой массы. В какой-то степени термин «активное меньшинство» в этом документе, кажется, имеет что-то общее с *авангардом*. Но необходимо подчеркнуть, что активное меньшинство не ставит себя выше, решительнее, знатнее или в авангарде народа. В соответствии с этикой активное меньшинство, как будет неоднократно подчеркиваться в этом документе, погружается в социальные движения и работает в них, укрепляя и развивая революционные и либертарные качества социальных движений.

Сегодня партии относятся к двум типам авторитарных политических групп: 1) парламентские политические партии, которые выдвигают своих кандидатов в советники на всеобщих выборах и стремятся получить как можно больше голосов, и 2) «революционные» политические партии, подобные индонезийской коммунистической партии прошлого, которые всегда стремились к захвату государственной власти, чтобы затем внедрить социализм/коммунизм сверху путем диктатуры. Эти две партийные политические практики явно противоположны тому, что имеют в виду анархисты. Поэтому мы не рекомендуем повторно использовать термин «партия» или использовать его в качестве названия специфической анархистской организации.

Наконец, публикация этого документа призвана побудить анархистов к созданию собственных специфически политических организаций. Таким образом, мы сможем обеспечить возрождение антиавторитарных идей и их готовность противостоять взлетам и падениям борьбы. Этот документ может служить руководством для этого процесса и может быть скорректирован в соответствии с нашими обстоятельствами и потребностями.

Джакарта, 18 мая 2023 года

Построение революционного Анархизма.

Колин О'Мэлли – автор текста «Построение революционного анархизма», анархист и организатор, живущий в Рочестере, штат Нью-Йорк, США. В 2007 году он провел год в аргентинском Буэнос-Айресе, где убедился в необходимости создания специфических анархистских организаций. Вернувшись в США, он помог основать организации Buffalo Class Action и Rochester Red & Black. Через эти организации он участвовал в серии анархистских конференций «Классовая борьба», которые привели к основанию в 2013 году общенациональной анархистской федерации «Черная роза».

Введение

В этой статье речь идет о неудачах анархистского движения в развитии, несмотря на многочисленные социальные движения, и о том, как модели анархистской политической организации указывают путь вперед, чтобы преодолеть эти подводные камни.

Два недавних события бросили критический вызов анархистскому движению в США: финансовый кризис, начавшийся в 2008 году, и движение Occupy Wall Street (OWS), возникшее в результате этого кризиса в 2011 году. Если нынешние политические и экономические перспективы в этой стране позволяют судить об этом, следует ожидать, что подобные моменты будут возникать все чаще. Подобные «моменты движения» – это критические возможности для революционеров любого толка, левых или правых. Принятие статус-кво кажется невозможным.

OWS, в частности, предоставила невероятную возможность для анархизма. Она была в значительной степени инициирована анархистами, во многих местах поддерживалась анархистами и, безусловно, заставила многих людей заговорить об анархизме. В недавней работе Марка Брея «*Translating Anarchy: The Anarchism of Occupy Wall Street*» он рассматривает влияние анархизма среди организаторов OWS и обнаруживает:

Интервью показали, что 39% организаторов OWS определяли себя как анархисты... Я обнаружил, что 30% организаторов, которые не определяли себя как анархисты (34% всех организаторов не связывали себя ни с каким общим ярлыком), указали анархизм как влиятельный элемент в их общем мышлении.

Такие «Моменты движения» случаются не каждый день. Для нас очень важно критически оценить, что наше движение приобрело, что потеряло и что ему нужно, чтобы стать сильнее в следующий раз, когда случится «Момент Движения». Итак, учитывая раннее влияние анархизма на организаторов OWS, что было приобретено? В некоторых местах, похоже, выросли группы прямого действия по борьбе с долговой конфискацией жилья (anti-foreclosure), в других – увеличилось число членов в организации «Индустриальные рабочие мира» (IWW), и в целом есть ощущение, что анархистские идеи все чаще становятся частью диалога во многих движениях за социальную справедливость. Однако ни одно из них не является явно анархистским.

В то время как движение прямого действия против долговой конфискации жилья и IWW, очевидно, имеют некоторое внутреннее анархистское влияние, ни одно из них не является явно анархистским, и оба часто активно избегают тесной связи с анархистами.

Брей приходит к выводу, что «Occupy Wall Street» был упущенной анархистами возможностью:

«Когда я отступаю назад, чтобы оценить ощутимый политический результат для анархистского движения после месяцев, проведенных перед мировыми прожекторами

с тысячами жаждущих новых людей, бьющихся в двери, чтобы принять участие, у меня возникает тонущее чувство, что в какой-то степени мы тоже «скользили по этим событиям, как призрак в тумане». У нас даже не было конкурирующих левых группировок. Поле политического влияния было открыто для нас, и мы не извлекли из него столько, сколько должны были».

В качестве ключевой составляющей этой упущенной возможности Брэй называет недостаток организации:

«Многие новые организаторы были вдохновлены анархистской этикой, и было бы полезно, чтобы анархистские организаторы могли сказать: «О, вы интересуетесь анархизмом? Приходите на нашу дискуссию в четверг вечером об «анархистских взглядах на организацию»;» или «Может быть, вам будет интересно присоединиться к нашей анархистской организации/коллективу?».

Конечно, простой вывод о том, что анархисты должны создавать или даже иметь организации, не является новой или всеобъемлющей идеей. Но, глядя на анархистов в Южной Америке, мы более четко видим концепцию организации анархистов и роль явно анархистской организации. Учитывая успех, которого анархисты добились в Южной Америке, стоит рассмотреть их методы и применить те, которые имеют смысл в нашем контексте.

Ораторский тур «Построение революционного анархизма»

Я решил координировать ораторский тур «Построение революционного анархизма», чтобы помочь нам в полной мере воспользоваться этими «моментами движения» для повышения популярности и влияния анархизма в США. Изначально предполагалось, что тур будет состоять всего из трех или четырех остановок, но в итоге он включил в себя семнадцать остановок по всей территории США в течение большей части лета 2013 года. Я обнаружил, что многие другие разделяют разочарование по поводу отсутствия прогресса, достигнутого организованным анархизмом во время этих «Моментов движения», и что многие другие ищут новые идеи об эффективной организации, сохраняя при этом свои анархистские идеалы. Время было выбрано идеально. Я нашел людей по всей стране, которые сначала были очень взволнованы «Occupy Wall Street», но потом обнаружили, что им трудно представить себе единые дальнейшие шаги.

За то короткое время, что я работаю организатором движения за революционные изменения и преобразования в Соединенных Штатах, я видел множество «моментов движения», которые приходили и уходили. В каждом случае, похоже, мы не смогли развить *наше* движение и извлечь уроки, необходимые для подготовки к следующему моменту. Вместе с растущим числом людей и организаций в стране мне стало ясно, что отсутствие явно анархистской организации – одна из наших главных слабостей.

Именно в 2007 году я убедился в реальной ценности создания явно идеологических анархистских организаций. Находясь в Аргентине, я познакомился с некоторыми членами Red Libertaria из Буэнос-Айреса, официальной анархо-коммунистической организации, занимающейся разнообразной образовательной и организационной деятельностью. Почти сразу же я был поражен вдумчивостью, умом, искренностью и эффективностью анархистского движения в этой стране. Это вдохновение, которым я стремился поделиться после возвращения в Соединенные Штаты.

Ораторский тур «Построение революционного анархизма» помог мне не только поделиться этим вдохновением, но и подробно рассказать о некоторых различиях в организационных методах, которые я увидел в Аргентине. Но это были не просто незначительные организационные изменения, которыми я чувствовал, что должен поделиться. Анархисты в Южной Америке разработали теорию о роли революционной анархистской организации, *especifismo*. Именно этим пониманием самих себя и своей роли в создании движения я почувствовал настоятельную потребность поделиться. И в июне 2013 года, когда запланированные даты тура быстро увеличились с пяти до семнадцати, я понял, что эта настоятельная необходимость была общей.

Дискомфорт от идеологической организации в США

Чтобы объяснить мой взгляд на идеологическую организацию до жизни в Аргентине, мне нужно немного отступить назад. Необходимо сопоставить мой прежний опыт с тем, что я пережил в Аргентине, чтобы лучше выразить мои нынешние взгляды.

Я бы назвал себя анархистом где-то с 2000 года. Я познакомился с идеями анархизма во время демонстраций против Всемирной торговой организации в Сиэтле. В то время я чувствовал, что революция не за горами. Сопротивление, возникающее по всей стране, вдохновляло и казалось связанным с другими движениями на международном уровне. Я участвовал в нескольких черных блоках и даже пытался создать местную анархистскую группу в Буффало под названием BuffalA (понятно?). Но я всегда испытывал некоторый дискомфорт по поводу идеологических групп.

По сути, BuffalA пыталась собрать всех в Буффало, кто называл себя анархистом. У нас никогда не было никаких согласованных принципов. Мы не могли договориться, должны ли мы организовать боевое рабочее движение, чтобы захватить промышленность, или сжечь все фабрики. Некоторые утверждали, что мы даже не должны принимать официальных решений. Некоторые утверждали, что нам не следует даже встречаться – несмотря на то, что мы находимся на собрании. Очевидно, потребовалось совсем немного времени, чтобы эта попытка собрать всех потерпела крах.

Будучи родом из промышленного города «ржавого пояса», выросший на пособии и без него, сталкивавшийся с постоянными выселениями моей семьи из ужасного жилья, я всегда чувствовал, что анархистское движение не связано с теми, кто должен быть в его авангарде: с теми, кто больше всего страдает от капитализма, государства, патриархата и господства белой расы.

Вместо этого мы, казалось, почти намеренно создали изолированную субкультуру, которая не желала по-настоящему вникать в проблемы окружающих нас людей. Мы говорили о движениях, всеобщих забастовках и массовых акциях, но, похоже, никогда не хотели по-настоящему взаимодействовать с людьми, о которых мы говорили. Эта разобщенность привела к строгому пуристскому менталитету в отношении того, какие группы являются «достаточно анархистскими», чтобы с ними работать. В конце концов, мне стало ясно, что такая чистота на самом деле была лишь способом рационализировать наше бездействие и изоляцию. Со временем мы устроили несколько хороших посиделок и панк-шоу, организовали «Еду вместо бомб» и инфошоп. Но в итоге ни один из этих проектов не привел к появлению более умелых организаторов. Ни один из них не привел к ощущению того, что мы на пути к большим социальным изменениям. Ни один из них не привел даже к появлению пары

новых лидеров из цветных сообществ или рабочего класса. Это не такая уж новая проблема в анархистском движении США. В 1930-х годах Люси Парсонс отмечала, что:

«Анархизм не породил никаких организаторских умений в нынешнем поколении, только несколько свободных борющихся групп, разбросанных по огромной стране, которые время от времени собираются на конференции, разговаривают друг с другом, а потом расходятся по домам... Разве это можно назвать движением?... Я пошла работать в Международную организацию защиты труда, потому что хотела сделать хоть что-то, чтобы помочь защитить жертв капитализма, попавших в беду, а не постоянно болтать, болтать и болтать».

По моему опыту, это как никогда верно. В конце концов, чистота, изолированность и откровенно плохая организованность показались мне обманчивыми. Я стал уделять больше времени организации более широких групп «социальной справедливости» и «прав трудящихся». Хотя у меня часто возникали серьезные разногласия с анализом этих групп, по крайней мере, я видел, как происходит реальная организационная работа, и чувствовал себя менее изолированным в своем собственном сообществе. Так что к тому времени, когда я уехал в Аргентину, я бы назвал себя анархистом, но я бы не стал выступать за анархистские организации.

Анархизм в Аргентине

Я поехал в Аргентину не для того, чтобы узнать об анархизме или анархистской организации. Я ехал, чтобы узнать о рабочих движениях, которые захватывали собственные рабочие места. Я был заинтригован тем, что делают их рабочие движения гораздо более боевыми, чем наши. Короткий ответ, который я обнаружил, заключается в том, что они не боятся идеологии. Анархистские, социалистические и коммунистические идеи обсуждались гораздо более открыто, чем в Соединенных Штатах. У каждой из этих идеологических групп было множество организаций, пространств и публикаций, и все они имели членов в крупных профсоюзах, общественных организациях и студенческих группах.

Мне не потребовалось много времени, чтобы познакомиться с Red Libertaria de Buenos Aires, общегородской организацией анархистов-коммунистов, которые называли себя «*especifistas*» – слово, которое я никогда не слышал и понял лишь несколько месяцев спустя. В меньшей степени я также познакомился с членами Federación Libertaria de Argentina.

Почти сразу я увидел реальные различия между Red Libertaria и моим предыдущим опытом. На первом мероприятии Red Libertaria, которое я посетил, я встретил рабочих, организующихся на своих рабочих местах, студентов, организующих свои студенческие союзы, людей, живущих в *villas miserias* (трущобах), участвующих в своих коммунальных организациях. Такая глубина присутствия в угнетенных сообществах была почти полной противоположностью изолированным субкультурным группам, к которым я привык в США. Еще более важным, чем разнообразие в комнате, было то, что разговор внутри был заметно сильнее. Об анархизме говорили как о «дорожной карте» для людей, реально участвующих в повседневной борьбе. Я сразу же почувствовал, что должен обратить внимание на то, как они организуются. Хотя в США, безусловно, есть анархисты, которые организуют свою деятельность так же, как в Аргентине, в США эти методы не выглядят стандартными. По большей части аргентинские организации сильно отличались от тех, с которыми я сталкивался в США.

Во-первых, у «Red Libertaria» были четкие пункты, которыми они обхединены. Это была явно анархо-коммунистическая организация. Они не создавали организацию из тех, кто называл себя анархистами. Скорее, они разработали конкретные пункты, согласившись с которыми можно присоединиться к организации. Часто в анархистских кругах США такой подход рассматривается как авторитарный. Но наличие четкого набора объединяющих моментов делает организацию вокруг этих моментов намного проще, даже если это приводит к созданию небольших групп.

Во-вторых, «Red Libertaria» не использовала консенсус. Это стало для меня абсолютным шоком. Во мне укоренилось мнение, что консенсус – единственная приемлемая форма принятия решений среди анархистов. В глобальном масштабе наши

взгляды в США являются некоторой аномалией. В большинстве других стран мира анархисты не настаивают на консенсусе. Как отмечает Эндрю Корнелл в книге *«Oppose and Propose! Lessons from Movement for a New Society»*, квакеры принесли консенсус в американский анархизм.

Если позволить более простые и быстрые формы принятия решений, то можно открыть жизненно важную дверь к созданию гораздо более крупных организаций, а не маленьких нежизнеспособных аффинити-групп.

В-третьих, в «Red Libertaria» существовали взносы. Члены платили взносы, чтобы обеспечить хорошее финансирование организации и гарантировать, что все участвуют в расходах поровну. Это важно по нескольким причинам. Когда в организации растет число членов, растут и ресурсы, которые помогают финансировать помещение, публикации, медиа-крыло, рекламу мероприятий и т. д. В то же время члены организации поровну делят расходы на нее. Во многих исследованиях было показано, что более бедные люди часто отдают из своего кармана больше, чем более обеспеченные члены. Тем не менее, система взносов гарантирует, что те, у кого больше средств, помогают финансировать организацию в большей степени.

В совокупности эти различия в методах организации рисуют довольно очевидную картину. Анархисты в Буэнос-Айресе создавали формальную организацию и не боялись говорить об этом прямо. Там не было необходимости постоянно прогибаться под почти гегемонистские антиорганизационные взгляды. Я утверждаю, что анархистское движение в США ничего не потеряет от того, что хотя бы некоторые из нас будут поступать так же. Существует множество антиорганизационных или неформальных организационных группировок. Давайте перестанем считать, что в создании целенаправленной и формальной организации есть что-то антианархическое. Упрощенная и пуристская внутренняя полиция не должна мешать нам экспериментировать со способами создания путей к революции.

Эспецифизм

Хотя даже несколько небольших различий в процессах увеличивают силу южноамериканских анархистских организаций, критические различия на этом не заканчиваются. Наши различия гораздо глубже. У «Red Libertaria» было более полное понимание роли идеологической анархистской организации – как она работает над созданием анархистских идей и как она связана с более широкими движениями рабочего класса и локальных сообществ. Эти идеи называются эспецифизмом и стали важной частью организованной анархистской среды в Южной Америке.

В США многие из нас познакомились с эспецифизмом благодаря статье Адама Уивера «Эспецифизм: анархистский праксис создания народных движений и революционных организаций в Южной Америке» в одиннадцатом номере журнала *The Northeastern Anarchist*. Хотя эта статья не была моим введением в эспецифизм, я нашел в ней полезную выжимку этих идей. В своей статье Уивер разбивает эспецифизм на три лаконичных пункта:

«1. *Необходимость специфической анархической организации, построенной на единстве идей и практики.*

2. *Использование специфической анархической организации для теоретизирования и разработки стратегической политической и организационной работы.*

3. *Активное участие и создание автономных и народных социальных движений, что описывается как процесс «социального внедрения».*

Эта базовая разбивка обеспечивает дорожную карту для развития анархистской организации, которая имеет влияние за пределами себя самой.

Специфическая анархистская организация

В заявлении «Наша концепция анархистской организации» Federação Anarquista do Rio de Janeiro (FARJ) говорится:

«Эта модель организации утверждает, что функция специфической анархистской организации заключается в сплочении и координации сил, возникающих в результате милитантной деятельности, создании инструмента для надежной и последовательной борьбы, которая стремится к конечной цели: социальной революции и либертарному социализму. Мы считаем, что работа без организации (или с недостаточной организацией), когда каждый делает то, что хочет, плохо сформулированная или даже изолированная, неэффективна. Модель организации, за которую мы выступаем, направлена на умножение результатов и эффективности милитантных сил».

Проще говоря, именно благодаря организации и коллективным действиям наши индивидуальные усилия приводят к более весомым результатам. И именно через организацию мы позволяем нашим усилиям поддерживать себя вне активности и участия отдельных индивидуальных активистов и организаторов. Организации способны пережить периоды затишья между массовыми движениями; это жизненно важно, если мы действительно хотим извлечь уроки из каждого движения, в котором мы участвуем.

В Буффало Class Action и в Рочестере Red & Black, двух местных анархистских организациях, вдохновленных эспецифизмом, я убедился, что явно анархистская организация позволяет нам сделать идеи анархизма более привлекательными и актуальными для повседневной борьбы, происходящей в наших городах. В обоих случаях, спустя совсем немного времени, мы обнаружили, что оказываем влияние не только на себя, поскольку другие услышали наши идеи и приветствовали нашу намеренную поддержку специфических организаций и их борьбы. В случае с Rochester Red & Black это влияние, похоже, вышло за пределы Рочестера. Несмотря на то, что в группе было менее двадцати человек, выступая по стране, я нашел немало людей, которые уже были знакомы с Rochester Red & Black. Такое влияния не могло бы быть достигнуто в такой же степени каким-либо одним человеком в нашей организации.

Развитие теории и стратегии

В анархистских кругах мы, кажется, вечно говорим о тактике и о том, эффективна ли тактика. В этом случае мы не замечаем леса за деревьями. Одна конкретная тактика не является универсально эффективной или неэффективной; ее эффективность зависит от того, как она включена в более широкую стратегию. Во многих анархистских кругах очень мало разговоров о стратегии, помимо простых тактических предпочтений, и эти тактические решения часто основаны на личной предрасположенности к поверхностной милитантности, а не на эффективной интеграции в более широкую стратегию.

В «Уэрта Гранде» представители Федерации анархистов Уругвая (FAU) – те, кто первыми разработали теорию эспецифизма – рассказывают о важности и связи теории с развитием стратегической организации.

Без линии для теоретической работы организация, какой бы большой она ни была, будет сбита с толку обстоятельствами, которые она не может ни обусловить, ни осмыслить. Политическая линия предполагает наличие программы, то есть целей, которые должны быть достигнуты на каждом шагу. Программа указывает, какие силы являются благоприятными, какие – вражескими, а какие – лишь временными союзниками. Но для того, чтобы знать это, мы должны глубоко знать реальное положение дел в нашей стране. Поэтому получить эти знания сейчас – задача первостепенной важности. А для того, чтобы знать, нам нужна теория.

Наличие четкой стратегической программы одновременно защитит наши организации от манипуляций со стороны более крупных политических сил и позволит нам предложить стратегическое направление людям в борьбе за конкретное улучшение. А если мы не можем предложить реальный путь к созданию милитантных организаций, которые в конечном итоге приведут нас к революционным условиям, то как мы можем называть себя революционерами? Без четкой программы, разработанной анархистами, мы застрянем в работе с реформистскими организациями, игнорируя свои собственные убеждения, или будем революционерами только по названию – выступая наиболее радикально, независимо от того, насколько непрактичны наши стратегии на самом деле.

Когда у нас есть теория и программа, что делать с этой программой – это уже совсем другая задача. Будем ли мы претворять эту программу в жизнь, имея лишь свою небольшую группу преданных, организованных анархистов? Третий пункт разбивки Уивером понятия эспецифизм помогает прояснить следующий шаг.

Социальный и политический уровни организации

Во многих отношениях понятие «социальное внедрение», как его называют в Южной Америке, – это сердце эспецифизма. Чтобы досконально понять, что такое социальное внедрение, нам нужно сначала разобраться в различиях между социальными движениями и политическими организациями. По сути, социальное внедрение – это то, как взаимодействуют организации и движения, а также роль революционной анархистской политической организации в этих отношениях.

Как я уже говорил, анархистская политическая организация – это просто организация самоназванных анархистов с четко выраженным единством идей и практик, которые работают над разработкой стратегической программы революции, ведущей к анархистским социальным и экономическим структурам. Конечно, по своей природе эта организация будет довольно небольшой по сравнению с населением в целом и будет требовать высокого уровня приверженности от своих членов.

Другим важным партнером в наших революционных усилиях являются социальные движения и их организации. В работе «Социальный анархизм и организация» ФАРЖ объясняет центральную роль социальных движений в анархистской революционной мысли:

«Если борьба анархизма направлена на конечные цели социальной революции и либертарного социализма, и если мы понимаем эксплуатируемые классы как главных акторов преобразований, направленных на достижение этих целей, то для анархизма нет другого пути, кроме как искать способ взаимодействия с этими классами».

Социальное движение – это массовая организация эксплуатируемых классов, включающая профсоюзы рабочих, организации жильцов многоквартирных домов, профсоюзы учащихся школ, народные собрания кварталов и самоорганизацию безработных. Социальные движения обретают свою силу благодаря участию масс, а не идеологической чистоте. В борьбе на рабочем месте должны участвовать все рабочие, а не только анархисты.

Профсоюз маргинализирует себя, обслуживая только тех работников, которые причисляют себя к анархистам или требуют, чтобы вступающий в него был анархистом. Это ослабит способность профсоюза бороться с боссами и, в конечном счете, ослабит борьбу с капитализмом.

Проще говоря, анархистский и антиавангардистский взгляд на революцию заключается в том, что социальные движения сами являются революционными акторами; их организации в конечном итоге приведут к социальной революции. Анархистская организация не является авангардом, ведущим людей к революции. Напротив, анархистская организация предлагает подлинное революционное направление социальным движениям и эксплуатируемым классам, входящим в эти движения.

Социальное внедрение и связь между социальным и политическим

Как анархисты собираются взаимодействовать с более широкими классами, составляющими социальные движения? Эспецифистские организации утверждают, что социальное внедрение – это способ, которым анархисты должны взаимодействовать с этими более широкими классами. Важность социального внедрения невозможно переоценить. Как говорят в FARJ, «социальная работа и внедрение – это самые важные виды деятельности специфической анархистской организации».

Социальное внедрение – это вовлечение в общественные движения и их организации в качестве искренних участников.

Будучи участниками революционной анархистской организации, мы будем участниками и членами двух или более организаций. Двойная организационная ориентация приводит нас в непосредственный повседневный контакт с неанархистами из эксплуатируемых классов, поскольку они занимаются организацией и борются за свое выживание.

В этих организациях революционные анархисты должны открыто отстаивать наши позиции, даже если они находятся в меньшинстве, чтобы четко сформулировать перспективу, которую мы предлагаем. Наши идеи прямого действия, горизонтальной организации, классовой борьбы и антикапитализма должны открыто обсуждаться в социальных движениях как важные стратегические элементы усиления социального движения.

Важно подчеркнуть, что открытое отстаивание наших идей не означает, что анархисты должны пытаться захватить лидерство в этих организациях или пытаться «идеологизировать» социальное движение превратив его в анархистское социальное движение. Напротив, цель открытого отстаивания наших идей – напомнить более широким общественным движениям о той силе, которой они обладают, и об их способности коренным образом перестроить общество.

Наши революционные анархистские идеалы найдут поддержку в социальных движениях благодаря нашему влиянию как членов социального движения с ясным видением нового мира и организаторскими способностями милитантов, работающих в долгую. Это означает, что, будучи анархистами, мы будем преподавать наши идеи нашим товарищам по борьбе, «делая и показывая» гораздо больше, чем «говоря и объясняя».

Активная вовлеченность в создание социального движения, выполнение необходимой повседневной работы, чтобы стать примером сильного низового члена социального движения, и борьба за выживание эксплуатируемых классов будут способствовать росту нашего влияния.

Подобная вовлеченность не только поможет анархистским милитантам и организаторам усилить свое влияние, но такая непосредственная деятельность необходима для формирования их стратегических и теоретических перспектив. Перспектива, оторванная от классовой борьбы на местах, не может знать важных местных акторов, то, как они взаимодействуют, с кем и как работать. Знание этих деталей сделает нас более сильными организаторами и лучшими союзниками тех, кто находится в наших сообществах и социальных движениях.

Активное преодоление разделения между преданными, организованными анархистами и более широкими, но, вероятно, более реформистскими социальными движениями особенно важно в Соединенных Штатах.

По крайней мере с 1950-х годов левые организаторы активно, а иногда и жестоко, отделялись от более крупных социальных движений. За десятилетия социальные движения привыкли к тому, что революционные перспективы не обсуждаются и не отстаиваются открыто. В то же время идеологические группы привыкли к тому, что на арене социальных движений они практически не имеют влияния. В результате социальные движения боялись заявлять о своей силе и еще больше боялись обсуждать «радикальные» идеи. С другой стороны, идеологические группы выработали привычку создавать идеальные модели организации, которые никогда не увидят свет, и использовать их для обличения социальных движений в том, что они не справляются со своей миссией. Если мы хотим увидеть реальные перемены, разделение между революционными анархистами и социальными движениями должно быть разрушено. Социальные движения нуждаются в нас, а мы – в них.

Социальные движения нуждаются в нас

Я часто выступаю в анархистских кругах. В этих кругах я заметил сильное понимание всех способов, с помощью которых социальные движения нуждаются в анархистах и наших взглядах.

Анархистская критика стратегий и тактик, используемых большинством движений, хорошо знакома. К сожалению, эта критика часто используется для осуждения социальных движений и оправдания нашей недостаточной активности, а не для того, чтобы предложить более значимые способы вовлечения нас в них.

Однако революционеры, вовлеченные в социальные движения, часто соглашались с нашими идеями и хотели бы, чтобы они использовались.

Одна из очень очевидных стратегических идей анархистов, которая, кажется, совершенно упущена теми, кто представляет более реформистские социальные движения, – это идея о том, какими ловушками на самом деле являются избирательные и законодательные кампании. Анархистская идея прямого действия как основного средства требования перемен имеет решающее значение для перенаправления энергии многих социальных движений в сторону от их неудачной зависимости от избирательной политики.

Когда объединенная и согласованная деятельность тысяч людей является вашим основным источником силы, как это обычно бывает в социальных движениях, иерархическая организация является огромным препятствием для вашей собственной силы. Понятия горизонтальной организации, предлагаемые анархистами, позволяют отдельным рядовым членам иметь подлинное чувство причастности к своим организациям и решениям этих организаций, что, в свою очередь, приводит к более целеустремленной и согласованной деятельности со стороны этих членов.

Многие социальные движения существуют специально для того, чтобы расширить права и возможности групп людей из эксплуатируемых классов. По сути, это участие в классовой борьбе. К сожалению, многие такие группы не имеют намеренной ориентации на классовую борьбу. Эта путаница приводит к серьезным стратегическим ошибкам при выборе союзников, получении финансирования и оказании влияния.

Без понимания того, что организация должна наращивать свою собственную мощь, чтобы более эффективно участвовать в классовой борьбе, многие организации ослабляют сами себя. Они передают внутреннюю мощь тем, кто в противном случае был бы классовым врагом, принимают финансирование с многочисленными уступками от тех же врагов, а потом удивляются, почему они не могут обрести мощь. На самом деле, они стали жертвами кооптации как симптома их собственного недостаточного классового сознания.

Во всех этих ситуациях анархизм может предложить общественным движениям ясную перспективу, которая поможет им укрепить себя. И если анархисты заинтере-

сованы в укреплении социального движения больше, чем в том, чтобы всегда быть правыми, то они будут знать, когда и как вступать в эти внутренние дебаты.

Нам нужны социальные движения

Многие анархистские круги в США забывают о том, насколько важна для анархистского течения реальная связь с более широкими социальными движениями. Укоренение идей анархизма в конкретной повседневной борьбе маргинализированных людей дает анархизму необходимую опору в окружающей действительности.

В ближайшей перспективе в анархистском движении США существует явная потребность в подготовке организаторов. После десятилетий организации в основном в замкнутых кругах других анархистов мы утратили многие из тех навыков масштабной организации и создания институтов, которыми обладали многие наши предшественники. Исторические трудности с поддержанием жизни инфошопов и других анархистских пространств – очевидный результат этих базовых недостатков. Учитывая недавний ажиотаж, вызванный IWW, в анархистской среде можно было бы ожидать большего роста членства. Угасание и затухание местных анархистских организаций часто является не столько результатом какой-то внутренней проблемы с понятием организации, сколько результатом отсутствия базовых организационных навыков у местных анархистов. Базовая организация собраний, ведение местных СМИ, разработка сильных мероприятий и мобилизаций, а также создание местных институтов наших движений – все это то, чему мы могли бы научиться у более широких социальных движений.

Наша коллективная слабость в организации вокруг повседневного опыта людей и разработке эффективных ответных мер привела к другой огромной проблеме: разрыву между анархизмом и сообществами рабочего класса и цветного населения. Это именно те сообщества, где должны укорениться само-освободительные идеи анархизма. И, что не менее важно, повседневный опыт этих людей помогает определить стратегию, тактику и мышление организаторов. Анархистское движение никак не может претендовать на подлинно революционный потенциал, не будучи укорененным в тех сообществах, которые больше всего нуждаются в революции.

Глубоко укоренившаяся связь с реальностью повседневной жизни людей оказывает более глубокое влияние, чем простое информирование о наших организационных стратегиях и тактиках; она также дает нашему текущему теоретическому развитию аналогичную связь с реальностью. Многие современные теории, исходящие из анархистской среды США, имеют очень мало значимой связи с реальностью маргинальных людей в наших анархистских сообществах, и когда мы позволяем себе оставаться только в этих изолированных анархистских сообществах, мы в конечном итоге приходим к тому, что ведем дебаты, которые совершенно непонятны для окружающих нас людей. Если мы намерены создавать массовые движения, эта разобщенность и ее расширяющийся характер должны нас пугать.

Революция, контрреволюция и выученные уроки

Исторический контекст эспецифизма очень важен, если мы хотим понять, что он значит для нас сегодня и насколько серьезно мы должны относиться к этим идеям. Эспецифизм появился в Уругвае после многих лет диктатуры.

Несмотря на невероятно мощное и влиятельное анархистское движение в начале 1900-х годов, Уругвай с конца 1960-х стал диктатурой, продержавшейся до начала 1980-х годов. В этот период некоторые члены ФАУ включились в интенсивное исследование того, что позволило им потерять свою страну из-за фашизма и как укрепить будущие анархистские усилия. Эспецифизм воплотил в себе идеи, возникшие в результате этого исследования и быстро нашедшие вдумчивых приверженцев во многих других южноамериканских странах, которые аналогичным образом спасались от диктатуры.

Аналогичные выводы были сделаны и другими анархистами после схожего опыта. Когда испанская революция переросла в затяжную гражданскую войну, в которой фашисты получали все более явное преимущество, «Друзья Дуррути» встали на защиту важности специфически анархической революции. В своем манифесте «К новой революции» «Друзья Дуррути» подчеркивают необходимость учиться на ошибках Июльской революции 1936 года:

«Революции не могут победить без путеводных ориентиров, без непосредственных целей. Вот чего не хватало Июльской революции. Обладая силой, CNT не знала, как строить спонтанную деятельность на улице. Сами лидеры были напуганы событиями, которые для них стали совершенно неожиданными. Они понятия не имели о том, какой курс действий избрать. Теории не было. Год за годом мы тратили, размышляя над абстракциями. Что делать? – спрашивали себя лидеры. И они позволили революции потерпеть поражение».

В России анархисты были неотъемлемой частью революции. Анархисты пережили одно из самых ранних предательств: авторитарные коммунисты уничтожили инструменты власти рабочих, которые анархисты помогли создать, и, в конце концов, большевики изгнали анархистов из страны. Несколько лет спустя, находясь во Франции и оглядываясь на русскую революцию, группа русских анархистов под названием «Дело Труда» рассказала о своих мыслях:

«Именно во время русской революции 1917 года потребность во всеобщей организации ощущалась наиболее глубоко и остро. Именно во время этой революции в либертарном движении проявилась наибольшая степень раздробленности и растерянности. Отсутствие общей организации привело многих активных анархистов в ряды большевиков».

В «Организационной платформе Всеобщего союза анархистов (проект)» «Дело Труда» изложили свои идеи о важности явно анархистской организации, построенной на единстве теории и практики, а также о том, какую роль она должна играть и какими методами пользоваться. «Анархизм – это не красивая фантазия, не абстрактное понятие философии, а социальное движение трудящихся масс; только поэтому он должен собрать свои силы в единую организацию, постоянно агитирующую, как того требуют реальность и стратегия социально-классовой борьбы».

Будь то потери от явно анархистской революции в Испании или превращение страны в фашизм, уроки того, как анархистское движение может оказывать влияние на более масштабные процессы, удивительно похожи. Если мы надеемся оказать какое-либо значимое влияние в Соединенных Штатах, когда мир переживает продолжающийся кризис глобального капитализма, мы должны серьезно рассмотреть эти уроки.

Вопрос масштаба и времени

У нас нет времени, чтобы усвоить эти уроки в нашей собственной стране. Политическая и экономическая реальность мира и роль Соединенных Штатов в нем стремительно меняются. Падение американского уровня жизни, приближение «большинства меньшинств»¹, ослабление способности правительства Соединенных Штатов навязывать свою империю за рубежом, надвигающийся экологический кризис – все это делает статус-кво неприемлемым как для элиты, так и для эксплуатируемых классов. Социальные потрясения будут происходить все чаще. Стихийные восстания, будь то воинственные или реформистские, левые или правые, будут происходить.

Не всегда такие восстания и перевороты идут по нашему пути. Как правило, они идут в сторону тех, кто наиболее способен предложить реальные или кажущиеся реальными ответы, поэтому нам необходимо создать хорошо организованное анархистское движение, способное предложить наши идеалы со стратегией и тактикой, которые приведут нас к ним, – без этой организации что же заставляет нас верить в то, что любой переворот продвинет нас к истинной свободе, равенству и солидарности? Я боюсь, что если мы не будем активно работать над расширением нашего влияния и повышением наших навыков в повседневной политической и экономической организации, то в битве идей победят гораздо худшие люди.

Может ли приближающееся «большинство меньшинств» быть использовано в качестве козла отпущения для усиления расистских и фашистских тенденций среди напуганного белого рабочего класса?

Ответ – да, это уже происходит. Число членов «Арийского братства» оценивается в двадцать тысяч человек, находящихся в тюрьмах и за их пределами. Антииммигрантские настроения «Чайной партии» нетрудно повернуть в более явное фашистское русло. А как насчет правых «либертарианцев»? Есть ли основания полагать, что в момент социальных потрясений они не будут выступать за создание полностью частной, коммерческой полиции для «обеспечения порядка»?

Эти моменты требуют от нас большего, чем отношение к анархизму как к интересной теме для книжного клуба. Мы должны участвовать в продуманной, преданной и искренней организационной работе, чтобы подготовить себя и свои сообщества к грядущим вызовам. Нам нужно развивать анархизм, глубоко укоренившийся в наших сопротивляющихся сообществах и работать внутри этих сообществ, чтобы развивать контргегемонистскую интеллектуальную и организационную традицию. Это единственная надежда на достижение анархистского будущего, которая всегда была и есть, и которая необходима для защиты от любого дрейфа в сторону фашизма.

¹ Область большинства меньшинств или меньшинств-большинства – термин, используемый для обозначения населенного пункта, в котором одно или несколько расовых, этнических и/или религиозных меньшинств (по отношению ко всему населению страны) составляют большинство местного населения.

Для меня очевидно, что эспецифизм предлагает нам жизненно важные уроки для изучения именно этих вещей.

Анархистская сеть «Классовая борьба» и не только

Пока я пишу эти строки, местная организация, в которой я состою, Rochester Red & Black, участвует в общенациональной анархистской организации вместе с рядом других местных и региональных организаций в США. Многие из этих организаций черпают информацию и вдохновение из методов организации, подробно описанных организациями эспецифистов в Южной Америке.

Развитие этой организации не было легким. И я не думаю, что дальнейшая организация группы будет легкой. Она может продержаться до революции, а может развалиться. В любом случае, прохождение через опыт и борьбу друг с другом и развитие такой организации очень важно для построения анархистского движения в США.

Лично я очень надеюсь, что такой тип организации приведет к появлению анархистского движения, которое будет продолжать придерживаться своих революционных идей, одновременно создавая реальное народное движение в наших кварталах, на рабочих местах, в школах и семьях. Без народного анархизма у нас не может быть революционного анархизма.

2014 год.

Социальный Анархизм и Организация

Первый конгресс Федерации Анархистов¹ Рио-де-Жанейро был проведен с главной целью – углубить наши размышления над вопросом организации и оформить их в программу. С 2003 года в нашей организации велись дебаты об организации. Мы создавали теоретические материалы, развивали наше мышление, извлекали уроки из успехов и ошибок нашей политической практики, и становилось все более необходимым продолжать дискуссию и формализовывать ее, распространяя эти знания как внутри организации, так и за ее пределами. Документ «Социальный анархизм и организация» формализует наши позиции после всех этих размышлений. Это не просто чисто теоретический документ, он отражает выводы, сделанные после пяти лет практического применения анархизма в социальной борьбе нашего народа. Документ состоит из 16 частей. Он уже опубликован на португальском языке в книге, выпущенной совместно Faísca и FARJ.

Документ, утвержденный на 1-м Конгрессе, состоявшемся 30 и 31 августа 2008 года

Первый конгресс Анархистской федерации Рио-де-Жанейро отдает дань уважения своим товарищам:

Хуан Перес Бузас (1899-1958)

Анархист-сапожник галисийского происхождения, который, обладая необыкновенным талантом и решимостью, подчеркнул необходимость углубления борьбы. В 2008 году мы отмечаем пятидесятилетие его смерти (05.09.1958).

Идеал Перес (1925-1995)

Этот человек, обладающий чувственностью и широким видением политических горизонтов, гарантировал сохранение социальной оси анархизма и связь поколений его участников.

Плинио Аугусто Козльо (1956-)

Неустанно наполнял содержанием наши мечты, соединяя их с длинной нитью, связывающей нас с теми, кто предшествовал нам в тихом или бурном акте революции.

«Если бы вы оставались изолированными, если бы каждый из вас должен был действовать сам по себе, вы были бы бессильны, без сомнения; но собравшись вместе и организовав свои силы – как бы слабы они ни были вначале – только для совместных действий, руководствуясь общими идеями и взглядами, и работая вместе ради общей цели, вы станете непобедимыми».

Михаил Бакунин

¹ Точный перевод должен был быть «Анархистская Федерация», но тогда бы не получалось соответствие аббревиатур ФАРЖ – FARJ. Поэтому, приводится вариант перевода как «Федерация Анархистов».

Введение переводчика

Этот документ, впервые опубликованный на португальском языке под названием *Anarquismo Social e Organização* и принятый на первом конгрессе *Федерации анархистов Рио-де-Жанейро* (ФАРЖ) в августе 2008 года, призван изложить теоретическую концепцию организованного анархизма классовой борьбы ФАРЖ и он «не просто чисто теоретический документ», он «отражает выводы, сделанные после пяти лет практического применения анархизма в социальной борьбе нашего народа».

В нем ФАРЖ прослеживает свои исторические и организационные корни через боевые истории анархистов *Кариоки*¹, таких как Идеал Перес, которые боролись за поддержание пламени анархизма в темные дни диктатуры, и таких участников, как его отец, Хуан Перес Бузас, галисийский анархист-эмигрант, который принял решительное участие в битве при Се² в 1934 году, «когда анархисты отбросили *Интегралистов* под пулеметными очередями».

В книге «*Социальный анархизм и организация*», которая, возможно, является одной из наиболее полных разработок латиноамериканской концепции *эспецифистского* анархизма на английском языке, прослеживаются и описываются теоретические и практические влияния на концепцию анархистской организации ФАРЖ и на ее стратегию социальных преобразований. В ней отстаивается концепция анархизма, которая делит анархистскую деятельность на два уровня – социальный (общественное или «массовое» движение) и политический (специфическая анархическая организация) – утверждая, что этот *двойной организационный* подход к анархистской организации соответствует и может быть прослежен в идеях и практике самого Бакунина в Альянсе социалистической демократии. ФАРЖ прослеживает эту общую политическую родословную Бакунина через опыт *Федерации Анархистов Уругвая* (ФАУ), опыт *Анархистского Альянса* 1918 года и *Коммунистической партии* 1919 года (либертарной по содержанию); через опыт *Магонистов* во время Мексиканской революции и радикальные фазы *Либеральной партии Мексики* (PLM); через опыт *Федерации Анархистов Иберии* (ФАИ) и группы «*Друзья Дуррути*» во время Испанской революции, а также через опыт авторов *Организационной платформы всеобщего союза анархистов*; к опыту Эррико Малатесты в его концепции анархистской партии

Опираясь на опыт утраты того, что ФАРЖ называет «социальным вектором анархизма» (влияния анархизма в обществе) в конце *славной эпохи анархизма*, она отстаивает необходимость создания особой анархистской организации – тесно организованной, состоящей из высоко идейных участников, обладающих высоким уровнем теоретического и стратегического единства, – которая, участвуя в народ-

¹ Тот, кто приехал из Рио-де-Жанейро

² Битва между широким кругом антифашистов и интегралистами (бразильскими фашистами) на площади Праса-да-Се в городе Сан-Паулу 7 октября 1934 года. Битва спровоцирована фашистским маршем в честь двухлетия интегралистского манифеста.

ных движениях, поддерживая их и их борьбу против эксплуатации и господства, стремится руководствуясь анархистскими принципами влиять на эти движения в революционном и либертарном направлении. Конечной целью этого является восстановление социального вектора анархизма как необходимого шага на пути к построению либертарного социализма³ посредством социальной революции.

Стремясь увеличить общественное влияние анархизма, ФАРЖ вновь заявляет о необходимости все более тесного контакта анархизма с *эксплуатируемыми классами*, определяя классовую борьбу как наиболее важную и плодотворную почву для распространения анархистских принципов и практики. Однако для того, чтобы они укоренились, необходимо, чтобы организованные анархисты вели постоянную и последовательную пропагандистскую, организационную и образовательную работу в движениях и организациях эксплуатируемого класса и – что очень важно для ФАРЖ – всегда действовали в соответствии с тем, что она называет «воинствующей этикой». В книге *«Социальный анархизм и организация»* излагается концепция ФАРЖ относительно различных задач специфической анархистской организации, а также ее структуры, процессов привлечения новых членов и ориентации на социальные движения – все в соответствии с логикой *концентрических кругов*.

Формулируя стратегические ответы на вопросы «где мы?», «куда мы хотим идти?» и «как, по нашему мнению, мы можем оставить то, где мы есть, и прийти туда, где мы хотим быть?», *«Социальный анархизм и организация»* формулирует понимание ФАРЖ социальных классов в «обществе эксплуатации и господства» – капитализма и государства – а также его конечных целей – социальной революции и либертарного социализма – и того, как они могут выглядеть. Тем самым объясняется концепция ФАРЖ о «народной организации», которая, объединяя общественные движения, борющиеся за свободу, и аккумулируя опыт и достижения, полученные в повседневной классовой борьбе, не будет представлять собой простую сумму сил изолированных общественных движений, а станет гораздо большей социальной силой, которая в тот момент, когда она станет сильнее, чем государство и капитал, должна совершить решительный разрыв с существующей системой и, используя насилие как необходимый ответ на насилие государства и капитала, начать переход к либертарному социализму посредством социальной революции. Однако после первоначальной публикации этого документа ФАРЖ стала использовать термин «народная власть» вместо «народной организации» и развила свое понимание этой концепции, столь важной для *эспецифизма*.

За более чем три года, прошедшие с момента принятия этого документа, ФАРЖ претерпела ряд теоретических изменений, таких как: углубление концепции класса на основе категории «господство», рассматривая экономический класс как один из видов господства; новые исследования и понимание истории бразильского анархизма в десятилетия 1940-х и 1950-х годов; теория и метод анализа и углубление некоторых тем по анархистской организации. Кроме того, произошли некоторые практические изменения, включая развитие «социальной работы» со следующими

³ Эспецифисты очень часто в своих текстах утверждая «либертарный социализм» фактически говорят об анархо-коммунизме или либертарном коммунизме. Скорее всего это связано с дискредитацией термина «коммунизм» со стороны «коммунистических» партий и всего советского блока государств.

движениями: Движение безработных трудящихся (Movimento de Trabalhadores Desempregados, MTD-Pela Base), Движение безземельных сельских трудящихся (Movimento dos Trabalhadores Rurais Sem Terra, MST), Движение народных советов (Movimento Conselhos Populares) и участие в создании тенденции «Народная организация».

Хотя этот документ, написанный в специфическом латиноамериканском контексте, был впервые опубликован и принят более чем за три года до английского перевода, он остается проницательным и поучительным вкладом в современную анархистскую теорию и практику; он актуален для всех, кто стремится найти в анархистском праксисе наиболее подходящий ответ на вопрос: «Как, по нашему мнению, мы можем уйти оттуда, где мы есть, и прийти туда, где мы хотим быть?» Я надеюсь, что этот перевод делает его справедливым.

Джонатан Пэйн

Йоханнесбург, Март 2012

Часть 1. Контекст Конгресса 2008 года и дебаты об организации

Чтобы эффективно теоретизировать, необходимо действовать.
ФАУ

Первый конгресс ФАРЖ был проведен с главной целью – углубить наши размышления над вопросом организации и оформить их в программу.

С 2003 года в нашей организации велись дебаты об организации. Мы подготовили теоретические материалы, развили наше мышление, извлекли уроки из успехов и ошибок нашей политической практики, и становилось все более необходимым продолжить дискуссию и оформить ее, распространяя эти знания как внутри организации, так и за ее пределами.

Практическая работа двух наших фронтов – рабочего и сообщества – была абсолютно центральной для теоретических размышлений, которые мы делали в этот период. Она даже способствовала созданию нашего третьего фронта в начале 2008 года – агроэкологического фронта под названием «Анархизм и природа».

Год назад мы решили провести дебаты об организации, причем достаточно глубокие, с целью оформить выводы в документ, который был бы утвержден на конгрессе 2008 года. По этой причине еще в 2007 году мы предприняли ряд действий, направленных на достижение необходимой теоретической зрелости, которая была бы важна для этого пути, который мы хотели выбрать:

- Активизация работы секретаря по политическому обучению

- Проведение семинаров по внутреннему обучению

- Разработка учебных пособий для участников

Эти действия были направлены на то, чтобы дать каждому участнику нашей организации структуру, пространство и необходимую поддержку, чтобы эти дебаты могли проходить наиболее желательным образом. Мы приложили много усилий, чтобы читать, писать, обсуждать, пересматривать уже написанные материалы, углублять дискуссии, вносить уточнения; в общем, планировать все, что мы считали необходимым для этой дискуссии.

Однако мы хотели не только создать форум для дебатов. Мы хотели прийти к более окончательным позициям или углубить политическую линию организации. Поскольку одной из особенностей нашей организационной модели является теоретическое и идеологическое единство, мы хотели использовать это время для углубления определенных теоретических и идеологических вопросов и в конечном итоге прийти к конкретным позициям, которые должны быть определены и распространены всей организацией.

С самого начала мы считали, что не следует создавать организацию, которая, оторванная от борьбы, пишет документы, а затем переходит к практике с целью приспособить ее к теории. Точно так же нам не представлялось возможным создать анархистскую организацию, в которой есть только практика, но нет теории, или даже принять за теорию все, что происходит на практике. Мы всегда искали баланс, который, с одной стороны, не ставил перед собой цель глубоко теоретизировать, чтобы начать действовать, а с другой – стремился к тому, чтобы действие соответствовало теории, которая, в нашем понимании, увеличивает результат усилий участников без лишней потери энергии.

В ходе этих дебатов, которые велись в течение последних двух лет и которые оформлены в этом документе, мы стремились разработать собственную теорию, которая не была бы простым повторением других теорий, разработанных в других местах и в другое время. Очевидно, что вся наша теория от начала до конца пронизана другими теориями и другими авторами, которые жили и действовали в других контекстах. Было бы невозможно представить себе последовательную анархистскую теорию без вклада классических анархистов, например. Тем не менее, мы долго размышляли над этими теориями и мыслями этих авторов и над тем, имеют ли они смысл в нашем сегодняшнем контексте. Мы стремимся создать правильные концепции, стремясь придать оригинальный характер теории, которую мы хотели создать, и в этом стремлении мы считаем себя очень успешными, поскольку, на наш взгляд, мы построили и формализовали последовательную теорию, используя классические и современные теории, а также наши собственные концепции. Тем не менее, мы не считаем, что это окончательная теория. Многие аспекты могут быть улучшены. И наконец... самое главное – дать понять, что, по нашему мнению, мы делаем первые шаги на этом пути, по которому хотим идти.

Наконец, мы хотели построить эту дискуссию и ее формализацию на коллективной основе. Нам недостаточно, чтобы один или другой товарищ писал всю теорию организации, а остальные просто наблюдали и следовали его позиции. Именно поэтому мы стремились на протяжении всего этого периода рассматривать все позиции организации, а не только того или иного участника. Это тоже, на наш взгляд, повышает ценность текста. Он не исходит из головы того или иного интеллектуала, думающего о политике в отрыве от реальности, а, напротив, является результатом пяти лет борьбы и организации анархизма в постоянном контакте с борьбой нашего времени, стремящегося к революционным социальным преобразованиям в сторону либертарного социализма. В общем, это результат пяти лет практической деятельности.

С целью сделать еще один шаг, теоретически оформить то, что накопилось за нашу короткую историю, 30 и 31 августа 2008 года мы провели первый конгресс, приуроченный к празднованию пятилетия ФАРЖ. Ниже приводятся основные размышления по этому поводу.

Этика, преданность, свобода!

Часть 2. Социальный анархизм, классовая борьба и отношения между центром и периферией

[...] потому что анархизм – это идеология, которая отказывается создавать новые системы центра с новыми периферийными областями. Рудольф де Йонг

Анархизм для нас – это идеология, то есть набор идей, мотивов, стремлений, ценностей, структура или система понятий, которые имеют непосредственную связь с действиями – тем, что мы называем политической практикой. Идеология требует формулирования конечных целей (долгосрочных, будущих перспектив), интерпретации реальности, в которой мы живем, и более или менее приблизительного прогноза относительно преобразования этой реальности. С этой точки зрения идеология – это не набор абстрактных ценностей и идей, оторванных от практики и имеющих чисто рефлексивный характер, а система понятий, которая существует в том виде, в котором она задумывается вместе с практикой и возвращается к ней. Таким образом, идеология требует добровольных и сознательных действий, направленных на то, чтобы запечатлеть в обществе стремление к социальным преобразованиям.

Мы понимаем анархизм как идеологию, которая дает ориентиры для действий по замене капитализма, государства и его институтов либертарным социализмом – системой, основанной на самоуправлении и федерализме, – без каких-либо научных или пророческих претензий.

Как и другие идеологии, анархизм имеет свою историю и специфический контекст. Он не возник из уст интеллектуалов или мыслителей, оторванных от практики и занимающихся лишь абстрактными размышлениями. Анархизм имеет свою историю, которая развивалась в рамках великой классовой борьбы XIX века, когда он был теоретизирован Пруденом и сформировался в среде Международной ассоциации трудящихся (МАТ, Первого Интернационала), с работами Бакунина, Гильома, Реклю и других, которые выступали за революционный социализм в противовес реформистскому, легалистскому или государственническому социализму. Эта тенденция Интернационала была позже известна как «федералистская» или «антиавторитарная» и нашла свое продолжение в боевых действиях Кропоткина, Малатесты и других.

Таким образом, именно в рамках Интернационала анархизм сформировался «из той борьбы, которую трудящиеся вели непосредственно с капиталом, из их нужд и потребностей, из их психологии, из их стремлений к свободе и равенству, которыми трудовые массы особенно живут в лучшие героические эпохи своей жизни»

и борьбы»¹. Работа по теоретическому обоснованию анархизма была проделана мыслителями и рабочими, которые непосредственно участвовали в социальной борьбе и помогали оформлять и распространять настроения, скрытые в том, что они называли «массовым движением». Таким образом, с течением времени анархизм развивался теоретически и практически. С одной стороны, он вносил уникальный вклад в периоды социальных преобразований, сохраняя свой идеологический характер, как, например, в Мексиканской революции, Русской революции, Испанской революции или даже в бразильской истории, таких как Всеобщая забастовка 1917 года и Восстание 1918 года. С другой стороны, в определенных контекстах анархизм приобретал определенные черты, которые отступали от идеологического характера, превращая его в абстрактную концепцию, которая становилась просто формой критического наблюдения за обществом. С течением времени эта модель анархизма обретала собственную идентичность, находила отсылки в истории и в то же время теряла характер борьбы за социальные преобразования. Более ярко это проявилось во второй половине двадцатого века. При таком взгляде анархизм перестает быть инструментом эксплуатируемых в их борьбе за освобождение и функционирует как хобби, любопытство, тема для интеллектуальных дебатов, академическая ниша, идентичность, группа друзей и т.д. Для нас такой взгляд серьезно угрожает самому смыслу анархизма.

Это пагубное влияние на анархизм отмечали и критиковали различные анархисты – от Малатесты, когда он полемизировал с индивидуалистами, выступавшими против организации², до Луиджи Фаббри, который выступил с критикой буржуазного влияния на анархизм еще в начале XX века³, и до Мюррея Букчина, который в середине 1990-х годов отметил это явление и попытался предупредить:

«Надеюсь, что ошибаюсь, но революционные и социальные задачи анархизма страдают от далеко идущей эрозии, вплоть до того, что само слово «анархия» станет частью словаря изысканной буржуазии грядущего века – порочной, мятежной, беззаботной, но полностью безопасной»⁴.

Мы выступаем за то, чтобы анархизм вернул себе свой первоначальный идеологический характер, или, как мы его ранее определяли, «систему понятий, имею-

¹ Dielo Trouda, *Plataforma organizativa por una Unión General de Anarquistas*. Перевод на испанский, пересмотренный и исправленный Фрэнком Минцем. Мы используем цитаты из этого перевода, сделанного непосредственно с русского, поскольку доступные нам версии на португальском и испанском языках, переведенные с французского, имеют ряд отличий от русского оригинала. Хотя название документа здесь испанское, мы имеем в виду тот же документ, переведенный на английский язык как «Организационная платформа либертарных коммунистов». – ФАРЖ.

² Errico Malatesta, “Anarquismo y Anarquía”. Выдержки из *Pensiero e Volontà*, Май 16, 1925. Из: Vernon Richards. Скорее всего здесь имеется в виду книга Ричарда Вернона «Errico Malatesta: His life and Ideas». На русском языке имеются работы Малатесты «Индивидуализм и анархизм» и «Анархизм и организация».

³ Luigi Fabbri, «Bourgeois influences on anarchism». Она доступна в англоязычной библиотеке анархизма theanarchistlibrary.org.

⁴ <https://pramen.io/ru/2016/04/myurej-bukchyn-satsyyalny-anarhizm-alb/> – перевод на русский «Вступления» к работе «Социальный анархизм или анархизм образа жизни: непреодолимая пропасть». К сожалению, этого вступления нет в полной электронной русской версии книги от издательства «Ситуация». В русском переводе также отсутствует 7 глав, которые озаглавлены «The Left That Was: A Personal Reflection».

шую непосредственную связь с действием, [...] политической практикой». Стремясь восстановить этот идеологический характер и отличаться от других течений в широком лагере современного анархизма, мы выступаем за социальный анархизм и тем самым подтверждаем критику Малатесты и Фаббри и утверждаем дихотомию, обозначенную Букчиным: сегодня существует социальный анархизм, возвращающийся к борьбе и имеющий целью социальные преобразования, и анархизм образа жизни, отказывающийся от предложения социальных преобразований и участия в социальной борьбе нашего времени.

Для нас социальный анархизм – это тип анархизма, который, как идеология, стремится быть инструментом социальных движений и народных организаций с целью свержения капитализма и государства и построения либертарного социализма – самоуправляемого и федералистского. Для этого он способствует организованному возвращению анархистов в классовую борьбу с целью восстановления того, что мы называем социальным вектором анархизма. Мы считаем, что именно среди эксплуатируемых классов – главных жертв капитализма – анархизм способен процветать. Если, как сказал Нено Васко, мы должны бросить семена анархизма на самую плодородную почву, то эта почва для нас – классовая борьба, которая происходит в народных выступлениях и в социальной борьбе. Стремясь противопоставить социальный анархизм анархизму образа жизни, Букчин утверждал, что:

«Социальный анархизм как минимум должен решительно противостоять и анархизму, сосредоточенному на образе жизни, и неоситуационистским одам экстазу, и суверенности всё более увядающего мелко буржуазного эго. Разница заключается в приверженности двум определяющим принципам – социализму и индивидуализму»⁵.

Комментируя название своей книги *Anarquismo Social* (Социальный анархизм), Фрэнк Минц, другой современный активист и мыслитель, подчеркнул: «Это название должно быть бесполезным, потому что эти два термина неявно связаны. Кроме того, оно вводит в заблуждение, поскольку предполагает, что может существовать несоциальный анархизм, вне борьбы»⁶. Таким образом, мы понимаем, что социальный анархизм обязательно вовлечен в классовую борьбу.

В рамках нашего видения социального анархизма как «фундаментального инструмента для поддержки повседневной борьбы»⁷, нам также необходимо уточнить наше определение класса. Считая классовую борьбу центральной и абсолютно актуальной в современном обществе, мы понимаем, что марксисты, выбирая фабричного рабочего в качестве уникального и исторического субъекта революции, презирают все остальные категории эксплуатируемых классов, которые также являются потенциально революционными субъектами. Авторитарная концепция рабочего класса, ограниченная только категорией промышленных рабочих, не охватывает реальность отношений господства и эксплуатации, имевших место на протяжении всей истории, и даже тех отношений, которые имеют место в данном обществе. Точно так же она не охватывает идентификацию революционных субъектов прошлого и настоящего.

⁵ Мюррей Букчин, «Социальный анархизм или анархизм образа жизни: непреодолимая пропасть», глава «На пути к демократическому коммунизму». Стр. 89, Издательство «Ситуация» 2013 г.

⁶ Frank Mintz, *Anarquismo Social*. São Paulo: Imaginário/Faísca/ FARJ/CATL, 2006, p. 7.

⁷ FARJ. «A Propriedade é um Roubo». Из: *Protesta!* 4. Rio de Janeiro/São Paulo: FARJ/CATL, 2007, стр. 11.

Исходя из необходимости уточнить эту концепцию класса, мы включаем в лагерь эксплуатируемых классов – которые могут и должны внести свой вклад в процесс социальных преобразований посредством классовой борьбы – другие категории, которые в значительной степени привлекали внимание анархистов на протяжении всей истории. Такое определение концепции класса не меняет классовую борьбу как основное поле деятельности социального анархизма, но предлагает иной способ видения нашей цели: преобразование отношений центр-периферия, или, более конкретно, преобразование отношений господства центра над периферией. Основываясь на классификации Рудольфа де Йонга⁸ и на нашей собственной недавней истории борьбы, мы концептуализируем все эксплуатируемые классы, начиная с отношений центр-периферия. Таким образом, в эту группу входят:

а. Культуры и общества, полностью отчужденные и отдаленные от центра; совсем не «интегрированные» и «дикие» в глазах центра. Например, индейцы Амазонки.

б. Периферийные районы, связанные с центром и принадлежащие к его социально-экономическим и политическим структурам, которые в то же время пытаются сохранить свою идентичность. Они находятся под доминированием центра, их существованию угрожает его экономическая экспансия. По меркам центра они «отсталые» и неразвитые. Например, коренные общины Мексики и Андских стран. Другие примеры в этой категории – возможно, следует говорить о подгруппе б.1 – мелкие фермеры, квалифицированные рабочие и крестьяне, социальное и экономическое существование которых находится под угрозой из-за прогресса центра и которые все еще борются за свою независимость.

в. Экономические классы или социально-экономические системы, которые раньше принадлежали к центру, но вернулись на периферию после технологических инноваций и социально-экономических изменений в центре. Например, люмпен-пролетариат, нестабильные неформальные работники и постоянная армия безработных.

г. Социальные классы и группы, которые участвуют в жизни центра в экономическом смысле, но являются периферийными в социальном, культурном и/или политическом смысле: рабочие классы, пролетариат в развивающихся индустриальных обществах, женщины, чернокожие, ЛГБТ-персоны.

д. Центр-периферийные отношения политического характера, будь то между государствами или внутри них: колониальные или империалистические отношения, отношения столицы и окраины и т. д. Такие отношения в капиталистической системе развиваются параллельно с экономическими отношениями, упомянутыми выше – или, группа д.1: неокapиталистическое господство, внутренняя колонизация и эксплуатация.

⁸ Как отмечает автор, эта классификация не исчерпывает всех отношений, и есть категории, которые пересекаются. Термин «область», по мнению автора, также относится скорее к социальному, чем к географическому понятию. Рудольф де Йонг. «Algumas Observações sobre a Concepção Libertária de Mudança Social». Из: Paulo Sérgio Pinheiro. *O Estado Autoritário e Movimentos Populares*. Rio de Janeiro: Paz e Terra, 1980, стр. 305-353. Оригинальная классификация приведена на страницах 309 и 310 книги. Этот текст был переиздан в 2008 году издательством Faísca Publications в соавторстве с ФАРЖ под названием *A Concepção Libertária da Transformação Social Revolucionária*.

Принимая эту классификацию и осознавая ее ограниченность, мы определяем категорию эксплуатируемых классов как периферийные области, над которыми доминирует центр. Важно подчеркнуть, что мы не считаем частью этой группы эксплуатируемых классов тех, кто теоретически находится на периферии, но на практике устанавливает отношения господства над другими, становясь, таким образом, новыми центрами. Отсюда следует, что вся борьба эксплуатируемых классов должна иметь революционную перспективу, чтобы они не стремились просто превратить часть периферийных районов в новые центры.

Исходя из этого определения, существует два способа осмысления социальных преобразований: авторитарный, исторически используемый наследниками марксизма (революционного или реформистского), и либертарный, используемый анархистами.

Авторитарии, в том числе и те, кто называет себя анархистами, думают о центре как о средстве и ориентируются на него в своей политике. Для них центр – государство, партия, армия, власть – это инструмент освобождения общества, и «революция означает прежде всего захват центра и его структуры власти или создание нового центра»⁹. Сама концепция класса у авторитариев основана на центре, когда они определяют промышленный пролетариат как исторический субъект – который обозначен буквой «г» в приведенном выше определении – и исключают и маргинализируют другие категории эксплуатируемых классов, которые находятся на периферии, например, крестьянство.

Либертарии не считают центр средством и ведут постоянную борьбу с ним, выстраивая свою революционную модель и стратегию борьбы в направлении всех периферий – это объясняется буквами от «а» до «д» в приведенном выше определении. То есть в своей деятельности в классовой борьбе анархизм рассматривает в качестве элементов эксплуатируемых классов традиционные общины, крестьянство, безработных, бездомных и другие категории, часто упускаемые из виду авторитариями. «Таким образом, в борьбу вступит тот, кто действительно [ощущает] последствия системы и поэтому [нуждается] в срочном ее упразднении»¹⁰. Анархисты стимулируют социальные движения на периферии из низов и стремятся создать народную организацию для борьбы – солидарной – с существующим порядком и создания нового общества, основанного на равенстве и свободе, в котором классы больше не будут иметь смысла. В этой борьбе анархисты используют средства, которые содержат в себе зародыши будущего общества.

«Анархистская концепция социальных сил, лежащих в основе социальных изменений, гораздо более общая [...], чем марксистская формула. В отличие от марксизма, она не отводит особой роли промышленному пролетариату. В анархистских трудах мы находим все виды рабочих и бедняков, всех угнетенных, всех тех, кто так или иначе принадлежит к периферийным группам или областям и поэтому является потенциальным фактором в революционной борьбе за социальные изменения»¹¹.

⁹ Там же, стр. 312.

¹⁰ FARJ. «Por um Novo Paradigma de Análise do Panorama Internacional». Из: *Protesta!* 4, стр. 31.

¹¹ Rudolf de Jong. Op. Cit. стр. 324.

С такой концепцией революционных сил мы утверждаем, что «все указывает на то, что именно на периферии, в «маргиналах», революция поддерживает свое пламя»¹². Таким образом, мы приходим к выводу, что анархизм должен находиться в постоянном контакте с периферией, чтобы реализовать свой проект социальных преобразований.

¹² FARJ. «Por um Novo Paradigma...». Из: *Protesta!* 4, p. 31.

Часть 3. Анархизм в Бразилии: Потеря и попытка восстановления социального вектора

Мы – участники великой войны. Все сражающиеся взаимно «понимают» как бороться, принимая на себя «обязательства», без которых не может быть единства действий. Те, кто «понимает» это вместе с другими, удерживаемые несколькими нитями подписанного соглашения, уже не являются хозяевами своей воли целиком и полностью. Если нити рвутся, соглашение разрывается, если «вы не понимаете, отказываетесь от общего сражения», то вы бежите от борьбы, вы избегаете своих товарищей.

Жозе Оитисика

Анархизм возник в Бразилии в XIX веке как элемент, дестабилизирующий порядок, и оказал определенное влияние на восстания того времени – как, например, Революция Прайэйра в 1848 году¹ – на художественную и культурную среду, а также на опыт экспериментальных сельскохозяйственных колоний в конце века. Колония Сесилия (1890-1894 гг.) – самая известная из них. Есть сообщения о забастовках, рабочих газетах и первых попытках организации центров рабочего сопротивления в том же веке.

То, что мы называем «социальным вектором анархизма», появилось в начале 1890-х годов, вызванное ростом социального внедрения² анархизма в профсоюзы, кульминация которого пришлось на второе десятилетие XX века.

Мы называем социальным вектором анархизма те народные движения, которые имеют значительное анархистское влияние – прежде всего в отношении их практических аспектов – независимо от секторов, в которых они происходят. Эти выступления, плоды классовой борьбы, не являются анархическими, поскольку они организованы вокруг вопросов, имеющих специфические требования. Например, в профсоюзе рабочие борются за повышение зарплаты, в движении бездомных – за жилье, в движении безработных – за работу и т. д. Однако они являются пространством для социального внедрения анархизма, который, благодаря своему влиянию, наделяет

¹ Республиканское восстание в штате Пернамбуку на западе страны против монархического режима Бразильской Империи в рамках «Весны народов». Прайэйра – это название радикально-демократической партии «Прайэйрус», получившая его по наименованию улицы, на которой находилась типография партийной газеты. Восстание перешло в повстанческую войну и продолжалось с 7 ноября 1848 по март 1849, пока не было подавлено. Восставшие требовали демократических прав, обеспечение работой трудящихся, раздел крупных латифундий и т.д.

² Термин, имеющий особое значение в рамках эспецифизма и означает внедрение анархистских идей или методов в борьбе массовых движений. Этот термин будет широко раскрыт в последующих главах.

наиболее боевые и автономные практические движения практиками использования прямого действия и прямой демократии, направленным на социальные преобразования. Выступления, составляющие социальный вектор анархизма, осуществляются внутри социальных движений, рассматриваемых нами как предпочтительные пространства для социальной работы и накопления сил, а не как масса, которой нужно управлять.

В Бразилии социальный вектор анархизма начал развиваться в конце XIX века с ростом городской застройки и населения в городах, а затем и с промышленным ростом, который, конечно же, сопровождался усилением эксплуатации рабочих; ростом числа жертв изнурительных дней, нездоровых условий труда и низкой заработной платы на фабриках, где также использовался детский труд. С целью защиты рабочего класса от этих условий практически невыносимой эксплуатации возникло несколько рабочих организаций, бунты, забастовки и восстания – все это становилось все более распространенным явлением.

Обострению классовой борьбы в Бразилии способствовали забастовка кучеров в 1900 году, ряд забастовок в 1903 году, которые вылились во всеобщую забастовку, инициированную ткачами, и восстания, кульминацией которых стало Вакцинное восстание в 1904 году³. В 1903 году в штате Рио-де-Жанейро была основана Федерация классовых ассоциаций (*Federação das Associações de Classe*). Она следовала революционной синдикалистской модели французской Всеобщей Конфедерации Труда, а затем была перенесена в столицу и названа Бразильской рабочей региональной федерацией (*Federação Operária Regional Brasileira – FORB*) в 1906 году, через некоторое время после визита членов Аргентинской рабочей региональной федерации (*Federación Obrera Regional Argentina – FORA*) и кампании солидарности с российскими рабочими.

К 1904 году мы можем сказать, что анархизм смог представить себя в качестве идеологического инструмента борьбы, и «именно революционный синдикализм, без сомнения, был ответственен за первый социальный вектор, достигнутый анархистами в крупных бразильских центрах»⁴. В 1905 году в Сан-Паулу сапожники, пекари, плотники и шляпники основали Трудовую Федерацию Сан-Паулу (*Federação Operária de São Paulo – FOSP*), а в 1906 году появилась Трудовая Федерация Рио-де-Жанейро (*Federação Operária do Rio de Janeiro – FORJ*), которая в 1917 году привела к созданию Всеобщего союза рабочих (*União Geral dos Trabalhadores – UGT*) и объединила «профсоюзы сопротивления [то есть воинственные, боевые]». В 1919 году UGT превратился в Федерацию трудящихся Рио-де-Жанейро (*Federação dos Trabalhadores do Rio de Janeiro – FTRJ*), а в 1923 году был вновь создан FORJ.

В апреле 1906 года в Рио-де-Жанейро состоялся Бразильский региональный рабочий конгресс (*Congresso Operário Regional Brasileiro*), позже известный как Первый

³ Вакцинное восстание было спровоцировано насильственной вакцинацией, сопровождавшаяся значительными нарушениями прав человека, но имела корни в общем недовольстве лишившихся домов жителей Рио-де-Жанейро в ходе перестройки трущоб. Восстание вынудило мэра отказаться от принудительной вакцинации, но продолжившиеся эпидемии, вызванные скученностью и плохими условиями жизни, подтолкнули власти возобновить насильственную вакцинацию.

⁴ Alexandre Samis. «Pavilhão Negro sobre Pátria Oliva». Из: *História do Movimento Operário Revolucionário*. São Paulo: Imaginário, 2004, стр. 179.

бразильский рабочий конгресс (Primeiro Congresso Operário Brasileiro), на который прибыли делегаты из нескольких бразильских штатов, представлявшие различные категории населения. Конгресс утвердил свою приверженность французскому революционному синдикализму, приняв трудовой нейтралитет, федерализм, децентрализацию, антимилитаризм, антинационализм, прямое действие и всеобщую забастовку. Второй и Третий конгрессы состоялись, соответственно, в 1913 и 1920 годах. В 1908 году была основана Бразильская трудовая конфедерация (Confederação Operária Brasileira – COB).

Выбор в пользу революционного синдикализма был сделан благодаря принятию экономического лагеря движения и интересному предложению федерализма, которое допускало автономию профсоюза в федерации и его (федерации) в конфедерации. Кроме того, имело место международное влияние, связанное с принятием этой модели в других частях мира. Средства борьбы, полученные в результате протестной мобилизации вокруг краткосрочных вопросов, служат «революционной гимнастикой», которая готовит пролетариат к социальной революции.

«Анархисты надеялись, что в конкретных действиях, в солидарности, в эмпирическом наблюдении противоречий между капиталом и трудом, проявляющихся в конфликтах, заключается великий урок, который должны усвоить рабочие. В этом, по их мнению, заключалась гарантия усвоения идеологических принципов не риторическими проповедями или учебниками, лишенными практического опыта, а практикой революционного и повседневного действия масс»⁵.

Первое десятилетие двадцатого века насчитывает более ста забастовочных движений, которые действовали, в основном, в связи с вопросом о зарплате. Только в период с 1917 по 1920 год между Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу прошло более двухсот демонстраций и забастовок. Вся эта мобилизационная активность происходила под большим влиянием анархистов, которые пытались вести свою пропаганду в профсоюзах, не ограничивая их рамками анархистской идеологии – профсоюзы были для рабочих, а не для анархистов, – но используя их для распространения своих идей.

Все эти ожидания, возлагаемые на социальную революцию, которая становилась все более реальной с середины 1910-х годов, вылились в три соответствующие мобилизации. Во-первых, в 1917 году во время так называемой Всеобщей забастовки 1917 года, когда рабочие Сан-Паулу, в значительной степени организованные вокруг Комитета пролетарской обороны, боролись с голодом, осуществляя саботаж и бойкотировав продукцию предприятий Crespi, Matarazzo и Gamba. Среди побед забастовочного движения – восьмичасовой рабочий день и повышение заработной платы, достигнутое секторами движения. В 1918 году мобилизации продолжились, и в Рио-де-Жанейро произошло Анархистское восстание. После забастовок на фабриках Кариока (Рио-де-Жанейро) и на Кампу-де-Сан-Кристован, занятых рабочими, повстанцы потребовали захвата правительственных зданий и создания в городе первого Совета Рио-де-Жанейро. Наконец, в 1919 году трудовой союз гражданского строительства (União dos Operários em Construção Civil – UOCC) добился наибольшего успеха, завоевав восьмичасовой рабочий день для всего сектора. Кроме того, за пределами Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу значительные мобилизации прошли в дру-

⁵ Там же, стр. 136.

гих штатах Бразилии: Рио-Гранде-ду-Сул, Парана, Санта-Катарина, Минас-Жерайс, Пернамбуку, Алагоас, Параиба, Баия, Сеара, Пара и Амазонас.

Вместе с профсоюзными мобилизациями возникло крупное культурное движение, имевшее большое значение: рационалистические школы, вдохновленные принципами Франсиско Феррера-и-Гуардии, социальные центры, рабочие театры и другие инициативы, которые были основополагающими в формировании классовой культуры, объекта объединения во время борьбы.

В этот период борьбы на подъеме также сформировались две политические и идеологические анархистские организации, которые стремились работать с профсоюзным движением. Первой из них был Анархистский альянс Рио-де-Жанейро (Aliança Anarquista do Rio de Janeiro), основанный в 1918 году из-за необходимости создания анархистской организации для работы в профсоюзах и сыгравший важную роль в восстании 1918 года. Однако в результате репрессий Альянс был распущен, вернувшись к организации в первой Коммунистической партии либертарного толка, основанной в 1919 году. И Анархистский альянс, и Коммунистическая партия объединяли членов сектора анархизма, который называют «организационным» и который понимал необходимость разграничения уровней действия – политического уровня, идеологически анархического, и социального уровня, протестных профсоюзных мобилизаций. Они понимали необходимость существования специфических анархистских организаций для совместной работы с профсоюзами. Важно подчеркнуть, что в это время анархисты уже были озабочены своей специфической организацией.

Можно сказать, что социальный вектор анархизма шел по восходящей кривой до начала 1920-х годов, когда параллельно с самими профсоюзами начал развиваться кризис анархизма. Кульминацией которого в 1930-е годы стала демобилизация и потеря этого социального вектора. Для нас потеря социального вектора анархизма – это результат двух кризисных контекстов: ситуации и самого анархизма.

Ситуация характеризовалась, во-первых, репрессиями как против профсоюзного движения, так и против анархизма, о чем свидетельствует третий пересмотр закона Адольфо Гордо от 1921 года, предусматривавший репрессии и депортацию анархистов, а также высылку их в колонию Кливеландия, расположенную на территории нынешнего штата Амапа, в период с 1924 по 1926 год. Помимо этого, в мире наблюдался всплеск социальной борьбы и разочарование результатами борьбы, наступившей после русской революции 1917 года. Также важную роль сыграло окончание Первой мировой войны и восстановление европейских заводов, которые вернулись к экспорту (в том числе в Бразилию), сократив контингент рабочих в городах, и рост Коммунистической партии, основанной в 1922 году, которая с 1924 года начала наиболее решительно спорить с профсоюзами и вступать в союз с реформистами, предлагая участие в выборах в качестве формы политической манифестации себя. И наконец, подчинение профсоюзов государству, которое было узаконено в 1930 и 1931 годах правительством Варгаса и достигло кульминации в 1932 году, когда профсоюзы были обязаны по закону получать одобрение правительства и следовать правилам работы, установленными государством.

Контекст анархизма был отмечен, прежде всего, путаницей между различными уровнями активности. Для многих профсоюзное движение, которое было социальным вектором, средством действия, которое должно было привести к цели – выра-

женной в социальной революции и построении либертарного социализма, – в итоге само стало целью. Это явление уже было замечено в анархизме и стало предметом ожесточенных дебатов, уже в 1907 году на Амстердамском конгрессе, между Малатестой и Монатом. Монат, защитник «чистого синдикализма», видел большое сходство между синдикализмом и анархизмом и утверждал, что «синдикализм достаточен сам по себе»⁶. Малатеста, занимавший диаметрально противоположную позицию, считал синдикализм «лагерем, особенно благоприятным для распространения революционной пропаганды, а также точкой контакта между анархистами и массами»⁷. Таким образом, Малатеста утверждал необходимость двух уровней активности: политически анархистского и социального в рамках профсоюзов, которые должны были стать средством социального внедрения.

Позиции Малатесты и Моната суммируют позиции бразильских анархистов. С одной стороны, часть анархистов отстаивала необходимость создания специфически анархистской организации, которая должна стремиться к социальному внедрению в профсоюзы. А с другой стороны, были анархисты, которые понимали работу в профсоюзах как свою единственную задачу и поэтому «забыли сформировать специфические группы, способные оказать поддержку революционной практике»⁸.

Наша позиция по отношению к общественным событиям начала XX века совпадает с позицией Малатесты, которая была подхвачена в Бразилии Жозе Оитисикой, который в то время считал проблемой отсутствие специфических анархистских организаций. В 1923 году он уже предупреждал о том, что анархисты полностью посвящают себя деятельности профсоюзов и отказываются от идеологической деятельности, путая профсоюз, который был средством социального внедрения, с целью, которую они хотели достичь. Для него было необходимо создать «анархистские федерации вне профсоюзов»⁹, такие как Альянс 1918 года и Партия 1919 года, которые, несмотря на то что были группами или федерациями такого типа, к сожалению, были недостаточны для выполнения задачи, которую необходимо было реализовать.

«Для Оитисики, как мы уже частично упоминали, в то время было важно направить силы на формирование «закрытых» групп, с определенной программой действий и обязательствами, молчаливо принятыми на себя его участниками»¹⁰. «Централизацию» анархистских сил в борьбе с буржуазией, продолжал он, не следует путать с «децентрализацией», характерной для либертарных организаций. Затем он заявил о двух неотложных шагах для повышения эффективности анархистских действий: «отбор участников и концентрация сил». И заключил: «Только это даст нам единство действий»¹¹.

⁶ Pierre Monate. «Em Defesa do Sindicalismo». Из: George Woodcock. *Grandes Escritos Anarquistas*. Porto Alegre: LP&M, 1998, p. 206.

⁷ Errico Malatesta. «Sindicalismo: a Crítica de um Anarquista». Из: George Woodcock. Там же, стр. 207. На русском имеется его статья «Синдикализм и анархизм».

⁸ Alexandre Samis. *Anarquismo, 'bolchevismo' e a crise do sindicalismo revolucionário*. (До сих пор не опубликовано).

⁹ José Oiticica in *A Pátria*, 22 Июня 1923.

¹⁰ Жозе Оитисика, Фабио Лус и другие радикально настроенные анархисты в Рио-де-Жанейро входили в специфическую группу анархистов под названием *Os Emancipados*. (Освобожденные)

¹¹ Alexandre Samis. *Anarquismo, 'bolchevismo' e a crise do sindicalismo revolucionário*.

Мы считаем, что отсутствие анархистских организаций, которые могли бы поддержать классовую борьбу, выраженную в то время в первую очередь профсоюзами, также во многом стало причиной потери социального вектора анархизма. Поскольку идеологические организации не были осажены (то есть сконцентрированы как осадок на дне жидкости), контекст кризиса профсоюзов в конечном итоге распространился и на сам анархизм. Таким образом, кризис на социальном уровне обрекал на гибель и политический уровень, поскольку в то время между ними не было реальной разницы.

Для нас нормально, что социальный уровень, представленный в то время профсоюзным движением, имеет подъемы и спады. Специфическая анархистская организация служит именно для того, чтобы накапливать опыт борьбы и, иногда, искать другие пространства для работы, другие пространства для социального внедрения. Проблема в том, что без анархистских организаций, когда социальный уровень – или его сектор – впал в кризис, анархисты не смогли найти другое пространство для социального внедрения.

«Как только социальный вектор был потерян, и без специфических организаций, способных поддерживать идеологическую борьбу в течение длительного времени, анархисты не смогли сразу же найти другое пространство для социального внедрения. [...] Престиж, достигнутый благодаря вступлению в профсоюзы, вероятно, заставил их поверить, что потенциал классовых объединений неисчерпаем и даже превосходит меняющиеся обстоятельства»¹².

Таким образом, кризис революционного синдикализма затронул и социальный вектор анархистов, которые затем начали «организовываться в культурные группы и объединяться для сохранения памяти о движении»¹³.

* * *

ФАРЖ претендует на то, чтобы продолжить дело Идеала Переса и работу, которая возникла из его истории борьбы. Идеал Перес был сыном Хуана Переса Бузаса (или Жуана Переса), галисийского иммигранта, анархиста и сапожника, который играл важную роль в бразильском анархизме с конца 1910-х годов. Он был активным участником Альянса ремесленников-обувщиков (Aliança dos Artífices em Calçados) и Трудовой Федерации Сан-Паулу (Federação Operária de São Paulo – FOSP), принимал участие в многочисленных забастовках, пикетах и демонстрациях. В 1930-х годах он активно участвовал в Антиклерикальной лиге (Liga Anticlerical), а в 1934 году принял решающее участие в битве при Се – когда анархисты [а также другие левые группы и организации] под пулеметными очередями отбросили *интегралитов* (фашистов). В следующем году анархисты также приняли участие в создании Национально-освободительного альянса (Aliança Nacional Libertadora – ANL), организацию координации широких сил, которая поддерживала антифашистскую борьбу, борьбу с империализмом и латифундизмом.

¹² Там же.

¹³ Там же. «Pavilhão Negro sobre Pátria Oliva». Из: *História do Movimento Operário Revolucionário*, стр. 181.

Идеал Перес родился в 1925 году и начал свою боевую деятельность в том кризисном контексте, когда социальный вектор анархизма был уже утрачен. Это произошло в 1946 году, когда он участвовал в Либертарной молодежи Рио-де-Жанейро (Juventude Libertária do Rio de Janeiro); в периодических изданиях Ação Direta (Прямое действие) и Archote (Факел); в Союзе Анархистов Рио-де-Жанейро (União dos Anarquistas do Rio de Janeiro); в Анархистском конгрессе (Congresso Anarquistas), проходившем в Бразилии; и в Союзе бразильской либертарной молодежи (União da Juventude Libertária Brasileira). Идеал Перес принимал участие в работе Центра изучения профессора Жозе Оитисики (Centro de Estudos Professor José Oiticica – CEPJO), где проводились курсы и лекции, использовавшие анархизм в качестве «фона», и который был закрыт диктатором в 1969 году, когда Идеал был заключен на месяц в тюрьму бывшего Департамента социального и политического порядка (Departamento de Ordem Política e Social – DOPS), сначала на авиабазе Галеао, а затем в казармах военной полиции на дороге Барао де Мескита, центре пыток военной диктатуры.

В 1970-х годах, после тюрьмы, Идеал организовал в своем доме учебный кружок, целью которого было привлечь молодежь, интересующуюся анархизмом, и, помимо прочего, наладить контакт с бывшими активистами и установить связи с другими анархистами в Бразилии. Эта учебная группа стала ядром Кружка либертарных исследований (Círculo de Estudos Libertários – CEL), задуманного Идеалом и его напарником Эстер Редесом. CEL функционировал в Рио-де-Жанейро с 1985 по 1995 год, рядом с ним (или даже внутри него) образовались другие группы, такие как Анархистская группа Жозе Оитисики (Grupo Anarquista José Oiticica – GAJO), Анархистская группа прямого действия (Grupo Anarquista Ação Direta – GAAD), Анархистский студенческий коллектив 9 июля (Coletivo Anarquista Estudantil 9 de Julho – CAE-9), группа Mutirão; в дополнение к таким изданиям, как «Libera...Amore Mio» (основан в 1991 году и существует по сей день), журнал «Утопия» (1988-1992) и журнал «Mutirão» (1991). Помимо этого, CEL проводила мероприятия, кампании и десятки (если не сотни) лекций и дебатов.

После смерти Идеала Переса в августе 1995 года CEL решила почтить его память, изменив свое название на Кружок либертарных исследований Идеала Переса (Círculo de Estudos Libertários Ideal Peres – CELIP). CELIP продолжил работу CEL, отвечая за объединение активистов в Рио-де-Жанейро и продолжая их теоретическое развитие. Кроме того, CELIP выпустил журнал «Libera», благодаря которому наладил связи с группами по всей стране и за рубежом. Журнал выдвигал важные либертарные размышления по вопросам, которые стояли на повестке дня в Бразилии и мире в то время, и служил для распространения текстов и новостей различных групп в стране. Лекции и дебаты продолжали привлекать новых активистов, а отношения, которые некоторые участники поддерживали с Федерацией Анархистов Уругвая (Federación Anarquista Uruguaya – FAU), в итоге оказали значительное влияние на модель анархизма, которая развивалась в рамках CELIP. Кружок CELIP был одним из организаторов собрания студентов-либертарианцев Рио-де-Жанейро (ENELIB) в 1999 году, он участвовал в Международной встрече либертарной культуры во Флорианополисе в 2000 году и внес вклад в деятельность Института либертарной культуры и действия в Сан-Паулу (ICAL). Он также занялся борьбой работников нефтяной промышленности, восстановив связи между анархистами и профсоюзными активи-

стами в нефтяной отрасли – связи, восходящие к 1992/1993 годам, когда они вместе заняли здания штаб-квартиры Petrobras (Edifício Sede da Petrobrás – EDISE), впервые после военной диктатуры захватив «общественное» здание. В 2001 году эта борьба анархистов и работников нефтяной промышленности была возобновлена, кульминацией которой в 2003 году стала более чем 10-дневная акция анархистов и работников нефтяной промышленности, боровшихся за амнистию товарищей, уволенных по политическим мотивам. Помимо этого, CELIP проводил ряд других мероприятий.

В 2002 году мы организовали исследовательскую группу, чтобы проверить возможность создания анархистской организации в Рио-де-Жанейро, результатом чего стало основание ФАРЖ 30 августа 2003 года. Для нас существует прямая связь между делом Идеала Переса, созданием CEL, его функционированием, сменой названия на CELIP и последующим основанием ФАРЖ.

Когда мы говорим о поиске «социального вектора анархизма», мы обязательно ссылаемся на работу, начатую Идеалом Пересом, который еще в 1980-х годах начал сотрудничать с социальными движениями, стремясь вывести анархизм из сугубо культурной сферы, в которую он был загнан со времен кризиса 1930-х годов.

«В первой половине 1980-х годов Идеал и Эстер [Редес] приняли участие в городском социальном движении, став основателями и членами Ассоциации друзей и жителей Леме (Associação dos Moradores e Amigos do Leme – AMALEME). В 1980-х годах в Рио-де-Жанейро появилось несколько федераций кварталов, фавел (поселков/трущоб) и общин, и Идеал принял участие в работе AMALEME, пытаясь повлиять на нее, чтобы она использовала практику самоуправления и продемонстрировала солидарность с сообществом бедняков Морро-ду-Шапеу-Мангейра. В 1984 году Идеал избирается вице-президентом ассоциации, а в 1985-м – президентом. Его внимание к ассоциациям кварталов зародилось в другой ассоциации, ALMA (Ассоциация жителей Лауро Мюллера и окрестностей), возможно, первой ассоциации, продемонстрировавшей импульс к борьбе и самоуправлению, который в итоге повлиял на другие ассоциации»¹⁴.

Деятельность Идеала Переса и само развитие активности в Рио-де-Жанейро показали практическую потребность в анархистской социальной работе и внедрении, которая углубилась после контактов с ФАУ в середине 1990-х годов. Через «Libera» и контакты с другими группами в Бразилии мы помогли инициативе Бразильского анархистского строительства (САВ) в 1996 году, распространив документ под названием «Luta e Organização» («Борьба и Организация»), который стремился оказать поддержку созданию организационных групп, отстаивающих идею «эспецифистского» анархизма. Можно сказать, что весь эспецифистский анархизм в Бразилии находился под влиянием САВ и ФАУ, и мы не отличаемся от них.

С тех пор идея социального внедрения и восстановления социального вектора анархизма становилась все более масштабной. История Бразилии и более стратегические размышления о причинах существования анархизма все больше убеждали нас в том, что эспецифизм – это форма анархической организации, наиболее подходящая для наших целей. Для нас путь к восстановлению социального вектора обязательно проходит через специфично организованный анархизм, который дифференцирует

¹⁴ Felipe Corrêa. *Anarquismo Social no Rio de Janeiro: breve história da FARJ e de suas origens*. Lisboa: CEL/Cadernos d'A Batalha, 2008, стр. 25.

уровни активности и присутствует в классовой борьбе. Однако, в отличие от начала двадцатого века, когда предпочтительным местом классовой борьбы были профсоюзы, сейчас мы считаем, что профсоюзная борьба может быть средством внедрения, но есть и другие, гораздо более важные. Как было определено ранее, сегодня существует очень широкий эксплуатируемый класс, который позволяет анархистам вести социальную работу и внедряться в общество: безработные, крестьяне, безземельные, бездомные и т. д. Для нас быть хорошо организованными на политическом (идеологическом) уровне позволит найти наилучший путь, чтобы вернуть этот социальный вектор анархизма, где бы он ни находился.

Все наши размышления направлены на создание стратегической модели организации, которая позволит восстановить социальный вектор, поскольку это указывает на нашу цель – преодоление капитализма, государства и установление либертарного социализма. То, к чему мы стремимся, в этом контексте является лишь отправной точкой в борьбе: как мы подчеркивали при создании организации: «Здесь мы представляем ФАРЖ, не прося ничего, кроме отправной точки для борьбы, чтобы не умерли праведные и глубоко прекрасные мечты»¹⁵.

¹⁵ FARJ. *Manifesto de Fundação*.

Часть 4 Общество господства и эксплуатации: Капитализм и государство

Богатство одних основывается на бедности других¹.

Петр Кропоткин

Для тех, кто у власти, враг – это народ.

Пьер-Жозеф Прудон

Капитализм как система развивался со времен позднего Средневековья и утвердился в XVIII-XIX веках в Западной Европе. Он сформировался как экономическая, политическая и социальная система, основанная на отношениях между двумя антагонистическими классами. С одной стороны, так называемая «буржуазия», которую в данном тексте мы будем называть «капиталистами», обладателями частной собственности на средства производства², которые нанимают работников по найму. С другой стороны, то, что называется «пролетариатом» и что мы будем рассматривать в этом тексте как «пролетариат»³, который, не обладая ничем, кроме своей рабочей силы, вынужден продавать ее в обмен на заработную плату. Как мы уже подчеркивали ранее, наемный рабочий – классический объект анализа в социалистических теориях XIX века – для нас сегодня представляет собой лишь одну из категорий эксплуатируемых классов.

Цель капиталистов – производство товаров для получения прибыли. «Промышленное [капиталистическое] предприятие не заботится о потребностях общества: его единственная цель – увеличение барышей предпринимателя»⁴. Используя наемный труд, капиталисты платят рабочим как можно меньше и отнимают у них все излишки их труда, которые называются прибавочной стоимостью. Это происходит потому, что для увеличения своей прибыли капиталисты должны иметь самые низкие издержки, или тратить как можно меньше. Продавая свои товары по самым высоким ценам, которые может заплатить рынок, они остаются с разницей между тем, что

¹ «Хлеб и Воля», глава 4 «Экспроприация», II.

² Средства производства представляют собой средства труда и предметы труда. Средства труда – это орудия производства, такие как машины, оборудование, инструменты, технологии; сооружения, такие как здания, склады, офисы; источники энергии, используемые в производстве, которые могут быть электрическими, гидравлическими, ядерными, ветряными; а также средства транспорта. Предметы труда – это элементы, над которыми трудится человек, такие как сырье, овощи и животные, земля и другие.

³ Пролетариат: те, кто не имеет ничего, кроме своего потомства, или, своих детей.

⁴ «Хлеб и Воля», глава 1 «Наши богатства», III.

они потратили, и тем, что они заработали, – прибылью. Чтобы сдерживать издержки и тем самым увеличивать прибыль, у капиталистов есть различные средства; среди них – повышение производительности и снижение издержек производства. Для этого существует несколько способов, например, навязать рабочим более высокую норму труда и снизить заработную плату.

Такие отношения между капиталистами и рабочими порождают социальное неравенство – одно из главных зол общества, в котором мы живем. Это уже было установлено Прудоном, когда он исследовал эту тему в XIX веке:

«Я утверждал тогда, что все причины социального неравенства можно свести к трем: 1) свободное присвоение коллективной силы, 2) неравенство в торговле, 3) право на прибыль или состояние. А поскольку этот тройной способ присвоения чужих благ есть, по сути, господство собственности, я отрицал легитимность собственности и провозглашал ее тождество с кражей»⁵.

Для нас частная собственность, как отмечал Прудон, является кражей, поскольку, получая от наемного труда, она отдает капиталисту излишки труда рабочих. Эта «Собственность, ограбившая рабочего при помощи ростовщичества, теперь медленно убивает его изнурением»⁶.

Помимо того, что капитализм – это система, создающая и поддерживающая социальное неравенство, он основан на господстве и последующей эксплуатации. Господство существует, когда человек или группа людей используют «социальную силу других (доминируемых), а следовательно, и их время, для достижения своих целей (доминанта), которые не являются целями подчиненного агента»⁷. Капиталистическая система характеризуется использованием рабочей силы трудящихся для обогащения капиталистов и, следовательно, является иерархической и эксплуататорской системой, поскольку она означает «власть и право жить за счёт труда других, эксплуатировать труд тех, кто, не имея ни собственности, ни капитала, вынужден продавать свою производительную силу счастливым обладателям того или другого»⁸.

Отношения между капиталом и трудом, складывающиеся на рынке, не одинаковы для обеих сторон, поскольку капиталисты выходят на рынок, чтобы получить прибыль, а рабочих заставляет это делать необходимость работать, без которой они рискуют испытывать нужду и не иметь минимальных условий жизни. Это «встреча

⁵ Pierre-Joseph Proudhon. «2eme. Memoire sur la Proprieté». Из: *A Nova Sociedade*. Porto: Rés Editorial, s/d, стр. 35.

⁶ Пьер Жозеф Прудон «Что такое собственность? Или Исследование о принципе права и власти», Глава IV. Собственность невозможна, 1-е предложение. Собственность невозможна, потому что от ничего она требует нечто.

⁷ Fabio López López. *Poder e Domínio: uma visão anarquista*. Rio de Janeiro: Achiamé, 2001, стр. 83.

⁸ Mikhail Bakunin. *O Sistema Capitalista*. São Paulo: Faísca, 2007, стр. 4. – Речь идет о рукописи, которая предшествует тексту «Приложение [к «Историческим софизмам доктринерской школы немецких коммунистов»]: Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке». К сожалению, этот текст не был своевременно переведен на русский язык.

между инициативой, направленной на получение прибыли, и другой инициативой, направленной на борьбу с голодом, между хозяином и рабом»⁹.

Кроме того, безработица приводит к тому, что, когда капиталисты выходят на рынок, они сталкиваются с изобилием рабочих рук, поскольку предложение рабочих превышает спрос на них:

*«[...] бедные кварталы городов и соседние деревни полны голодающих семей, и не успеет завод отстроиться, как рабочие уже сбегаются со всех сторон. «Прими нас, батюшка, Христа ради; уж мы рады на тебя стараться, а нам лишь бы подати заплатить да ребятишек прокормить». Их было нужно, может быть, триста, а явилась целая тысяча»*¹⁰.

Таким образом, капиталистам выгодно навязывать условия труда. Рабочим – принимать их, поскольку «они, под страхом быть заменёнными другими, вынуждены продавать свой труд по возможно более низкой цене. [...] Будучи нищим, рабочий вынужден продавать свой труд почти за бесценок, и, поскольку он продаёт его почти за бесценок, он становится всё более и более нищим»¹¹.

Будучи комплексной системой, капитализм сочетает в себе несколько форм производства и социальных классов. Крестьяне, несмотря на то что являются частью докапиталистического способа производства, все же подчиняются конкурентным требованиям капиталистического рынка, что означает необходимость в основных элементах производства, которые продаются на капиталистическом рынке. В конкурентной борьбе из-за производственных и технологических трудностей они оказываются в невыгодном положении по сравнению с крупными агропромышленными компаниями. Есть также крестьяне, продающие свою рабочую силу, которых мы можем считать сельскими работниками традиционной капиталистической системы. Крестьяне, как мы уже видели, также входят в группу эксплуатируемых классов.

Говорят даже, что капитализм следует делить не на два больших класса – капиталистов и рабочих, – а на три; существует третий класс, называемый «управленческим», который контролирует решающие аспекты капитализма и персонифицирует другой важный аспект капитализма – иерархическое разделение труда. На протяжении всей истории капитализма этот класс становился все более частью капиталистического класса, особенно благодаря интересам, отстаиваемым в процессе классовой борьбы. Сегодня фигура традиционного буржуа, собственника, встречается все реже; контроль над компаниями осуществляют менеджеры, а владельцами все чаще становятся транснациональные группы или даже неизвестные никому акционеры. На самом деле, в подавляющем большинстве случаев класс менеджеров-управленцев является частью капиталистической группы, или того, что мы можем назвать правящим классом.

Есть и другие участники капиталистического рынка, например, работники торговли и сферы услуг, которые распространяют товары капиталистических предприятий

⁹ Там же. Во французской версии текст выглядит таким образом «Поэтому капиталист приходит на рынок как человек если не абсолютно свободный, то, по крайней мере, бесконечно более свободный, чем рабочий. Это встреча корысти и голода, хозяина и раба.»

¹⁰ Хлеб и Воля, глава 4 «Экспроприация», II. Авторы книги «Социальный анархизм и организация» вставили цитату без фрагмента «Прими нас, батюшка, ...».

¹¹ Mikhail Bakunin. *O Sistema Capitalista*, стр. 67.

или выполняют для них работу. Оба сектора в большей или меньшей степени следуют логике капитализма и действуют в рамках рыночной конкуренции; очень часто они используют наемный труд, поддерживая собственников, которые пользуются плодами этих несправедливых отношений между капиталом и трудом и стремятся к получению прибыли.

Как система, воспроизводящая несправедливость, капитализм разделяет ручной и интеллектуальный труд. Это разделение является результатом наследственности, а также образования, поскольку богатые и бедные получают разное образование. Таким образом:

«[...] пока существуют две или несколько степеней образования для различных слоев общества, до тех пор необходимо будут существовать классы, т. е. экономические и политические привилегии для небольшого числа счастливых, и рабство и нищета для большинства»¹².

На протяжении всей своей истории капитализм развивался, вовлекаясь в политические структуры европейских стран в конце XIX века, приводя к империализму и достигая своей нынешней фазы экспансии, которую можно назвать экономической глобализацией. Согласно анализу Субкоманданте Маркоса из Сапатистской армии: «Это уже не империалистическая держава в классическом понимании этого термина, которая доминирует над остальным миром, а новая вненациональная держава»¹³. В общем смысле экономическая глобализация характеризуется интеграцией в мировом масштабе процессов производства, распределения и обмена. Производство ведется в нескольких странах, товары импортируются и экспортируются в огромных количествах и на большие расстояния.

Стимулируемая с 1970-х и 1980-х годов, «глобализация» получила широкое распространение по всему миру, «основываясь с идеологической, философской и теоретической точки зрения на доктрине неолиберализма»¹⁴, которая выступает за свободный рынок и минимальное государство. Основная идея заключается в том, что капитал выбирает места с наилучшими условиями для своего воспроизводства. Поскольку для производства обязательно требуется рабочая сила, происходит миграция производственных сфер капиталистических предприятий в страны с более низкой «себестоимостью», то есть в страны со слабым трудовым/экологическим законодательством, слабой профсоюзной организацией, высоким уровнем безработицы и т. д. В общем, компании ищут страны/регионы, где эксплуатация может происходить без вмешательства государства, что позволяет им платить столько, сколько они хотят, что они не обязаны предоставлять льготы работникам, что они (работники) могут быть уволены, когда они (капиталисты) захотят, и что всегда есть гораздо больше работников, желающих заполнить рабочие места, что позволяет издержкам производства становиться все меньше; прекарная работа ищется и поощряется. Эта система с одной стороны, оставляет безработных в районах с оптимальными условиями, с другой стороны, допускает шантаж, который заставляет

¹² Михаил Бакунин «Всестороннее образование», II. (Egalite, 14 августа 1869 г.)

¹³ Subcomandante Marcos. «Entrevista a Ignacio Ramonet». Из: *Marcos: la dignidad rebelde*. Chile: Aun Creemos en los Sueños SA, 2001, стр. 26.

¹⁴ Там же, стр. 27.

мириться с прекарностью и угрожает организации рабочих, которые становятся все более контролируемыми и вытесняются на периферию, как это описал Хомский:

«Концепции «эффективности» и «здоровой экономики», любимые богатыми и привилегированными, ничего не могут предложить растущим слоям населения, которые не приносят прибыли и ввергают в нищету и отчаяние. Если их нельзя загнать в трущобы, их придется контролировать любым другим способом»¹⁵.

Неолиберализм, стимулирующий свободное движение капитала, но не свободное движение людей и не допускает сравнение условий труда, ставит под сомнение все условия «благополучия», которые были навязаны государствам во времена крупных рабочих бунтов, охвативших мир в XIX и XX веках. Капитализм ищет новые пространства, расширяя себя как изнутри, так и извне, создавая новые капиталистические предприятия путем приватизации и стимулируя ложные потребности с помощью рекламы, которые не соответствуют реальным запросам общества. «Неолиберальные доктрины, независимо от того, что вы о них думаете, разрушают образование и здравоохранение, увеличивают социальное неравенство и снижают долю труда в распределении доходов»¹⁶.

Современный капитализм также несет ответственность за масштабный экологический кризис, охвативший мир сегодня. Движимые логикой прибыли, частные предприятия несут ответственность за перенос всей иерархии классов на отношения между людьми и окружающей средой. Загрязнение окружающей среды, вырубка лесов, глобальное потепление, уничтожение редких видов и дисбаланс в пищевых цепочках – вот лишь некоторые из последствий этих отношений.

«Иерархии, классы, системы собственности и политические институты, возникшие в условиях социального господства, были концептуально перенесены на отношения между человечеством и природой. Она также все чаще рассматривалась как простой ресурс, объект, сырье, которое можно эксплуатировать так же безжалостно, как рабов на плантации»¹⁷.

Бразилия, будучи хорошо интегрированной в эту глобализационную логику благодаря политике, проводимой ее прошлыми правительствами, разделяет глобальные последствия этой новой фазы капитализма.

* * *

Мы рассматриваем государство как совокупность политических сил нации, которая формируется с помощью «политических, законодательных, судебных, военных, финансовых и т.д. институтов»; таким образом, государство шире, чем правительство. Государство, с момента своего возникновения в античности, пройдя через Египет фараонов и военно-рабовладельческое государство Рима, всегда было инструментом для увековечивания неравенства и элементом, уничтожающим свободу, независимо от существующего способа производства. В ходе истории этот доминирующий институт знал периоды большей или меньшей силы, что требовало внимания

¹⁵ Noam Chomsky. *O Lucro ou as Pessoas*. Rio de Janeiro: Bertrand Brasil, 2002, стр. 136.

¹⁶ Там же, стр. 36.

¹⁷ Murray Bookchin. «Um Manifesto Ecológico: o poder de destruir, o poder de criar». Из: *Letra Livre* 31. Rio de Janeiro: Achiamé, 2001, стр. 8.

к конкретному времени и месту. Государство в том виде, в котором мы наблюдаем его сегодня (современное государство), берет свое начало в шестнадцатом веке.

В Средние века, стремясь уничтожить цивилизацию городов, современные варвары превратили в рабов всех тех, кто когда-то организовывал себя на основе свободной инициативы и свободного понимания. Все общество было построено на подчинении помещику, объявив, что церковь и государство должны быть единственными связующими звеньями между людьми, что только эти институты имеют право защищать торговые, промышленные, ремесленные интересы и т. д. Государство было создано путем господства, чтобы говорить от имени общества, поскольку считалось, что оно само является обществом.

Для государства была характерна «двойная игра»: оно обещало богатым защитить их от бедных и обещало бедным защитить их от богатых. Постепенно города, жертвы власти, которые умирали по кусочкам, были отданы государству, которое также развивало свою роль завоевателя, ведя войны против других государств, стремясь расширить себя и завоевать новые территории. Влияние государства на города и городские регионы было катастрофическим. Роль государства в городах в период XVI-XVII веков была такова:

«Уничтожить независимость городов: разграбить богатые торговые и ремесленные гильдии; сосредоточить в своих руках всю внешнюю торговлю городов и убить ее; забрать в свои руки внутреннее управление гильдий и подчинить внутреннюю торговлю и всё производство, все ремесла, во всех мельчайших подробностях, стаду чиновников и тем самым убить и промышленность, и искусства; задушить местное управление; уничтожить местное ополчение; задавить слабых налогами в пользу сильных и разорить страну войной»¹⁸.

После промышленной революции возник так называемый «социальный вопрос», который обязывал государства разрабатывать планы помощи, чтобы минимизировать воздействие капитала на труд. В конце XIX века в качестве альтернативы либерализму возникла новая концепция широкого государственного вмешательства, которая, если с одной стороны стремилась к созданию политики «социального благосостояния», то с другой – применяла методы сдерживания продвижения социалистических инициатив, уже достаточно сильных в то время.

Сегодня перед государством стоят две фундаментальные задачи: первая – обеспечение условий для производства и воспроизводства капитализма, вторая – обеспечение его легитимности и контроля. По этой причине государство сегодня является мощной опорой капитализма.

Государство расширяет политические рамки и выступает в качестве экономического агента капитализма, стремясь предотвратить или минимизировать роль кризисов или падения нормы прибыли. Это может происходить несколькими способами: предоставление кредитов центральным секторам экономики, стимулирование развития секторов экономики, списание долгов, реформирование системы импорта/экспорта, субсидирование товаров, получение прибыли за счет продажи продукции государственных предприятий и т. д. Планы помощи также играют важную роль, поскольку они повышают покупательную способность слоев населения, двигают и

¹⁸ Петр Кропоткин. «Государство и его роль в истории», VIII.

подогревают капиталистическую экономику. Кроме того, государство создает законы, направленные на обеспечение долгосрочного накопления капиталистов и на то, чтобы жажда наживы капиталистов не ставила под угрозу саму систему.

В ходе исторического процесса было замечено, что невозможно поддерживать систему, основанную только на репрессиях. Государство, которое поддерживало себя таким образом в течение многих лет, постепенно модифицировалось, стремясь гарантировать легитимность капитализма. Государство, которое четко защищает позицию капиталистов, может усилить классовую борьбу, поэтому с точки зрения капиталистов нет ничего лучше, чем придание ему нейтрального вида. То есть придать ей вид независимого – или даже автономного – организма по отношению к правящему экономическому классу или к самому капитализму. Стремясь всегда успокоить классовую борьбу, государство разрабатывало меры в пользу эксплуатируемых классов, поскольку при лучших условиях жизни вероятность радикализма была бы меньше. С другой стороны, организованные рабочие движения могли навязать государству меры, которые принесли бы рабочим улучшения, даже за счет капиталистов.

Как и в случае с представительной демократией, меры, улучшающие условия для работников, всегда служат для государства идеологическим инструментом, позволяющим выдать идею нейтралитета, независимости и автономии государства в рамках капитализма. Однако это должно послужить уроком, показывающим, что, поскольку государство обязано гарантировать эту легитимность, у организованных работников часто есть возможность навязать меры в свою пользу. Поэтому необходимо:

«[...] вырывать у правительств и капиталистов все те политические и экономические улучшения, которые позволят улучшить условия нашей жизни [чтобы они могли сделать условия борьбы менее трудными для нас], увеличить число тех, кто станут бороться осознанно. И вырывать это будем такими методами, которые не предполагают признание существующего порядка»¹⁹.

Тем не менее, следует помнить, что государство, являясь прочной опорой капитализма, стремится поддерживать его, а если капитализм – это система эксплуатации и господства, то государство не может делать ничего другого, кроме как поддерживать существующие в нем классовые отношения. Таким образом, государство защищает капиталистов в ущерб рабочему, у которого «ничего нет кроме рук да готовности работать, тому нечего ждать от государства. Для него оно – просто сила, ставшая поперёк его освобождению»²⁰.

Любые попытки изменить систему, предпринимаемые эксплуатируемыми классами, жестко пресекаются государством. Когда идеология не работает, на помощь приходят репрессии и контроль. Поскольку государство обладает монополией на применение насилия в обществе, оно всегда использует его для исполнения законов, а поскольку законы были приняты для того, чтобы сохранить привилегии капиталистического общества, то репрессии и государственный контроль всегда направлены на поддержание «порядка». То есть для поддержания привилегий капитализма и сохранения господства правящего класса. При малейшем признаке угрозы со сторо-

¹⁹ Эррико Малатеста «Идеализм и материализм», цитата взята с самого конца статьи.

²⁰ Петр Кропоткин, «Речи бунтовщика», глава 2 «Разложение государства».

ны эксплуатируемых классов государство жестоко подавляет их, всегда стремясь к продолжению системы, одной из основ которой является насилие.

Вопреки тому, во что верили (и продолжают верить) авторитарные социалисты, государство не является нейтральным организмом, который может работать на благо капиталистов или рабочих. Если анархисты так много пишут о государстве, то это вполне оправданно, потому что критика капитализма была консенсусом между либертариями и авторитариями – расхождения были связаны с государством. Авторитарии поддерживали захват государства и диктатуру пролетариата как промежуточную стадию – которую ошибочно называли социализмом – между капитализмом и коммунизмом. Этот «социализм» – форма правления большинства меньшинством, имеющая своим «результатом непосредственным и неперенным упрочение политических и экономических привилегий управляющего меньшинства и политического и экономического рабства народных масс»²¹. Мы считаем, что:

«[...] никакое государство, как бы демократичны ни были его формы, хотя бы самая красная политическая республика, народная только в смысле лжи, известной под именем народного правительства, не в силах дать народу того, что ему надо, т. е. вольной организации своих собственных интересов снизу вверх, без всякого вмешательства, опеки, насилия сверху, потому что всякое государство, даже самое республиканское и самое демократическое, даже мнимое народное государство, задуманное г. Марксом, в сущности своей не представляет ничего иного, как управление массами сверху вниз, посредством интеллигентного и по этому самому привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ»²².

Позиция либертариетов, которой мы придерживаемся сегодня, заключается в том, что для построения социализма государство должно быть уничтожено вместе с капитализмом путем социальной революции. Потому что «Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; государство без рабства, открытого или маскированного, немыслимо – вот почему мы враги государства»²³. Государство думает, что понимает нужды народа лучше, чем сам народ, и поддерживает иерархическую форму управления обществом, являясь средством, с помощью которого присутствующий в нем класс осуществляет господство над другими, теми, кто не входит в состав государства. Любое государство создает отношения господства, эксплуатации, насилия, занимается войной, резней и пытками под предлогом защиты «гражданина», а также порабощает:

«[...] провинции и города, из которых состоит государство и которые, как естественные группы, должны пользоваться цельной и полной автономией, управляются не сами собой, как бы следовало вошедшим в ассоциацию городам и провинциям, а центральной властью и как завоеванное население»²⁴.

²¹ Михаил Бакунин, «Государственность и анархия. Борьба двух партий и Интернациональном обществе рабочих».

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Пьер Жозеф Прудон, «Политические противоречия», глава VI «Общая критика конституций». Или «Французскія конституції XIX столѣтія и Наполеон III», Санкт-Петербург, 1871 г., стр. 79. (ныне доступна только в некоторых библиотеках)

Так же, как и диктаторский социализм, представительная демократия утверждает, что изменения возможны через государство. Делегируя наше право заниматься политикой²⁵ классу политиков, которые входят в государство, чтобы представлять нас, мы даем мандат, без какого-либо контроля, кому-то, кто принимает решения за нас: неизбежно возникает разделение между классом, который занимается политикой, и классами, которые следуют за ним. С самого начала мы можем утверждать, что представительная демократия политически отчуждает, поскольку она отделяет народ от тех, кто делает политику от имени народа: советников, депутатов, сенаторов, мэров, губернаторов и т. д. Чем больше политики отвечают за политику, тем меньше народ участвует в ней и тем больше он остается отчужденным и далеким от принятия решений. Это, очевидно, обрекает народ на позицию зрителя, а не «хозяина самого себя», непосредственно ответственного за решение собственных проблем. Поэтому «освобождение пролетариата невозможно решительно ни в каком государстве и что первое условие его – разрушение всякого государства»²⁶.

«Политики» представляют собой иерархию и разделение между лидерами и ведомыми, внутри и вне своих партий. Чтобы быть избранными, политические партии должны получить численное превосходство в голосовании, а для этого необходимо избрать значительное число кандидатов. Политики рассматриваются как товар, который продается на «электоральном рынке»; чтобы расти, партии идут на все – отвлекают на себя деньги, отказываются от программ, заключают союзы с кем угодно и т. д. «Политики» не занимаются политикой, опираясь на волю народа, а, все больше ощущая вкус власти, принимают решения в пользу партии и ее собственных интересов. Ведь политики и партии хотят сохранить свои позиции и полномочия, что становится самоцелью. Обсуждение важных проблем общества, которое и так ограничено – ведь парламент и само государство являются столпами капитализма и, следовательно, не позволяют изменить его корни, – даже не затрагивается, никогда не является приоритетом; представительная демократия, будучи консервативной, ограничивает даже те небольшие успехи, которые могут произойти. По этой причине мы не должны отдавать политику меньшинству:

«Те, у которых нет никаких убеждений, которые всегда садятся между двух стульев и вливают между двумя основными партиями палаты. Именно эта группа людей, человек пятьдесят ничтожных и безвольных, лавирующих между либералами и консерваторами, подкупленных обещаниями, местами, лестью и паникой, – и решает все дела страны. Она издает законы, составляет министерства и изменяет направление политики»²⁷.

Эта критика государства связана не с той или иной формой государства, а со всеми его формами. Поэтому любой проект социальных преобразований, направленный на социальную революцию и либертарный социализм, должен иметь целью конец как капитализма, так и государства. Хотя мы считаем, что государство является одной

²⁵ Термин «политика», который используется здесь и будет использоваться еще много раз в этом тексте, понимается как: «происходит от прилагательного, образованного от polis (Politik), которое обозначает все то, что относится к городу, и, следовательно, то, что является городским, гражданским, общественным, даже социальным и общительным». (то есть все то, что относится к общественной жизни).

²⁶ Михаил Бакунин «Государственность и Анархия...».

²⁷ Речи бунтовщика, глава 13 «Представительный образ правления», III.

из самых прочных опор капитализма, мы не верим, что с концом капитализма государство обязательно прекратит свое существование.

Сегодня мы знаем, что не должны путать себя ни с контекстом XIX века, в котором наблюдались расхождения по вопросу государства между социалистами – и поэтому большое внимание уделяется трудам на эту тему – ни с контекстом Европы того времени. Мы знаем, что условия в Бразилии специфичны, и, если мы можем применить эту критику к государству сегодня, мы должны знать, что наша реальность особенна и что направление мировой экономики оказало глубокое влияние на форму государства, с которой мы живем.

Наконец, несомненно, одно: капитализм и государство и сегодня являются основой нашего общества господства и эксплуатации, представляя собой «для всех стран цивилизованного мира только один всемирный вопрос»²⁸. Поэтому нашим идеалом по-прежнему является «полнейшее и окончательное освобождение пролетариата от экономической эксплуатации и от государственного гнета»²⁹.

²⁸ Михаил Бакунин, «Государственность и Анархия...»

²⁹ Там же.

Часть 5. Конечные цели: Революция и Либертарный социализм

Мы несем новый мир в наших сердцах.

Буэнавентура Дуррути

Политический и социальный проект анархизма – это свободное и антиавторитарное общество, сохраняющее свободу, равенство и солидарность между всеми его членами.

Нестор Махно

Но всеобщая революция – это социальная революция, это одновременная революция людей в полях и городах. Именно ее необходимо организовать – потому что без подготовительной организации самые сильные элементы бессильны и пусты.

Михаил Бакунин

Поставив краткий диагноз нынешнему обществу господства и эксплуатации, мы утверждаем две цели, которые мы понимаем как окончательные: социальная революция¹ и либертарный социализм. Цель социальной революции – уничтожить общество эксплуатации и господства. Либертарный социализм – это то, что придает социальной революции конструктивный смысл. Вместе разрушение – как понятие отрицания – и созидание – как понятие предложения – составляют возможную и эффективную социальную трансформацию, которую мы предлагаем. «...не может быть революции без широкого и страстного разрушения, разрушения спасительного и плодотворного, потому что именно из него и только посредством него зарождаются и возникают новые миры»². Однако одного разрушения недостаточно, поскольку «Никто не может стремиться к разрушению, не имея, по крайней мере, отдаленного представления, правильного или ложного, о новом строе, который должен будет, по его мнению, последовать за тем, который существует в настоящее время»³.

Социальная революция – один из возможных результатов классовой борьбы, заключающийся в насильственном изменении установленного общественного порядка и рассматриваемый нами как единственный способ покончить с господством и эксплуатацией. От политических революций якобинцев и ленинистов она отличается

¹ Мы работаем с классической концепцией социальной революции, разработанной Бакуниным, которая рассматривает ее как трансформацию экономических, политических и социальных аспектов жизни общества. Когда мы отличаем ее от политической революции, мы стремимся к такому же классическому разграничению, которое рассматривает политическую революцию как преобразование, происходящее только на «политическом» уровне, через государство.

² Михаил Бакунин, «Государственность и Анархия...».

³ Михаил Бакунин, «Протест “Альянса”».

тем, что поддерживает изменение «порядка» не просто политическими изменениями, через государство, меняя одно руководящее меньшинство на другое. Как мы уже подчеркивали ранее, государство для нас не является средством освобождения эксплуатируемых классов, и оно не должно быть изъято из рук капиталистов революционным путем, предполагаемым авангардом, претендующим на то, чтобы действовать от имени пролетариата. Политическая революция, такая как французская или русская, которая не уничтожает государство, чтобы произвести равенство в своей среде, становится буржуазной революцией и заканчивается неизменно «новой эксплуатацией пролетариата буржуазией, более лицемерной и более искусной, может быть, но не менее давящей и угнетающей»⁴.

В отличие от политической революции, социальная революция совершается жителями городов и деревень, которые доводят классовую борьбу и соотношение сил с капитализмом и государством до предела с помощью народной организации. Социальная революция происходит, когда социальная сила, развитая в сердце народной организации, превосходит силу капитализма и государства и, воплощенная в жизнь, создает структуры, поддерживающие самоуправление и федерализм; уничтожает частную собственность и государство и приводит к обществу полной свободы и равенства. Именно социальная революция принесет народное освобождение, как неоднократно утверждал Бакунин:

«[...] именно этой старой системе организации, основанной на насилии, социальная революция должна положить конец, предоставив полную свободу массам, группам, коммунам, ассоциациям. а также и отдельным индивидам и, уничтожив раз навсегда историческую причину всякого насилия – самое существование государства»⁵. «[Выработалось новое направление, Социальная Революция,] прямо идущее к уничтожению всякой эксплуатации и всякого политического или юридического, равно как и правительственно-административного притеснения, т. е. к уничтожению всех классов посредством экономического уравнивания всех состояний...»⁶

Социальная революция – это не «великая ночь», когда народ стихийно восстает и создает новое общество. Бесспорно, что классовая борьба порождает ряд восстаний и даже мятежей, спонтанных событий огромной важности. Однако, если нет напряженной и упорной предварительной организационной работы, эти эпизоды пройдут, иногда с выгодой для эксплуатируемых классов, но они не смогут ни свергнуть капитализм и государство, ни создать новое общество. Строительство народной организации будет развивать дух борьбы и организации в эксплуатируемых классах, добиваясь накопления социальной силы и закладывая в нее средства борьбы в соответствии с тем обществом, которое мы хотим построить. Таким образом, мы понимаем социальную революцию не как простую эволюцию, не как обязатель-

⁴ Михаил Бакунин, «Письма к Французу». На русском языке имеется лишь «Прибавление. Полное воспроизведение рукописи Бакунина», но нет хорошо оформленных Джеймсом Гильомом шести писем. Цитата взята с последних страниц «Полного Воспроизведения», когда речь заходит о немецких социал-демократах.

⁵ Михаил Бакунин, «Парижская коммуна и понятие о государственности» (текст представляет собой предисловие Бакунина к более фундаментальной работе «Исторические софизмы доктринерской школы немецких коммунистов», которая более известна как «Бог и Государство».

⁶ Михаил Бакунин, «Государственность и Анархия».

ное следствие противоречий капитализма, а как эпизод, знаменующий разрыв и определяемый волей организованных эксплуатируемых классов.

Мы подчеркиваем, что в этом революционном процессе необходимо использовать насилие, потому что мы не верим, что экспроприация капиталистов или даже разрушение государства может быть осуществлено без поощрения насилия со стороны правящего класса. На самом деле, система, в которой мы живем, уже является системой, основанной на насилии для своего поддержания, и ее обострение в революционные моменты только оправдывает применение насилия со стороны революционеров, в первую очередь, как ответ на насилие, которому они подвергались в прошлом и настоящем. «Насилие оправдано только тогда, когда оно необходимо для защиты себя или других от насилия»⁷. Правящий класс не примет изменений, навязанных ему в момент осуществления социальной революции. Поэтому необходимо знать, что, хотя мы не сторонники и не любители насилия, оно будет необходимо для удара, который мы намерены нанести по всей этой системе господства и эксплуатации.

«Поскольку революция, в силу обстоятельств, является насильственным актом, она имеет тенденцию развивать дух насилия, а не уничтожать его. Но революция, задуманная анархистами, является наименее насильственной из всех возможных; она стремится прекратить всякое насилие, как только исчезнет необходимость противостоять силой материальной силе правительства и буржуазии. Идеалом анархистов является общество, в котором фактор насилия полностью исчезнет, и этот идеал служит для того, чтобы остановить, исправить и уничтожить этот дух насилия, который революция, как материальный акт, имела бы тенденцию развивать»⁸.

Насильственные действия социальной революции должны одновременно с экспроприацией капиталистов немедленно уничтожить государство, уступив место самоуправляемым и федеративным структурам, проверенным и испытанным в рамках народной организации. Поэтому авторитарная концепция «социализма» как промежуточного периода, когда в государстве устанавливается диктатура, является для нас не чем иным, как еще одним способом продолжения эксплуатации народа, и должна быть отвергнута абсолютно, при любых обстоятельствах.

Поскольку социальная революция должна совершаться не только анархистами, важно, чтобы мы были полностью вовлечены в процессы классовой борьбы, чтобы иметь возможность ориентировать революцию на либертарный социализм. Потому что опыт революций двадцатого века показывает нам, что, если этого не произойдет, авторитаристы уничтожат опыт освобождения, чтобы захватить государство, покончив с возможностью самоуправления и федерализма, и создав режимы более тираничные, чем предыдущие. По этой причине революция представляет собой риск, потому что, если анархисты не будут в достаточной мере представлены, чтобы придать ей желаемое направление, они будут работать над тем, чтобы насадить другой режим господства и эксплуатации. Культура самоуправления и федерализма уже должна быть хорошо развита в классовой борьбе, чтобы в революционный мо-

⁷ Errico Malatesta. «A Violência e a Revolução». Из: *Anarquistas, Socialistas e Comunistas*, стр. 40. На русском есть также его статья «Анархизм и Насилие».

⁸ Его же. «Uma Vez Mais Sobre Anarquismo e Comunismo». Из: *Anarchist Socialists and Communists*, стр. 70.

мент народ не позволил угнетать себя авторитарным оппортунистам; и это будет происходить через классовую практику автономии, боевитости, прямого действия и прямой демократии. Чем больше этих ценностей будет в народной организации, тем меньше будет возможностей для создания новых тираний.

Как бы мы ни отвергали полностью концепцию марксистского «социализма», диктатуры в государстве, несомненно, что после революции наступит момент адаптации к либертарному социализму. Это может быть время многочисленных конфликтов, и поэтому мы должны опираться на специфические анархистские организации – которые сольются с общественными организациями только в более поздний период полного развития либертарного социализма, когда угроза контрреволюции минует и либертарный социализм начнет действовать в полную силу.

Говоря о нашей концепции социальной революции или даже размышляя о возможном будущем обществе, мы хотим уточнить, что не стремимся заранее, абсолютно точно определить, как будет происходить революционный процесс или даже либертарный социализм. Мы знаем, что невозможно предсказать, когда произойдет эта трансформация, и поэтому любые размышления должны всегда рассматривать этот аспект стратегического прогнозирования будущих возможностей с точки зрения текущих возможностей, ориентиров, а не абсолютной точности и определенности. Характеристики революционного процесса зависят от того, когда и где он происходит.

Таким образом, высказанные здесь размышления о социальной революции и особенно о либертарном социализме не следует понимать как формулы или предсказания того, что обязательно произойдет. Мы работаем с теми возможностями, которые связаны с нашими теоретическими ожиданиями. Однако, если, с одной стороны, мы не хотим быть слишком самоуверенными, то, с другой стороны, считаем, что дискуссии о будущем обществе и возможном функционировании либертарного социализма очень важны. В этом вопросе мы считаем, что практический революционный опыт может многому нас научить.

Выступать за либертарный социализм в качестве предполагаемого будущего общества означает для нас соотносить два неразделимых понятия, когда речь идет о политическом проекте. С одной стороны, социализм, система, основанная на социальном, политическом и экономическом равенстве, а с другой – свобода. Для нас «социализм без свободы – это рабство и скотство»⁹ есть система, которая вырождается в авторитарные режимы, как мы хорошо знаем на протяжении всего двадцатого века. В то же время «свобода без социализма – это привилегии, несправедливость»¹⁰, способ продолжения господства и эксплуатации в обществе классовой и авторитарной иерархии. Поэтому проектом будущего общества, утверждающего равенство и свободу, для нас может быть только либертарный социализм, который обретает форму в практиках самоуправления и федерализма.

⁹ Михаил Бакунин, «Социализм, Федерализм и Антитеологизм. Мотивированное предложение Центральному комитету Лиги Мира и Свободы от М. Бакунина». Часть II «Социализм». Цитат в книге «М. А. Бакунин. Философия. Социология. Политика» звучит «социализм без свободы – рабство и животное состояние».

¹⁰ Там же.

Несмотря на то, что термины возникли в разное время¹¹, самоуправление и федерализм сегодня обязательно связаны между собой и должны пониматься как взаимодополняющие понятия. Самоуправление – это форма управления, модель организации, в которой решения принимаются самими работниками в той степени, в какой они влияют на них либо на своих рабочих местах, либо в сообществах, где они живут. Федерализм – это метод объединения самоуправляемых структур, позволяющий принимать решения в широком масштабе. Современные трактовки самоуправления и федерализма разделяют первое как экономическую, а второе как политическую систему либертарного социализма. Мы не понимаем разделение на экономическое и политическое таким образом, когда речь идет о самоуправлении и федерализме.

Самоуправляемое и федералистское общество либертарного социализма ставит одной из своих целей отторжение и прекращение отношений господства и эксплуатации труда. Критика труда сегодня, в том числе и со стороны либертарианцев, для нас является критикой труда в рамках капитализма, а не критикой труда как такового. При либертарном социализме свободный труд должен стать средством освобождения рабочих, которые через самоуправление вернут себе богатство, отнятое у них капиталистической частной собственностью. Таким образом, социализация труда, продуктов труда, средств производства, форм, ритмов и темпов работы будет способствовать созданию модели труда как «разумного действия людей в обществе с заранее продуманной целью личного удовлетворения»¹². В новом обществе всем способным трудиться людям придется трудиться, безработицы не будет, и работу можно будет выполнять в соответствии с личными способностями и склонностями. Люди больше не будут вынуждены соглашаться на что-либо под угрозой испытать нужду и не достичь минимальных условий жизни. Детям, пожилым и нетрудоспособным людям будет обеспечена достойная жизнь без лишений, все их потребности будут удовлетворены. Для наиболее утомительных работ или тех, которые воспринимаются как неприятные, в некоторых случаях может быть предусмотрена ротация или чередование. Даже если речь идет о выполнении производственной работы, где требуется координация действий нескольких специалистов, для более сложных задач также потребуются ротация функций и обучение других работников с аналогичными навыками.

При либертарном социализме невозможно будет получить власть или более высокое вознаграждение за то, что ты являешься владельцем одного или нескольких средств производства. Это происходит потому, что частная собственность упраздняется, уступая место коллективной собственности на средства производства, которая

¹¹ Термин «федерализм» используется анархистами со времен Прудона, который оформил свои теории по этому вопросу в книге «*Do Princípio Federativo*» (О Федеративном принципе) 1863 года и других книгах. Федерализмом отмечены либертарные социалисты двадцатого века, прежде всего те, кто действовал в Международной Ассоциации Трудящихся. Не путайте этот либертарный федерализм со государственным федерализмом. Термин «самоуправление» возник лишь столетие спустя, в 1960-х годах, чтобы заменить другие, такие как самовластие (self-government, self-administration), самоопределение, автономия и т. д. Сегодня эти два понятия имеют разные значения, дополняя друг друга в экономике и политике.

¹² Pierre-Joseph Proudhon. «De la création de l'ordre dans l'humanité». Из: *A Nova Sociedade*, стр. 26. (Принципы политической организации, или Создание гуманного порядка)

может быть представлена в двух вариантах: 1) никто фактически не будет собственником, а средства производства будут принадлежать коллективу в целом, или 2) все члены коллектива будут собственниками части средств производства, в точно такой же пропорции, как и остальные. «Раз орудия производства представляют собою продукт труда всего народа, то они должны перейти в руки всего народа»¹³. В системе коллективной собственности права, обязанности, заработная плата и богатство больше не имеют отношения к частной собственности, и старые классовые отношения, основанные на частной собственности, также должны исчезнуть. Таким образом, либертарный социализм – это бесклассовое общество. Правящего класса больше не будет, и вся система неравенства, господства и эксплуатации исчезнет.

В городах существуют различные типы рабочих. Во-первых, это те, кто выполняет работу с помощью простых инструментов, почти без разделения труда, при котором производство может быть выполнено, зачастую, только одним рабочим. Для этого типа работников коллективный труд не является необходимостью, но он желателен, так как экономит время и усилия, а также помогает работнику повысить свою квалификацию за счет навыков других. Есть и другие работники, которые выполняют свою деятельность коллективно, с помощью относительно простых инструментов и машин на небольших предприятиях или фабриках. И наконец, третья категория – это работники крупных компаний и отраслей, в которых разделение труда огромно, структурировано для производства в больших масштабах с использованием высоких технологий и больших капиталовложений. Для двух последних категорий коллективный труд абсолютно необходим в силу самого характера работы, поскольку все технологии, машины и инструменты должны быть коллективными. Таким образом:

*«Каждая мастерская, каждая фабрика организуются в ассоциацию рабочих, которые будут свободны управлять производством и организовывать свою работу так, как они считают нужным, при условии соблюдения прав каждого рабочего и соблюдения принципов равенства и справедливости. [...] там, где промышленность требует сложной техники и коллективного труда, собственность должна быть коллективной»*¹⁴.

В стране может быть две ситуации: крестьяне, работавшие на больших участках, которые должны быть коллективизированы так же, как крупные компании и заводы; и крестьяне, которые предпочли бы иметь свой собственный кусок земли и обрабатывать его самостоятельно. В этой смешанной экономике:

*«[...] главная цель революции достигнута: земля теперь является собственностью тех, кто ее обрабатывает, и крестьяне больше не работают на прибыль праздного эксплуататора, который живет своим потом. Эта великая победа одержана, остальное второстепенно. Крестьяне могут, если захотят, разделить землю на отдельные участки и дать каждой семье долю. Или же, и это было бы гораздо лучше, они могли бы установить общественную собственность и кооперативную обработку земли»*¹⁵.

Важно отметить, что мы не считаем государственную собственность коллективной. Для нас коллективная собственность – это самоуправление народа, а не управление государства, которое, централизуя собственность – как, например, в СССР, –

¹³ Петр Кропоткин, «Хлеб и Воля», Глава 1 «Наши богатства», III.

¹⁴ Джеймс Гильом, «Мысли о Социальной Организации», II.

¹⁵ Там же

становится лишь государственным работодателем, продолжающим эксплуатировать трудящихся. Но в случае с сохранением индивидуальной собственности крестьян, тех, кто сам обрабатывает землю, было бы правильнее понимать эту ситуацию не как собственность, а как владение. Таким образом, собственность всегда будет коллективной, а владение – индивидуальным. Владение потому, что ценность земли будет заключаться в ее использовании, а не в торговле. И отношения с ней будут определяться потребностями производителя, а не рынка. Такая ситуация меняет все, поэтому необходимо создать новую категорию.

Есть еще фундаментальный вопрос, который должен дополнить отказ от частной собственности на пути к равенству, – это отказ от права наследования, нужный для того, чтобы предотвратить любой вид накопления, которое имеет последствия для исходного пункта в начале жизненного пути. Итак, истинное равенство – это цель, поскольку:

*«[...] пока существует **наследование**, будет существовать **наследственное** экономическое неравенство — не естественное неравенство индивидуумов, а искусственное неравенство классов; а оно всегда будет непременно порождать наследственное неравенство в развитии и культуре умов и останется источником и освящением всякого политического и социального неравенства»¹⁶.*

В экономике либертарного социализма действуют работники и потребители. Рабочие создают общественный продукт, а потребители им пользуются. В этих двух функциях, опосредованных распределением, люди отвечают за экономическую и политическую жизнь, рабочие должны решать, что производить, а потребители – что потреблять. Местные структуры либертарного социализма, в которых организуются рабочие и потребители, – это собрания рабочих и потребителей.

Собрание или советы – это общественные органы, через которые люди выражают свои политические и экономические предпочтения, осуществляют самоуправление и федерализм. В них решаются и осуществляются повседневные политические и экономические дела.

Каждое рабочее место будет управляться советом работников, в котором все работники имеют одинаковые права, одинаковые обязанности и одинаково решают вопросы управления, поскольку нет иерархии. При необходимости могут быть созданы более мелкие советы для сотрудников, команд, небольших подразделений или даже более крупные советы для крупных подразделений, рабочих мест или отраслей. В этих советах рабочие и другие участники производственного процесса принимают все решения.

Потребители могут объединяться в советы потребителей, которые возникают внутри городских или сельских сообществ. Так, отдельные люди объединяются в семьи, те – в квартальные, затем районные комитеты и так далее. Эти советы будут отвечать за то, чтобы указывать производителям, что они хотели бы потреблять, поскольку мы считаем, что именно потребности должны определять производство, а не наоборот.

Совет рабочих организует производство, а совет потребителей – потребление. Очевидно, что это объяснение имеет целью быть поучительным в отношении ре-

¹⁶ Михаил Бакунин, «Социализм, Федерализм и Антитеологизм...», Часть II «Социализм».

альности и проблем, которые, вероятно, мобилизуют будущее самоуправляемое общество; но в этом новом контексте потребители также будут самими рабочими, и поэтому задача советов будет более простой, поскольку прибыль больше не будет являться основой производственных отношений.

При либертарном социализме рабочие советы сами по себе пока еще не устраняют разделение между ручным и интеллектуальным трудом, и это необходимо будет сделать как можно скорее. Аргумент, согласно которому и ручной, и интеллектуальный труд важны, а значит, должны одинаково признаваться и вознаграждаться, не соответствует действительности. Многие работы, в первую очередь связанные с ручным трудом, совершенно неприятны, тяжелы и отчуждающи, и несправедливо, что одни работники полностью заняты ими, а другие посвящают себя выполнению приятных, радующих, стимулирующих и интеллектуальных задач. Если это произойдет, то, безусловно, классовая система будет перестроена, уже не на основе частной собственности, а на основе класса интеллектуалов, которые будут командовать, и класса рабочих, которые будут выполнять эти команды.

Стремясь положить конец такому разделению, рабочие советы могли бы разработать сбалансированный набор задач для каждого работника, который был бы равнозначен для всех. Таким образом, каждый работник будет отвечать за выполнение одних приятных и стимулирующих задач, связанных с интеллектуальным трудом, и других, более тяжелых и отчуждающих, связанных с ручным трудом. Это не означает, что все будут делать все одновременно, но каждый будет выполнять набор задач, которые, если их сравнить, будут иметь одинаковое соотношение как интеллектуального, так и ручного труда. На практике такой процесс будет происходить, например, с работником школы, который часть времени будет выполнять обязанности учителя, а часть – уборщицы. Или тот, кто часть времени работает в сфере промышленных исследований, будет остальное время помогать в ручном труде на производстве¹⁷. Другой человек может все время работать на работе, которая включает в себя как ручную, так и интеллектуальную деятельность.

Очевидно, что схема упрощена, но идея заключается в том, что все работники каждого совета должны выполнять одинаковое соотношение ручного и интеллектуального труда в соответствии с балансом времени, отведенного на выполнение заданий, и уровня этих заданий (ручных и интеллектуальных). Важно, чтобы между советами также существовали равные соотношения ручного и интеллектуального труда, чтобы работник одного совета имел сбалансированный набор задач, аналогичных задачам другого. Если в конечном итоге в данном совете есть только ручные задачи, то работнику нужно работать в нескольких советах.

То есть как внутри, так и между советами нужно стремиться к равному соотношению ручного и интеллектуального труда в наборе, выполняемом каждым работником, у которого может быть одна, две или множество других задач. Очевидно, что это будет означать снижение производительности труда, но позже мы увидим, как другие элементы будущего общества смогут компенсировать это:

Все последствия всего списка задач это как все последствия для приготовления других работ

¹⁷ В том числе, на практике применяя свои знания, для облегчения трудового процесса.

the full implication of the entire set of tasks is like all the implications for the enabling of all other works.

«Цель не в том, чтобы устранить разделение труда, а в том, чтобы люди несли ответственность за разумную последовательность задач, для выполнения которых они в большинстве случаев были необходимыми образом обучены, и чтобы никто не пользовался постоянными преимуществами в виде эффекта от образования для своей работы. [...] У каждого есть набор задач, который составляет его работу, так что все последствия этого набора задач на одной работе в среднем подобны всем последствиям от этого на других работах. [...] У каждого работника есть работа. Каждая работа имеет множество задач. Задачи подстраиваются под рабочих, и наоборот»¹⁸.

Цель либертарно-социалистической оплаты труда – это реализация коммунистического принципа «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Однако мы понимаем, что для реализации этого принципа либертарный социализм уже должен функционировать в полную силу, иметь производство, которое может обеспечить изобилие. До того, как изобилие станет возможным, оплата может осуществляться в зависимости от объема труда или усилий – под этим понимается личное самопожертвование ради коллективного блага. Оплата по труду или усилиям означало бы, что каждый, кто имеет сбалансированный набор задач, получает одинаковое вознаграждение и может выбирать, как его потратить. Одни предпочтут приобрести какую-нибудь вещь, другие – инвестировать в досуг, свободное время, менее напряженную работу и т. д. Эта модель близка классическому коллективизму, за который выступали федералисты, действовавшие в Первом Интернационале в XIX веке.

Для нас, таким образом, речь идет о функционирующем коллективизме, использующем максимум «от каждого по способностям, каждому по труду», и, в тот момент, когда это становится возможным, также применение коммунистического принципа, дающего «каждому по потребностям». Фактически «поскольку проблема собственности решена, а капиталисты не облагают налогом труд масс, вопрос о видах распределения и оплаты отходит на второй план»¹⁹.

Рынок будет упразднен, а на его место поставлена самоуправляемая система планирования, при этом ценообразование будет осуществляться между советами рабочих и потребителей, а также их федерациями и ассоциациями, которые будут способствовать этому взаимодействию. Эта модель планирования отличается от авторитарной формы, когда государство планирует экономику в «социалистических» странах. Эта либертарная модель позволит работникам и потребителям самим принимать решения о распределении, полностью уничтожив проблему конкуренции.

Для того чтобы все это работало, мы считаем, что технологии играют основополагающую роль. В отличие от некоторых либертарных течений, которые считают, что технологии содержат в себе зародыш господства, мы полагаем, что без нее невозможно развитие либертарного социализма. С появлением технологий и их использованием на пользу труда, а не капитала, несомненно, произойдет рост произ-

¹⁸ Michael Albert. *PARERCON*. London: Verso, 2003, стр. 104–106. Обсуждение сложных сбалансированных задач см. в этой книге на стр. 103–111.

¹⁹ Джеймс Гильом, «Мысли о Социальной организации», II.

водительности труда и, следовательно, значительное сокращение рабочего времени людей, которые смогут использовать это время для других занятий. Эти технологии также можно рассматривать как «удивительные приложения науки к производству и даже сами машины, имеющие целью освободить работника, облегчая труд человека [...] [и создании прогресса], которым справедливо гордится цивилизованный человек»²⁰. Очевидно, мы понимаем, что существуют хорошие и плохие технологии, а значит, и общество:

«[...] нужно не отказываться от передовых технологий в широком масштабе, а изменять их, действительно требуя дальнейшего развития технологий [в согласии] с экологическими принципами, что будет способствовать новой гармонизации общества и мира природы»²¹.

Эта забота об использовании технологий, соответствующих окружающей среде, должна учитываться во всех сферах будущего общества, отвечая требованиям социальной экологии.

Защита экологического сознания не означает, что человек будет ограничен системой природных законов, поскольку человек является частью природы и как таковой не должен ей подчиняться. Разумеется, мы также не считаем, что отношения господства между человеком и природой должны продолжаться. Напротив, они должны как можно скорее прекратиться и уступить место эгалитарным отношениям между людьми и природой.

Экологическое сознание должно развиваться со времен борьбы, предшествующей революционному разрыву, и в самом будущем обществе, основанном на отношениях взаимопомощи, теоретизированных Кропоткиным. Это развитие могло бы иметь в качестве принципиальной основы предпосылку, что мы, люди, являемся неотъемлемой частью природы, «которая становится сознанием самой себя», как выразился Реклю.

Человек отличается от других природных элементов и других видов тем, что устанавливает социальные отношения со всем, что его окружает, потому что он обладает способностью мыслить о себе, строить теории о реальности и с помощью этих способностей он сумел радикально изменить окружающую его среду. В этом смысле, капиталистическая система по самой причине своего существования означает, что капиталисты эксплуатируют природные ресурсы так, что они не могут восстановиться естественным образом. В будущем обществе этого уже не будет. Развитие человека в условиях либертарного социализма должно подчеркнуть важность отношений взаимопомощи между видами и природой.

Стоит подчеркнуть, что наши экологические предложения радикально отличаются от «консервационизма» и «примитивизма». От первого – потому что это означает сохранение классового общества и полную товаризацию природы. От вторых – потому что мы считаем предложение «антицивилизации» полным абсурдом, стремлением к романтическому возвращению в далекое прошлое или, что еще хуже, своего

²⁰ Михаил Бакунин, «Социализм, Федерализм и Антитеологизм...», Часть I «Федерализм».

²¹ Murray Bookchin. «Um Manifesto Ecológico: o poder de destruir, o poder de criar». Из: *Letra Livre* 31, стр. 8.

рода самоубийством всего человечества и отрицанием всего нашего вклада в поддержание и благосостояние природы.

Мы считаем, что общество, полностью соблюдающее принципы социальной экологии, станет возможным только в тот момент, когда капитализм и государство уступят место либертарному социализму. Поэтому при помощи либертарного социализма мы надеемся вновь гармонизировать общество и окружающую среду, считая, что «если бы мы не были способны основать экологическое общество, то, помимо катастрофических последствий, к которым это привело бы, на карту была бы поставлена наша моральная состоятельность»²².

При использовании технологий на пользу рабочих и их развитию; при прекращении капиталистической эксплуатации и полном переходе плодов труда к рабочим; при полной занятости у рабочих появится больше времени, которое можно потратить тремя способами. Во-первых, на выполнение сбалансированного набора задач, которое немного «де-специализирует» труд, и которое, как уже было сказано, приведет к естественной потере производительности. Во-вторых, на политические решения, которые потребуют времени на обсуждения и дискуссии, которые должны быть проведены на самоуправляемом рабочем месте и в сообществе. Наконец, в оставшееся время – а мы считаем, что с этими изменениями свободного времени будет гораздо больше, чем сегодня, – каждый сможет выбирать, чем ему заниматься: отдыхом, досугом, образованием, культурой и т. д.

Решения, принимаемые в рамках самоуправления, не обязательно должны подчиняться определенной модели. Советы работников и потребителей могут выбрать наилучший вариант применения прямой демократии, при этом основополагающими являются горизонтальные дискуссии и обсуждения, с четким изложением идей и обсуждением поставленных вопросов. Очевидно, что консенсус не должен использоваться при принятии большинства решений, поскольку он очень неэффективен – особенно если речь идет о крупномасштабных решениях, – кроме того, он дает много власти изолированным агентам, которые могут заблокировать консенсус или оказать большое влияние на решение, в котором они составляют меньшинство²³. Вопросы могут решаться голосованием после соответствующих дебатов, при этом можно варьировать, кто победит – тот, у кого 50%+1 голос, или тот, у кого 2/3 голосов, и так далее. Мы должны помнить, что процесс принятия решений – это средство, а не самоцель, и поэтому мы также должны заботиться об скорости в этом процессе.

В процессе принятия решений самоуправление и федерализм подразумевают прямую демократию с участием каждого, коллективные решения, делегирование полномочий с императивным мандатом, ротацию и возможность отзыва, доступ к информации и равные полномочия в принятии решений. Советы работников и потребителей будут использовать самоуправление как форму управления и принятия решений как на рабочих местах, так и в сообществах. Федерализм свяжет как труд, так и сообщества, позволяя принимать широкомасштабные решения. «Федерация, от

²² Его же, *Sociobiologia ou Ecologia Social?*. Rio de Janeiro: Achiamé, s/d, стр. 71.

²³ Вопрос консенсуса будет также обсуждаться в главах ниже. Вкратце, позиция ФАРЖ по этому поводу состоит в том, чтобы не иметь жесткого правила «все решения принимать только через консенсус». А напротив, применять его в начале и постольку, поскольку через него можно что-то решить, а если не получается, то формулировать четкие предложения и голосовать.

латинского *foedus*, родительный падеж *foederis*, означает пакт, договор, соглашение, конвенцию, союз»²⁴, в котором те, кто организован, «в равной степени связаны друг с другом для достижения одной или нескольких конкретных целей, ответственность за которые ложится конкретно и исключительно на делегатов федерации»²⁵.

Взаимосвязи в рамках федерализма позволят принимать решения в широком масштабе, от самых мелких случаев самоуправления до самых громоздких. В рабочей среде федерализм объединит подразделения, маленькие отделы, большие отделы, рабочие места или даже целые отрасли. В сообществах федерализм будет связывать семьи, соседей, кварталы, районы, города, регионы или даже страны. Эти связи будут осуществляться делегатами, которые будут формулировать и обсуждать позиции, обсуждаемые в советах. Делегаты должны обладать императивными мандатами, то есть представлять коллективные позиции советов, а не свои собственные, как это происходит при представительной демократии. Кроме того, мандаты делегатов не будут фиксированными и могут быть отозваны в любой момент. Поскольку «федералистская система противоположна иерархии или административно-правительственному централизму»²⁶, мы считаем, что именно она будет отвечать структуре, которая заменит государство и через которую, вместе с самоуправляемыми советами, будет осуществляться политика при либертарном социализме. Советы, как добровольные ассоциации:

«[...] примут еще большее распространение, так как они заменяют собой государство со всеми его функциями. Они будут представлять переплетающуюся сеть бесконечного разнообразия групп и федераций всех размеров и степеней: местных областных, национальных и интернациональных – временных или более или менее постоянных – для всевозможных целей: производства, потребления, обмена, сообщений, санитарного дела, образования, взаимного покровительства, защиты территории и т. д.; с другой стороны, для удовлетворения постоянно возрастающих научных, артистических, литературных и социальных потребностей»²⁷.

Таким образом, государство и представительная демократия уйдут, а их место займут самоуправление и федерализм; политика займет место, которое находится в среде обычных людей, и больше не будет разделения на тех, кто занимается политикой, и тех, кто ею не занимается – ведь при либертарном социализме сами члены общества будут заниматься политикой на ежедневной основе.

Сознательность должна сопровождать темпы роста борьбы и по возможности стимулироваться образовательными процессами. Не считая, что для совершения революции все люди должны быть образованными, мы признаем, что в момент социальной революции чем выше уровень сознательности людей, тем лучше. Общество должно все больше и больше развивать свою культуру в либертарном направлении, и это должно происходить не только в момент социальной революции и после нее, но уже в момент борьбы, строительства и развития народной организации. Неоспо-

²⁴ Pierre-Joseph Proudhon. *Do Princípio Federativo*. São Paulo: Imaginário, 2001, стр. 90

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр. 91.

²⁷ Петр Кропоткин, статья «Анархизм», написанная для The Encyclopaedia Britannica. Переведена на русский язык Григорием Максимовым в нескольких изданиях журнала «Дело Труда». Также вышла одноименная брошюра.

римо, что идеологию, уже превращенную в культуру, которую капитализм внедрил в народное воображение, придется отменять по кусочкам, и это будет происходить в ходе длительного процесса народного образования. С такими позициями, как расовые и гендерные предрассудки, патриархат, индивидуализм и т. д., нужно будет бороться как можно активнее, как в процессе борьбы, так и в момент социальной революции или даже после нее. В рамках либертарного социализма мы понимаем, что самоуправление и федерализм должны на практике способствовать этому процессу. Кроме того, необходимо вкладывать значительные средства в образовательную и культурную деятельность для всего общества, стимулируя «Образование всех степеней для всех должно быть равное и, следовательно, полное»²⁸, предоставляя теоретические и практические знания детям и взрослым обоих полов.

Таким образом, мы верим, что с системой господства и эксплуатации государства и капитализма будет покончено – никто больше не будет накапливать власть благодаря общественной силе, полученной за счет эксплуатации других людей, – а новая система будет опираться на столпы социального, политического и экономического равенства и свободы. Равенства, которое будет достигнуто благодаря установлению коллективной собственности, самоуправляемых советов, сбалансированных наборов задач, равной оплаты труда, самоуправляемого планирования, коллективных решений и постоянной борьбы с предрассудками и дискриминацией. Свобода как по отношению к системе господства и эксплуатации, так и по отношению к тому, чего мы хотим достичь. Свобода, которая будет коллективной, считая каждого свободным в той мере, в какой свободны все остальные; «свободу, предоставляющую полную возможность развить все способности интеллектуальные [материальные] и моральные, скрытые в каждом человеке»²⁹. Либертарный социализм принесет роскошь, которой все пренебрегают: «роскошь человечества, счастье полного развития и свободы каждого при равенстве всех»³⁰.

²⁸ Михаил Бакунин, «Всестороннее Образование», III (Egalite, 14 августа, 1869 г.).

²⁹ Его же, «Парижская коммуна и понятие о государственности».

³⁰ Его же, «Moral Revolucionária». Из: *Conceito de Liberdade*. Porto: Rés Editorial, s/d, стр. 203. (У Бакунина нет сочинения под заглавием «Революционная Мораль», возможно здесь имеет место творческая переработка текстов Бакунина.

Часть 6 Организация и социальная сила

[...] десять, двадцать или тридцать человек, хорошо понимающих, хорошо организованных и знающих, куда они идут, легко перенесут сто, двести или даже больше.

Михаил Бакунин

Ранее мы рассмотрели организацию капитализма и государства, пытаюсь определить, «где мы находимся», и организацию либертарного социализма, пытаюсь определить, «куда мы хотим попасть». Чтобы завершить обсуждение организации, необходимо немного рассказать о социальных движениях и народной организации, а также о специфической анархистской организации; два различных уровня действий, которые будут стремиться ответить на вопрос: «Как мы можем оставить то, где мы есть, и прийти туда, где мы хотим быть», дополняя неотъемлемые элементы нашей постоянной стратегии. Как прекрасно резюмировал Малатеста, «[...] организация в целом как принцип и условие социальной жизни, сегодня и в будущем обществе; организация анархической партии и организация народных сил»¹.

Для нас социальные преобразования, которые мы хотим осуществить, обязательно проходят через создание народной организации, через постепенное увеличение ее общественной силы до того момента, когда станет возможным свергнуть капитализм и государство с помощью социальной революции и открыть путь к либертарному социализму. Кроме того, мы утверждаем, что народная организация должна сопровождаться параллельным развитием специфической анархистской организации, которая должна влиять на нее, придавая ей желаемый характер. В дальнейшем мы будем обсуждать каждый из этих вопросов и их взаимодействие между собой. На данный момент нам важно исходить из того, что без организации и прогрессивного роста социальной силы невозможно представить себе эту необходимую трансформацию.

Мы понимаем современное общество как результат соотношения сил или даже перманентного конфликта – принимающего форму классовой борьбы – между капитализмом, государством и другими различными политическими силами; при этом первые укрепляются, то есть получают большую общественную силу, чем вторые, и, таким образом, устанавливают власть. В этом смысле капитализм и государство осуществляют гнет над другими политическими силами, которые оказывают им сопротивление.

Это сопротивление может проявляться по-разному: одни представляют собой большие или меньшие политические силы, а другие не представляют собой политических сил. «Сопротивление может быть пассивным (когда агент не предпринимает никаких действий против власти, которая его подавляет) или активным (когда

¹ Errico Malatesta, «A Organização I». Из: *Escritos Revolucionários*. São Paulo, Imaginário, 2000 г., стр. 49. Для Малатесты анархистская партия – это то же самое, что специфическая анархистская организация.

власть терпит ответные меры со стороны покоренных); изолированным (носит индивидуальный характер) или объединенным (коллективная сила)»². Пассивное сопротивление не представляет собой политической силы, а изолированное сопротивление обладает небольшой социальной силой. Поэтому для достижения наших целей мы выступаем за активное и объединенное сопротивление, которое стремится в организации к постоянному увеличению социальной силы. Для создания такого сопротивления необходимо объединиться с теми, кто согласен с нашим предложением о социальных преобразованиях.

«Если мы хотим двигаться вперед, если мы хотим сделать что-то большее, чем то, что постоянно изолирует каждого из нас, мы должны знать, с кем из товарищей мы можем быть согласны, а с кем нет. Это особенно необходимо, когда мы говорим о действии, о движении, о методах, с которыми нужно работать множеством рук, чтобы иметь возможность получить какие-то результаты, идущие в нашем направлении»³.

То, что мы сегодня можем назвать «порядком» или статус-кво, – это организация капитализма и государства, которая может учитывать или не учитывать другие политические силы, представляющие угрозу. Быть неорганизованным, плохо организованным или изолированным означает не составлять адекватного сопротивления капитализму и государству и, следовательно, не иметь возможности значительно увеличить социальную силу организации, которая должна иметь целью заменить их либертарным социализмом. Можно сказать, что «тот, кто не организует себя, кто не ищет сотрудничества с другими и не предлагает своего на условиях взаимности и солидарности, неизбежно ставит себя в состояние неполноценности и остается бес-сознательной шестеренкой в социальном механизме, который другие задействуют на его пути и в его интересах»⁴. Дезорганизация, плохая организация и изоляция, по сути, поддерживают капитализм и государство – поскольку они не позволяют создать необходимую социальную силу. Не участвуя соответствующим образом в отношениях силы или перманентном конфликте общества, вы в конечном итоге воспроизводите «порядок». Таким образом, «если мы не будем стремиться к хорошо отлаженной организации и объединению, то в итоге не сможем оказывать никакого влияния на борьбу, а значит, и на современное общество»⁵. Таким образом:

«[...] те, кто не имеет средств или достаточно развитого сознания, чтобы свободно организоваться с теми, кто имеет общие интересы и чувства, страдают от организации, созданной другими индивидами, обычно объединяющимися в правящий класс или группу, чтобы эксплуатировать в своих интересах труд других. И вековое угнетение масс небольшим числом привилегированных людей всегда было следствием неспособности большинства индивидов договориться и организоваться с другими рабочими для производства, наслаждения и последующей защиты от тех, кто хочет их эксплуатировать и угнетать. [...] Оставаться в изоляции, действуя или желая действовать самостоятельно, без взаимопонимания с другими, без подготовки, без

² Fabio López López. *Poder e Domínio: uma visão anarquista*, стр. 75.

³ Luigi Fabbri. «A Organização Anarquista». Из: *Anarco-Comunismo Italiano*. São Paulo, Luta Libertária, s/d, стр. 109.

⁴ Errico Malatesta. «A Organização das Massas Operárias Contra o Governo e os Patrões». Из: *Escritos Revolucionários*, стр. 39.

⁵ FARJ. «A Propriedade é um Roubo». Из: *Protesta!* 4, стр. 7.

объединения слабых сил отдельных людей в мощный пучок – значит обрекать себя на безволие, растрачивать свою энергию на мелкие действия, не приносящие результата, быстро терять веру в цель и впадать в полное бездействие»⁶.

Дезорганизованность и плохая организация воспроизводятся на социальном уровне, – в общественных движениях, в которых нужно создавать и развивать народную организацию – из-за дезорганизованности и плохой организации с трудом получается аккумулировать социальную силу, из-за чего естественная спонтанность этого уровня не может осуществить набор желаемых социальных преобразований. На политическом уровне – анархизма, в котором следует развивать специфическую анархистскую организацию – дезорганизованность и плохая организация приводит к тому, что с трудом получается влиять на социальный уровень, чтобы иметь адекватные пути и средства. Изоляция и индивидуализм приводят к тому, что ни политический, ни социальный уровни не существуют желаемым образом, не образуя ни народную, ни анархистскую организации. Кроме того, дезорганизация, плохая организация и изоляция являются препятствующими факторами для создания либертарного социализма, поскольку мы считаем, что его можно построить только с помощью большой организованности.

Организация означает координацию сил, или «объединение с общей целью и с необходимыми путями и средствами для достижения этой цели»⁷. Таким образом, мы должны думать о путях и средствах для народной организации, чтобы она могла свергнуть капитализм и государство, и, посредством социальной революции, построить либертарный социализм – свою цель. В то же время мы должны придумать пути и средства для специфической анархистской организации, чтобы она могла создать народную организацию и влиять на нее, придавая ей желаемый характер и приходя к либертарному социализму посредством социальной революции – ее цели. Далее мы более подробно рассмотрим эти два уровня организации. Сначала мы обсудим социальный уровень, на котором действуют общественные движения и на котором мы должны стремиться создать народную организацию. Затем – политический уровень и развитие специфической анархистской организации.

Когда мы говорим о социальной, общественной силе, нам важно определить, что мы понимаем под этим термином. Мы считаем, что каждый человек, как социальный агент, которым он является, естественно, обладает социальной силой, которая представляет собой энергию, которую можно применить для достижения своих целей. Эта сила варьируется от человека к человеку и даже в одном и том же человеке в течение определенного периода времени. Для достижения своих целей люди часто используют инструменты, которые могут увеличить их социальную силу. Для увеличения социальной силы можно использовать многое, например: оружие, информацию, образования, адекватные методы, оптимизацию ресурсов, убеждение, машины и т. д. Однако наиболее важным инструментом для этого является организация, которая может происходить авторитарным образом, посредством доминирования, или либертарным образом, посредством свободной ассоциации.

⁶ Errico Malatesta. «La Organización». Выдержки из «*Pensiero e Volontà*», 16 Мая, 1925. Из: Vernon Richards. Op. Cit. стр. 83-85.

⁷ Ero же, «A Organização I». Из: Escritos Revolucionários, стр. 51.

В авторитарной организации социальная сила различных агентов (например, в государстве с армией или в компании с наемным трудом) отчуждается, ставя их в подчиненную позицию по отношению к организации (в этих случаях государству и работодателю) и заставляя их вносить вклад в достижение чужой цели, отличной от их собственной. Именно так сегодня формируется социальная сила нынешней системы, то есть путем отчуждения различных агентов, которые способствуют достижению целей капитализма, не совпадающих с их собственными. В либертарной организации именно свободная ассоциация, или антиавторитарная организация, производит увеличение социальной силы – она всегда связана с другими инструментами.

Организация, принимающая форму свободной ассоциации, необходима для нашего проекта социальных преобразований, потому что, когда люди работают вместе, их социальная сила – это не просто сумма индивидуальных сил, а нечто гораздо большее. Чтобы пояснить это, обратимся к примеру Прудона. «Двести гренадеров в течение нескольких часов установили луксорский обелиск; можно ли допустить, что человек в течение 200 часов также мог бы сделать это»?⁸ Конечно, нет, потому что имеет место существование «громадной силы, возникающей благодаря сотрудничеству рабочих, благодаря единовременности и гармонии их усилий».⁹ В приведенном выше примере организация рабочих дала им коллективную силу, позволившую добиться большего результата, чем простая сумма индивидуальных усилий. Таким образом, мы можем сделать вывод, что для реализации нашего проекта социальных преобразований объединение является основополагающим, поскольку именно и только через него мы сможем накопить социальную силу, необходимую для свержения капитализма и государства.

Однако для необходимого постоянного роста социальной силы, который должен происходить в этой антиавторитарной форме организации, как на уровне народной организации, так и на уровне анархистской организации, мы признаем ее основополагающей:

«[...] известная дисциплина, не автоматическая, но добровольная и продуманная, прекрасно согласуемая со свободой индивидов, необходима и всегда будет необходима, когда многие индивиды, свободно объединившись, предпримут какую-нибудь работу или какие-либо коллективные действия. При таких условиях такая дисциплина ни что иное, как добровольное и обдуманное согласование всех индивидуальных усилий, направленных к общей цели.

В момент действия, в разгар борьбы, роли, конечно, распределяются, сообразно способностям каждого, оценённым и выясненным целым коллективом; одни управляют и распоряжаются, другие исполняют распоряжения. Но никакая роль не окаменевает, не закрепляется и не остаётся неотъемлемой принадлежностью кого бы то ни было. Иерархический строй и повышения не существуют, так что вчерашний распорядитель, сегодня может сделаться подчинённым. Никто не возвышается над другими, или, если

⁸ Пьер Жозеф Прудон, «Что такое собственность?..», Глава III, часть 5 «Труд ведет к равенству собственности».

⁹ Там же.

возвышается, то лишь для того, чтобы, немного спустя, снова пасть подобно морской волне, вечно возвращающаяся к спасительному уровню равенства»¹⁰.

Очевидно, что эта дисциплина не должна «следовать авторитарной модели, то есть в угнетении членов [...] и путем предъявления обвинений, которые [...] должны также учитывать уважение и этику. [...] Для нас очень важно отличать самодисциплину, которую мы здесь пропагандируем, от военной дисциплины, эксплуататорской и деспотичной по своей сути, которая, с нашей точки зрения, не отличается от других хорошо известных нам авторитаризмов»¹¹. Чтобы отличить дисциплину, которую проповедают авторитаристы, от дисциплины, за которую выступаем мы, мы предпочитаем использовать термин самодисциплина, утверждая, что «самодисциплина – это двигатель самоуправляемой организации»¹²; для нас она, наряду с преданностью и ответственностью, является необходимым условием для построения антиавторитарной организации, которая стремится увеличить свою социальную силу. Этой самодисциплины, на наш взгляд, меньше в народной организации и больше в специфической анархистской организации, размер которой варьируется в зависимости от контекста. В периоды повышенной социальной турбулентности потребность в такой самодисциплине возрастает. В периоды спада потребность в ней может быть меньше.

Для нас, как мы уже подчеркивали, цель народной организации как формы активного и слаженного сопротивления состоит в том, чтобы, постепенно наращивая свою социальную силу, «свергнуть капитализм и государство и, посредством социальной революции, построить либертарный социализм». Этот рост социальной силы может быть достигнут с помощью различных средств, но в первую очередь – организации эксплуатируемых классов с максимально возможным количеством людей и хорошим уровнем организации – что обязательно подразумевает самодисциплину, самоотдачу и ответственность. Более того, как мы уже определили, цель специфической анархистской организации – «создать народную организацию и влиять на нее, придавая ей желаемый характер, и прийти к либертарному социализму путем социальной революции». Для этого специфическая организация должна сформироваться как организация активного анархистского меньшинства с высоким уровнем самодисциплины, самоотдачи и ответственности. Задуманная таким образом, «организация, отнюдь не создающая авторитет, является единственным средством против него и единственным средством, с помощью которого каждый из нас привыкает принимать активное и сознательное участие в коллективной работе»¹³.

¹⁰ Михаил Бакунин, «Кнуто-германская Империя и Социальная революция. Первый выпуск».

¹¹ FARJ. *Reflexões Sobre o Comprometimento, a Responsabilidade e a Autodisciplina*.

¹² Там же.

¹³ Errico Malatesta. «A Organização II». Из: *Escritos Revolucionários*, стр. 59.

Часть 7. Социальные Движения и Народная Организация

Именно сами люди, голодные, лишенные собственности, должны упразднить нищету.
Рикардо Флорес Магон

Организовать народные силы для осуществления [социальной] революции – единственная цель для тех, кто искренне желает свободы.
Михаил Бакунин

Поддержка народных организаций всех видов является логическим следствием наших фундаментальных идей и, следовательно, должна быть неотъемлемой частью нашей программы.
Эррико Малатеста

Мы уже несколько раз упоминали о народной организации и наших ожиданиях по отношению к ней. Мы уже определили, что ее цель – «свержение капитализма и государства и, посредством социальной революции, построение либертарного социализма», и под этим мы понимаем ее как истинного актора в процессе социальных преобразований. Мы также упоминали, что уровень, на котором развиваются социальные движения и на котором мы должны стремиться к наращиванию и увеличению социальной силы народной организации, мы называем социальным уровнем. На этом этапе мы хотим обсудить социальные движения, их желаемые характеристики и методы действия, а также то, как они могут способствовать построению развития народной организации.

При работе с этим социальным уровнем мы должны думать о возможностях народа, который должен стать главным проводником предлагаемых нами социальных изменений. Неоспоримо, что в эксплуатируемых классах существует скрытая социальная сила, но мы понимаем, что только через организацию эта сила может выйти из мысленной сферы возможностей и стать реальной социальной силой. В связи с этим возникает следующий вопрос:

«Верно, что в народе есть великая стихийная сила, сила, которая, без сомнения, превосходит силу правительства и силу правящих классов вместе взятых; но без организации эта стихийная сила не является настоящей силой. Именно на этом неоспоримом преимуществе организованной силы над стихийной силой народа основана сила государства. Таким образом, проблема заключается не в том, могут ли они [люди] восстать, а в том, способны ли они создать организацию, которая даст им средства для достижения победного конца – не случайной победы, а длительного и окончательного триумфа»¹.

¹ Mikhail Bakunin. "Needs of the Organisation." Из: *Concept of Freedom*, стр.136.

Начиная с организации и ее практического воплощения на местах, эта сила растет в геометрической прогрессии, предоставляя реальный шанс для борьбы с капитализмом и государством. Потому что «на нашей стороне справедливость и закон, но наши силы еще недостаточны для борьбы»². Как мы уже говорили, именно постоянный рост социальной силы организации эксплуатируемых классов сможет обеспечить желаемые социальные преобразования.

Для создания организации, которая даст нам средства для достижения желаемых целей – социальной революции и либертарного социализма – и закрепления победы, мы выступаем за модель создания и развития того, что мы называем народной организацией.

Во-первых, мы обосновываем организацию в соответствии с нашим предыдущим определением: это «координация сил или „объединение с общей целью и с необходимыми путями и средствами для достижения этой цели“». Мы также уже говорили, что организация умножает социальную силу народа и только благодаря ей мы можем предложить оппозицию, способную свергнуть капитализм и государство. Эта модель организации, которую мы утверждаем, является плодом свободной ассоциации представителей эксплуатируемых классов.

«Благодаря ассоциации они [рабочие] учатся, просвещают друг друга и собственными усилиями кладут конец тому фатальному невежеству, которое является одной из главных причин их рабства. Благодаря ассоциации они научаются помогать друг другу, узнавать друг друга, полагаться друг на друга, и в итоге они создадут силу, более грозную, чем весь буржуазный капитал и все политические силы вместе взятые»³.

Во-вторых, мы оправдываем эту организацию как народную, придавая ей характеристику боевой классовой борьбы. Другими словами, вся категория эксплуатируемых классов должна быть мобилизована в эту модель организации, как было определено выше. Вовлечение всех слоев, которые наиболее сильно страдают от последствий капитализма, является, таким образом, приоритетом. Когда организация имеет классовый характер, это стимулирует и усиливает классовую борьбу. Таким образом, народная организация строится снизу вверх, от «периферии к центру» и вне центров власти существующей системы.

Народная организация создается посредством воли народной борьбы. Таким образом, она не является плодом спонтанного движения, хотя мы знаем, что многие проявления классовой борьбы возникают спонтанно. Она необходима также потому, что мы не считаем – в отличие от тех, что утверждали многие социалисты в XIX веке, – что капиталистическое общество движется к своему концу или что социализм является результатом естественной эволюции капитализма. Нам кажется совершенно очевидным, что мы должны думать об организационной модели как об инструменте борьбы, поскольку иначе капитализм и государство не перестанут существовать.

Мы понимаем народную организацию как результат процесса слияния разнообразных общественных организаций и различных низовых движений, которые являются плодом классовой борьбы. По этой причине мы считаем, что должны под-

² Михаил Бакунин, «IV. Двойная забастовка в Женеве». Эту статью можно найти в пятом томе *Œuvres* (Собрания сочинений) в главе «Articles écrits pour le journal *l'Égalité*» (Статьи, написанные для газеты «Равенство») под редакцией Джеймса Гильома.

³ Там же.

держивать все виды организаций и движений такого типа, понимая эту поддержку как следствие наших самых фундаментальных идей. В прошлом эти организации и движения назывались «массовыми», но авторитарная сторона социализма в итоге придала термину «массы» оттенок «массы пешек», движения без последствий, которое должно направляться и вестись авангардом, организованным в вертикализированную партию. То есть авторитаристы рассматривали массовые движения с иерархической точки зрения, стремясь к господству над ними.

Мы считаем, что социальное и народное участие в процессе социальных преобразований является необходимым. Массовые движения могут называться общественными организациями, народными движениями, но также и социальными движениями – этот термин мы будем использовать в дальнейшем.

Социальное движение – это объединение людей и/или организаций, имеющих общие интересы в защите или продвижении определенных целей перед обществом. Эти движения могут находиться в самых разных уголках общества и иметь самые разные знамена борьбы, которые демонстрируют потребности тех, кто находится рядом с движением, общее дело. Как мы видели, современное общество обеспечивает большей части населения страдания и лишения, и это часто служит фактором объединения, который дает боевое наполнение организациям, защищающим интересы людей.

«Через организации, созданные для защиты своих интересов, рабочие осознают угнетение, в котором они находятся, и из антагонизма, разделяющего их с боссами [или с правящим классом], начинают стремиться к лучшей жизни, привыкая к коллективной борьбе и солидарности и будучи в состоянии завоевать те улучшения, которые совместимы с сохранением государства и капиталистического режима»⁴.

Социальные движения – это плод треножника, состоящего из трех элементов: необходимости, воли и организации. Этот треножник мотивирует создание различных социальных движений по всему миру, и в Бразилии дело обстоит точно также. Здесь есть движения безземельных, бездомных, безработных и общин, движения за доступный и качественный транспорт. Есть движения сборщиков вторсырья, коренного населения, студентов, правозащитников, рабочих, феминисток, чернокожих, геев, народных советов, художественные, культурные, экологические и другие. Эти движения объединяет то, что они возникли в результате господства и эксплуатации общества, в котором мы живем; многие из них являются плодом классовой борьбы.

Однако социальных движений, ставящих своей целью создание народной организации или даже борьбу с капитализмом и государством, не так уж много. Многие из них пропитаны качествами и ценностями капиталистического общества и, более того, часто пропагандируют эти качества и ценности. Большинство этих движений, которые мы можем назвать реформистскими, считают, что решение их вопросов существует в рамках капитализма. То есть для значительной части этих движений целью является достижение краткосрочных выгод внутри капитализма, и не более того. Кроме того, в большинстве случаев социальные движения не имеют должной взаимосвязи между собой, и каждое из них ведет свою собственную борьбу, без

⁴ Errico Malatesta. «Los Anarquistas y los Movimientos Obreros». Отрывки из *Il Risveglio* 1895 out. 1927. Из: Vernon Richards. Op. Cit. стр. 111.

связи между собой. Таким образом, они даже не указывают на начало строительства народной организации. Это говорит о том, что, несмотря на существование ряда социальных движений, их характеристики и способы действия в значительной степени не соответствуют тому, что мы считаем подходящим. Выбираемые средства не приводят к тем целям, которые мы отстаиваем.

Социальные движения, которые мы защищаем и которые, по нашему мнению, вносят вклад в наш политический проект, имеют определенные качества и способы деятельности.

Они наиболее сильны по возможности, когда имеют хорошую организацию и когда могут сосредотачивать в себе наибольшее количество заинтересованных в их борьбе людей. Так, движение безземельных должно охватывать всех тех, кто готов бороться за землю, движение бездомных – всех тех, кто готов бороться за жилье, и так далее. Таким образом, мы считаем, что социальные движения не должны вписываться и замыкаться в рамках какой-либо идеологии, какой бы она ни была. Мы не верим ни в анархистские, ни в марксистские, ни в социал-демократические, ни в какие-либо другие социальные движения. Поэтому люди из самых разных идеологий должны «вписаться» в те общественные движения, которые мы готовы создавать или развивать. Для нас анархистское общественное движение или движение любой другой идеологии будет иметь тенденцию к расколу класса эксплуатируемых или даже тех, кто заинтересован в борьбе за конкретное дело. То есть сила, которая должна двигать создание и развитие социальных движений, – это необходимость, а не идеология. Поэтому «никакая философская или политическая теория не должна входить как существенная основа и как официальное условие в программу [...]. Но это не означает, что все политические и философские вопросы [...] не могут и не должны свободно обсуждаться»⁵.

Хотя мы считаем, что социальные движения не должны вписываться в рамки анархизма, мы считаем, что анархизм должен, насколько это возможно, распространяться в рамках социальных движений. В дальнейшем мы обсудим, как это должно быть сделано и с какой целью. Пока же достаточно сказать, что социальные движения, за которые мы выступаем, не являются и не должны быть анархистскими, но, скорее, являются плодородной почвой для анархизма.

Точно так же мы относимся к вопросу о религии. Хотя на политическом уровне мы занимаем антиклерикальную позицию, мы считаем, что на социальном уровне не стоит настаивать на этом вопросе, мешая бороться представителям эксплуатируемых классов, которые имеют религиозные убеждения. Многие представители эксплуатируемых классов придерживаются религиозных убеждений, и с этим вопросом можно работать в рамках движений, не мешая этим людям бороться. В социальных движениях есть много прогрессивных религиозных групп, которые входят в широкий лагерь левых и с которыми можно работать. Социальные движения «необходимо должны были искать общего основания, ряд простых принципов, на которых могли бы сойтись все рабочие, какие бы ни были их религиозные и политические

⁵ Mikhail Bakunin. «Unity and Programme of the Revolutionary Forces ...». Из: *Conceito de Liberdade*, стр. 163.

зablуждения, если они действительно настоящие работники, т. е. люди безжалостно эксплуатируемые и сильно страдающие»⁶.

Другой важной характеристикой социальных движений является автономия, которая проявляется прежде всего по отношению к государству, политическим партиям, бюрократическим союзам, церкви и т. д. Социальные движения должны принимать решения и действовать самостоятельно, занимаясь своими делами независимо от организаций, которые осуществляют или стремятся осуществлять над ними господство. Поэтому те, кто хочет руководить, приказывать или заставлять не должны иметь на них влияния, чтобы социальные движения служили своим собственным целям, поскольку они, те кто хотят руководить, не борются за коллективное благо движений, а пользуются максимой, что служение себе – лучший способ служить другим.

Социальные движения не должны быть связаны с политиками или с каким-либо сектором государства, потому что мы знаем, что, когда они приходят, желая помочь, в подавляющем большинстве случаев они ищут «базу» для своих партийно-политических интересов или стремятся успокоить движения, устанавливая диалог с институтами государства. Хорошо зная авторитарную концепцию партий, мы знаем, что их интерес, будь то реформистские или революционные партии, всегда заключается в том, чтобы использовать социальные движения в своих интересах. Во-первых, они участвуют в выборах и рассматривают социальные движения как источник голосов. Во-вторых, они ищут «массовое движение», которое послужит базой для авангарда, которым они хотят стать. В этом случае политические партии хотят возглавить и направить социальные движения, считая себя выше их и полагая [себя] просвещенными, которые принесут сознание эксплуатируемым классам. Часто их членами являются интеллектуалы, которые хотят знать лучше, чем сами люди, что для них лучше. Другие организации, стремящиеся к контролю, такие как церкви и бюрократические профсоюзы, также не помогают социальным движениям.

«Все эти люди должны быть удалены из общественных движений, потому что они защищают не интересы общественных движений, а свои собственные интересы. Социальному движению не нужны начальники, лидеры или люди, которые хотят его использовать. Социальному движению нужны люди, которые хотят его поддерживать и бороться вместе с ним, но не бороться за него, на его месте. Это место, которое оправдывается необходимостью выживания и достоинством, которым обладают дела, способствующие истинной солидарности»⁷.

Социальным движениям нужны люди, которые хотят поддержать их, независимо от их классового происхождения, потому что считают их борьбу справедливой. Нет никакой проблемы в том, что люди, поддерживающие социальные движения, не находятся в тех же условиях, что и другие участники. Так, мы считаем справедливым, что

⁶ Михаил Бакунин, «Политика Интернационала», I. Несмотря на то, что Бакунин был яростным критиком клерикализма, он утверждал, что даже религиозные работники должны присоединиться к рабочему движению. Мы, как и он, считаем, что религия не должна разделять социальные движения. О критике Бакуниным Бога и религии см.: Михаил Бакунин, «Бог и государство» и «Федерализм, социализм и антитеологизм».

⁷ Universidade Popular. Capitalismo, Anticapitalism e Organização Popular. Rio de Janeiro: UP / MTD (печатается).

работающие люди поддерживают борьбу безработных, что люди, имеющие жилье, поддерживают борьбу бездомных и так далее. Даже люди, принадлежащие к среднему классу, могут и даже должны, если они этичные люди, приблизиться к наиболее эксплуатируемым слоям народа и предложить им свою поддержку. Эта солидарность всегда должна быть хорошо принята, поскольку она важна для социальных движений. Этический долг, по выражению Кропоткина, – побуждать представителей среднего класса бороться вместе с народом. Он сказал:

«И, наконец, все вы, обладающие знанием и талантом, если в вас есть искра мужества, идите, вместе с вашими друзьями, отдайте свои знания и талант на помощь тем, кто в них всего более нуждается. И знайте, – если вы явитесь в рабочую среду, не господином, а товарищем в борьбе, не заправителем, а с желанием самому вдохновиться новой средой, не столько с целью учить, сколько с целью самому понять стремления народа, угадать и выяснить их, а затем работать неустанно [...] над их проведением в жизнь, – знайте, что тогда, но только тогда, вы заживете полною, разумною жизнью»⁸.

Кандидатура поддержки социальных движений должна зависеть от отношения к ним тех, кто намерен действовать в этой ситуации. Как сторонники, так и организационно состоятельные активисты должны продемонстрировать, что они готовы больше слушать, чем говорить. Они должны осознать ситуацию и обстоятельства тех, кто формирует социальные движения и борется плечом к плечу, расти вместе с ними, а не определять авторитарным и вертикальным образом их пути и формы. В этом случае сторонник или активист увидит, что самым важным будет выявить контраст между идеологией и реальностью группы, а не пытаться свести общественное движение к своим идеологическим убеждениям.

Кроме того, когда мы говорим об автономии, мы должны помнить, что автономия для нас не означает отсутствие идеологической борьбы или даже отсутствие организации. Когда вы поощряете «не-идеологию», частую спонтанность; когда вы отказываетесь от проекта и революционной программы – часто называя это автономией – вы открываете пространство и для правящего класса, бюрократов и авторитаристов, которые займут это пространство.

Еще одна важная черта социальных движений – их боевитость. Утверждая, что они должны быть боевыми, мы хотим сказать, что социальные движения должны устанавливать свои завоевания, навязывая свою социальную силу, и не зависеть от благосклонности или добрых дел со стороны каких-либо слоев общества, включая государство. Боевитость также характеризуется позицией защиты классовой борьбы вне государства. Поскольку мы понимаем государство как мощную опору капитализма, мы не считаем, что социальные движения могут проводить свою политику внутри него, не признавая и не оправдывая тем самым капитализм. Подходы государств к социальным движениям – это всегда способ кооптировать их, заключить некий «общественный договор», направленный на успокоение духа классовой борьбы с целью оправдания существующей системы. Независимо от того, являются ли социальные движения более или менее агрессивными, факт заключается в том, что они всегда должны оставаться воинственными, противостоящими капитализму и самому государству.

⁸ Петр Кропоткин, «Речи Бунтовщика», глава 6 «К молодым людям», III (в самом конце).

Мы также поддерживаем прямое действие как форму политического действия в противовес представительной демократии. Социальные движения не должны полагаться на политиков, которые действуют в рамках государства, чтобы представлять их интересы. Мы знаем, что механизм представительной системы меняет всех, кто в нее входит, не позволяя – даже с благими намерениями – избранным политикам действовать от имени эксплуатируемых классов. Даже «левые» политики путают средства с целями и скорее запутывают, чем помогают социальным движениям. Избирательная политика, таким образом, не является самым верным средством для народного освобождения. Прямое действие происходит тогда, когда само социальное движение:

«[...] в постоянной реакции против существующей среды не ожидает ничего от людей, от власти или от внешних сил, но [...] создает свои собственные условия борьбы и черпает из себя свои средства действия. [...] Поэтому прямое действие – это ясная и чистая конкретизация духа восстания: оно материализует классовую борьбу, которую заставляет перейти из области теории и абстракции в область практики и реализации. В результате прямое действие – это классовая борьба, живущая в повседневности, это постоянное наступление на капитализм»⁹.

Таким образом, социальные движения не поручают свои действия политикам, а осуществляют их по собственному желанию, претворяя в жизнь девиз Первого Интернационала: «Освобождение рабочих – дело самих рабочих». Борьба за эту эмансипацию должна вестись стратегически, делая прямые действия более или менее насильственными в соответствии с требованиями обстоятельств. Когда необходимо насилие, оно всегда должно пониматься как ответ, как самозащита по отношению к системе господства и эксплуатации, в которой мы живем.

Прямое действие – это способ социальных движений заниматься политикой:

«[...] мы утверждаем, что политика, в том смысле, в котором мы ее отстаиваем, имеет не партийное значение, а является управлением тем, что является общественным, для всех. Политика, которую делают люди, правильно организованные, эффективно решающие все, что их касается. Политика, за которую мы выступаем, – это политика, которая сегодня является борьбой трудящихся, организованной снизу вверх, против эксплуатации и угнетения, жертвами которых мы являемся. Именно в общественной протестной инициативности мы видим перспективу значительных политических изменений в обществе»¹⁰.

В этом случае социальные движения не борются за власть в государстве или в его институциональных структурах власти. Они всегда организуются вне государства, выступая за возвращение политической власти народу. Таким образом, мы считаем, что проблема не в том, кто управляет государством, а в самом государстве.

И только в таком ключе мы понимаем концепцию народной власти, отстаиваемую другими группами и организациями. Если под народной властью понимается растущая социальная сила организаций эксплуатируемых классов, включенных в постоянный конфликт с капитализмом и государством, то мы согласны. Однако есть и те, кто защищает народную власть как поддержку авангарда, оторванного от

⁹ Emile Pouget. *L'Action Directe*.

¹⁰ FARJ. «A Política não é para os Políticos». Из: *Libera* 136. Rio de Janeiro, 2006.

низов, как иерархии, авторитарных партий, претензий на государство и бюрократии разного рода. Когда под народной властью понимается вторая модель, тогда мы полностью расходимся во мнениях.

Помимо прямого действия как способа ведения политики, социальные движения – в том смысле, в котором мы их понимаем, – должны, в случае если они предлагают себя в качестве агентов значительных социальных преобразований, использовать прямую демократию как метод принятия решений. Прямая демократия имеет место в социальных движениях, когда все, кто в них вовлечен, эффективно участвуют в процессе принятия решений. При использовании этого метода решения принимаются эгалитарным способом (все имеют одинаковый голос и одинаковое право голоса) на горизонтальных собраниях, где обсуждаются и дискутируются вопросы. Нет людей или групп, которые обсуждают и обдумывают вопросы за пределами собраний; нет иерархии или начальников, которые приказывают, а другие подчиняются.

Прямую демократию, осуществляемую таким образом, можно сравнить с функционированием либертарного социализма, о котором говорилось выше. Иными словами, социальные движения координируются внутри себя на принципах самоуправления и объединяются, в случае необходимости, на основе федерализма. Важно отметить, что, действуя таким образом, мы включаем в наши средства борьбы позиции, занимаемые для достижения поставленных целей, подтверждая максимум о том, что «цель – в средствах». Даже лидеры и взятые на себя функции должны быть временными, сменяемыми и отзываемыми.

В этой модели социального движения необходимо этическое и ответственное поведение его участников. Этика, определяющая правильное поведение участников, основывается на принципах, которые противостоят капитализму и государству и поддерживают сотрудничество, солидарность и взаимопомощь. Она также определяет поведение участников, которые действуют, не причиняя вреда другим, поощряя поддержку, не допуская позиции, направленной на разделение или несправедливую вражду. Ответственность – принцип, противостоящий ценностям капитализма, – призывает участников социальных движений проявлять инициативу, брать на себя ответственность и выполнять ее – это позволит избежать того, что немногие будут перегружены множеством задач, – то есть иметь отношение, соответствующее инициативному духу, и вносить больший вклад в социальные движения.

Солидарность и взаимопомощь также являются принципами, которые должны поощряться в социальных движениях. В противовес индивидуализму капитализма следует поощрять единство эксплуатируемых классов в борьбе с капитализмом и государством. Выходя из изоляции и стремясь объединиться с другими людьми, которые хотят построить более справедливый и эгалитарный мир, люди создают классовую солидарность. Это происходит через объединение одного человека с другим для создания социального движения или даже объединения одного социального движения с другим в целях создания народной организации и преодоления капитализма и государства. В этом случае границы государства не должны признаваться, так как социальные движения должны проявлять солидарность по классовым, а не национальным интересам. Когда они руководствуются интересами класса, социальные движения международны.

Кроме того, социальные движения представляют собой предпочтительное пространство для развития культуры и народного образования. Именно культура, как образ бытия и жизни эксплуатируемых классов, станет основой народного образования. Все, кто вовлечен в движение, развивают свое обучение и новые формы, проявления, языки и опыт воплощают в себе дух борьбы. Поскольку полного знания не существует, именно процесс обмена между участниками позволяет получить это образование, в котором нет учителя и ученика; все являются учителями и учениками. Все учатся и все учат. Таким образом, происходит построение образования, которое уважает культуру людей и расширяет возможности участников через диалоги, дебаты, обмен опытом. В этом процессе можно сравнить ценности капитализма, которые ежедневно передаются средствами массовой информации, школами и другими средствами воспроизводства.

Более того, та самая «революционная гимнастика», которая дает опыт борьбы, в то же время, как она приносит краткосрочные достижения, будет ответственна за помощь в этом образовательном процессе, способствуя практическому опыту поиска свободы через саму свободу.

Краткосрочные выгоды, так называемые реформы, когда они будут завоеваны социальными движениями, послужат способом уменьшить страдания тех, кто борется, и в то же время преподадут уроки организации и борьбы. Поэтому мы понимаем, что «мы добьемся или вырвем силой все возможные реформы – так, как освобождают захваченные врагом земли, чтобы потом перейти в наступление»¹¹. И мы верим, что, борясь за реформы, социальные движения не становятся реформистскими – то есть такими, которые понимают реформы как цель. Даже борясь за реформы, они могут сохранять революционную практику и быть против реформизма, поскольку «если мы против реформизма, то не потому, что частичные улучшения нас не интересуют, а потому, что мы считаем, что реформизм является препятствием не только для революции, но даже для реформ»¹².

Это утверждение оставляет место для еще одной ключевой черты, которую мы считаем основополагающей в социальных движениях: революционная долгосрочная перспектива. В данном случае речь идет о том, что социальные движения, помимо своих конкретных задач (земля, жилье, работа и т. д.), могут иметь в качестве целей революцию и построение нового общества. Мы понимаем, что борьба в краткосрочной и среднесрочной перспективе дополняет эту долгосрочную перспективу, а не исключает ее. При долгосрочной перспективе движения обладают большей способностью к завоеваниям, так как чем более отдаленные цели, тем больше завоеваний – первые завоевания не являются концом борьбы. Многие общественные движения, не имеющие долгосрочной перспективы, при удовлетворении своих требований (земля для безземельных, дома для бездомных, работа для безработных и т. д.) думают, что на этом все и закончится. Для нас это только первый шаг, и даже если он будет сделан, он должен стимулировать другие виды борьбы и приводить к концентрации вокруг других проблем, которые затрагивают наше общество. Именно эта перспектива также обеспечивает критический взгляд на социальные движения

¹¹ Эррико Малатеста, название на русский была переведена как «Реформа», (цитата в самом конце).

¹² *Ergo же, «Quanto Pior Estiver, Melhor Será»* Из: *Anarquistas, Socialistas e Comunistas*, стр. 67.

по отношению к капитализму и государству, делая их бдительными к попыткам классового примирения и кооптации. Эта перспектива также поощряет солидарность и взаимопомощь, поскольку эксплуатируемые классы больше не видят себя разрозненными, а являются частью единого целого, борющегося за новое общество. Таким образом, социальные движения отстаивают долгосрочную революционную перспективу:

«[...] в том смысле, что ставит своей целью заменить общество, основанное на несправедливости, на эксплуатации огромного большинства людей угнетающим меньшинством, на привилегиях, на праздности и на власти, которая защищает все эти приятные вещи, обществом, основанным на равной справедливости для всех и на свободе каждого. Одним словом, ему нужна такая экономическая, политическая и социальная организация, в которой каждый человек, без ущерба для его природных и индивидуальных особенностей, получает равные возможности развиваться, учиться, думать, работать, действовать и наслаждаться жизнью как человек»¹³.

Еще один важный момент, который необходимо упомянуть, – это тот факт, что социальные движения часто были результатом спонтанных действий и выступлений эксплуатируемых классов. Этот факт естественен для нас, и мы понимаем, что нам всегда придется с ним жить. В экстремальных ситуациях разные слои населения будут бунтовать или мобилизоваться по разным причинам: чтобы осудить несправедливость, ответить на атаку системы, добиться продовольствия, жилья и т. д. Если с одной стороны мы выступаем за организацию, то с другой – считаем, что всегда должны поддерживать эти моменты спонтанной народной мобилизации. Организационные цели должны преследоваться в разгар борьбы. Поэтому мы не должны ставить под сомнение спонтанность, когда она имеет место, а, напротив, вовлекаясь в борьбу, пытаться стимулировать силы, чтобы достичь необходимой степени организации. Взаимодействие этой динамики социальных движений, которая, естественно, содержит высокую степень спонтанности, с изменяющимися социальными условиями (репрессии, законодательство, изменения в действующих политических силах и т. д.), естественно, приведет к тому, что социальные движения будут иметь подъемы и спады. Бывают периоды, когда обстоятельства создают реальность для более радикальной и постоянной борьбы. В других случаях они будут создавать условия уныния, страха, трудные для объединения и т. д. То есть, естественно, что существуют контексты подъемов и спадов.

«В некоторые эпохи, которые обыкновенно являются предвестниками великих исторических событий, великих побед человечества, кажется, что всё идёт ускоренным шагом, всё дышит силой: умы, сердца, воля, всё идёт в унисон, всё как будто идёт к завоеванию новых горизонтов. Тогда появляется во всём обществе как бы электрический ток, который объединяет наиболее отдалённые друг от друга личности в одном общем чувстве, наиболее разнохарактерные умы в одной общей мысли и который сообщает всем одну и ту же волю. [...] Но есть другие эпохи, мрачные, унылые, роковые, в которые всё дышит упадком и смертью, и которые представляют настоящее затмение обще-

¹³ Михаил Бакунин, IV. «Двойная забастовка в Женеве».

ственного и индивидуального сознания. Это отливы, которые постоянно следуют за великими историческими катастрофами»¹⁴.

Мы считаем своим долгом правильно оценить обстановку и действовать соответствующим образом. Во времена, когда контекст указывает на поток, мы должны атаковать, действуя с полной силой и предоставляя всю необходимую организацию. В периоды, когда ситуация указывает на спад, мы должны уметь жить с проблемами, «поддерживая пламя», и ждать подходящего момента, чтобы вновь мобилизоваться.

И наконец, мы считаем, что должны преодолеть изоляцию отдельных людей, создавая и поощряя развитие социальных движений с указанными здесь качествами. Это первый шаг в нашей постоянной стратегии. После этого, на втором этапе, мы считаем необходимым объединение различных социальных движений для создания того, что мы называем в тексте народной организацией – это слияние социальных движений в постоянной борьбе против капитализма и государства.

Стремясь к постоянному увеличению радикализации и социальной силы народной организации, мы понимаем, что это может привести к социальной революции и, таким образом, к либертарному социализму. В этом процессе социальных преобразований мы считаем, что незаменимая роль принадлежит эксплуатируемым классам, «этой массе, [...] без мощной помощи которой победа революции никогда не будет возможна»¹⁵.

¹⁴ Михаил Бакунин, «Письма к Французу. Полное воспроизведение рукописи Бакунина».

¹⁵ Его же. «Educação Militante». In: *Conceito de Liberdade* стр. 147.

Часть 8. Специфическая Анархистская Организация (САО): Анархистская Организация

Если [у революционера] нет руководящей идеи для своих действий, он будет не более чем корабль без компаса.

Рикардо Флорес Магон

Анархистская организация должна давать полную автономию и при этом требовать полную ответственность отдельных членов и групп; свободное соглашение между теми, кто считает полезным объединение сил для достижения общих целей; моральный долг выполнять свои обязательства и не предпринимать действий, противоречащих принятой программе¹.

Эррико Малатеста

В этом тексте мы мельком обсуждали специфическую анархистскую организацию и наши ожидания по отношению к ней. Как мы уже определили ранее, ее цель – «создать народную организацию и влиять на нее, придавая ей желаемый характер, и достичь либертарного социализма путем социальной революции». Далее мы понимаем это как политический уровень деятельности.

Специфическая анархистская организация – это объединение анархистов, которые по своей воле и свободному согласию работают вместе, преследуя четко определенные цели. Для этого она использует формы и средства, чтобы эти цели были достигнуты или, по крайней мере, чтобы она двигалась к достижению их. Таким образом, мы можем рассматривать анархистскую организацию как «[...] совокупность индивидов, имеющих общую цель и стремящихся ее достичь; естественно, что они понимают друг друга, объединяют свои силы, разделяют работу и принимают все меры, подходящие для этой задачи»². Через анархистскую организацию анархисты согласуют деятельность между собой на политическом и идеологическом уровне, чтобы реализовать революционную политику и разработать средства – способ работы, – которые должны указать на конечные цели: социальную революцию и либертарный социализм. Эта политическая практика, направленная на достижение конечных целей, должна осуществляться, чтобы:

«[...] создать свою анархическую организацию, которая могла бы отвечать задачам анархизма не только в работе по подготовке Социальной Революции, но и в первые ее дни. Такая организация должна объединить все революционные силы анархизма и без

¹ Эррико Малатеста, «Анархизм и организация», 1897.

² Errico Malatesta. «Organisation II» Из: *Escritos Revolucionários*, стр. 55.

колебаний заняться подготовкой масс к социальной революции и борьбе за анархическое общество»³.

Эта организация основана на братских договоренностях, как для внутреннего функционирования, так и для внешнего действия – без отношений господства, эксплуатации или отчуждения в своей среде – что и образует либертарную организацию. Функция специфической анархистской организации – координировать, объединять и постоянно увеличивать социальную силу анархистской боевой деятельности, обеспечивая инструмент для твердой и последовательной борьбы, которая является фундаментальным средством для достижения конечных целей. Поэтому:

«[...] необходимо объединиться и организовать: сначала обсудить, затем собрать средства для революции и, наконец, сформировать органичное целое, которое, вооруженное средствами и укрепленное своим союзом, сможет, когда прозвучит исторический момент, смести все отклонения и все тирании мира [...]. Организация – это средство выделиться, детализировать программу идей и установленных методов, вид объединяющего знамени, чтобы вступить в бой, зная тех, с кем можно считаться, и осозная силу, находящуюся в распоряжении»⁴.

Для создания этого инструмента твердой и последовательной борьбы необходимо, чтобы анархистская организация имела четко определенные стратегическо-тактические и политические линии – которые возникают благодаря теоретическому и идеологическому единству, а также единству стратегии и тактики. Такая организация с четко определенными линиями объединяет анархистов на политическом и идеологическом уровне и развивает их политическую практику на социальном уровне – что характеризует организацию активного меньшинства, поскольку социальный уровень всегда намного больше политического. Эта политическая практика формируется, когда анархистская организация активного меньшинства выполняет социальную работу в разгар классовой борьбы, стремясь к социальному внедрению, которое достигается тогда, когда анархистской организации удастся повлиять на социальные движения, с которыми она сотрудничает. Правильно организованные как активное меньшинство, анархисты представляют собой гораздо большую социальную силу в осуществлении социальной работы и имеют больше шансов на социальное внедрение. Помимо социальной работы и внедрения, специфическая анархистская организация занимается и другими видами деятельности: производством и воспроизводством теории, анархистской пропагандой, политическим образованием, разработкой и реализацией стратегии, политическими и социальными отношениями, управлением ресурсами. Таким образом, можно сказать, что специфическая анархистская организация занимается следующими видами деятельности:

Социальная работа и социальное внедрение

Производство и воспроизводство Теории

Анархистская пропаганда

Политическое образование

Разработка и реализация стратегии

Социально-политические отношения

³ Нестор Махно, «Наша организация», «Дело труда», №6, ноябрь 1925 г.

⁴ Luigi Fabbri. «A Organização Anarquista». Из: *Anarco-Comunismo Italiano*, стр. 107, 110-111.

Управление ресурсами.

Эта деятельность может осуществляться более или менее публично, всегда принимая во внимание социальный контекст, в котором она [организация] работает. Мы говорим «более или менее публично», потому что считаем, что «что нужно совершить публично – то надо делать открытым для всех, а что по решению должно остаться в секрете – должно делаться вне поля зрения общественности»⁵. Во времена меньших репрессий анархистская организация действует публично, проводя максимально возможную пропаганду и стараясь привлечь наибольшее количество людей. Во времена усиления репрессий, если, «например, что власти будут нам мешать говорить, издавать или проводить встречи, и у нас нет достаточно сил, чтобы открыто не подчиняться запретам. Мы должны искать способы проводить всё это тайно»⁶.

В этой работе, которая меняется в зависимости от социального контекста, специфическая анархистская организация всегда должна защищать интересы эксплуатируемых классов, потому что мы понимаем ее как политическое выражение этих интересов. Для нас идеи анархизма:

«[...] есть не что иное, как самое чистое и верное выражение народных инстинктов. Если они не соответствуют этим инстинктам, они ложны; и в той мере, в какой они ложны, они будут отвергнуты народом. Но если эти идеи являются честным выражением инстинктов, если они представляют собой истинную мысль народа, они быстро проникнут в дух бунтующих толп; и пока эти идеи будут встречаться на пути народного духа, они будут быстро продвигаться к своему полному осуществлению»⁷.

Специфическая анархистская организация, понимаемая как политическое выражение интересов эксплуатируемых классов, не действует от их имени и никогда не ставит себя выше них. Она не заменяет организацию эксплуатируемых классов, но дает анархистам возможность поставить себя на их службу.

В этой политической практике постановки себя на службу эксплуатируемым классам анархистская организация руководствуется Хартией принципов. Принципы – это этические положения и понятия, не подлежащие обсуждению, которые направляют всю политическую практику и служат образцами для анархистских действий. «Допущение согласованности с этими принципами – вот что определяет идеологическую аутентичность анархизма»⁸. В нашем случае *Хартия принципов 2003 года*⁹ определяет девять принципов: свобода, этика и ценности, федерализм, самоуправление, интернационализм, прямое действие, классовая борьба, политическая практика и социальное внедрение, взаимопомощь.

В первую очередь мы утверждаем принцип *свободы*, заявляя, что «борьба за свободу предшествует анархии». Как и Бакунин, мы считаем, что «индивидуальная свобода [...] может найти свое высшее выражение только в коллективной свободе», и поэтому мы отвергаем индивидуалистические предложения анархизма. Таким образом, стремление к либертарному социализму – это непрерывная борьба за свободу. Другой абсолютно центральный для нас принцип – это *этика и ценности*, которые

⁵ Эррико Малатеста, «Анархистская пропаганда».

⁶ Там же.

⁷ Mikhail Bakunin. «Mobilização do Proletariado» Из: *Conceito de Liberdade*, стр. 134.

⁸ FARJ. «*Carta de Princípios*».

⁹ Кавычки в следующих семи параграфах относятся к этому документу.

заставляют нас основывать всю нашу практику на анархистской этике, которая является «неоспоримым воинственным обязательством». С помощью этики, помимо прочего, мы выступаем за соответствие между средствами и целями и за взаимное уважение.

Мы утверждаем *федерализм* и *самоуправление* как принципы неиерархической и децентрализованной организации, поддерживаемые взаимопомощью и свободной ассоциацией, исходя из постулата Первого Интернационала о том, что каждый человек имеет права и обязанности. Кроме того, именно эти принципы будут определять управление будущим обществом на всех уровнях: экономическое, политическое и общественное управление, осуществляемое самими рабочими. Подчеркивая необходимость самоуправляемой борьбы, мы утверждаем, что «даже живя в условиях нынешней устаревшей системы, [самоуправление] дает потенциал для преобразований, направленных на создание эгалитарного общества».

Утверждая *интернационализм*, мы подчеркиваем международный характер борьбы и необходимость объединяться по классовому, а не по национальному признаку. Эксплуатируемый одной страны должен видеть в эксплуатируемом другой страны товарища по борьбе, а не врага. Интернационализм противостоит национализму и возвеличиванию государства, поскольку они представляют собой чувство превосходства над другими странами и народами, усиливают этноцентризм и предрассудки – первые шаги к ксенофобии. Все люди, независимо от их национальности, равны и должны быть свободны.

Прямое действие утверждается как принцип, основанный на горизонтальности и поощряющий активность рабочих, противостоящий представительной демократии, которая, как мы уже говорили, политически отчуждает. Прямое действие ставит людей перед лицом их собственных решений и действий, «связывая рабочих и угнетенных с центром политического действия».

Кроме того, мы решили основываться на *классовой борьбе*, определяя себя как организацию рабочих, защищающих эксплуатируемых, борющихся за уничтожение классового общества и за создание общества, в котором больше не будет рабов и хозяев. Поэтому мы признаем классовую борьбу и отдаем ей приоритет. Мы считаем, что необходимо бороться со злом капитализма в лоб, а для этого необходимо бороться вместе с эксплуатируемыми, где последствия классового общества становятся более ясными и очевидными.

Принцип *политической практики и социального внедрения* подкрепляет идею о том, что анархизм может процветать только в среде эксплуатируемых классов. Поэтому анархистская организация должна стремиться к взаимодействию со всеми формами народной борьбы, независимо от того, где они происходят. Мы утверждаем, что взаимодействие анархистской организации с любыми проявлениями народной борьбы «в социальных, культурных, крестьянских, профсоюзных, студенческих, общественных, экологических лагерях и т.д., если они вписаны в контекст борьбы за свободу», есть более точное выражение этого принципа.

Как последний принцип Хартии *взаимопомощь* поощряет солидарность в борьбе, стимулируя поддержание братских отношений со всеми, кто действительно работает ради справедливого и эгалитарного мира. Она поощряет эффективную солидарность среди эксплуатируемых.

В тот момент, когда она ведет социальную работу, специфическая анархистская организация стремится конструктивно, с предложениями, влиять на социальные движения и в то же время оградить их от негативного влияния отдельных лиц и групп, которые – вместо того, чтобы защищать интересы людей, призывать их быть действующими лицами своего собственного освобождения – используют их для достижения других целей. Мы знаем, что политики, партии, профсоюзы, а также другие авторитарные организации и личности – церковь, наркоторговля и т. д. – являются препятствиями на пути создания народной организации, поскольку в подавляющем большинстве случаев они проникают в социальные движения, стремясь воспользоваться количеством присутствующих там людей, чтобы: найти поддержку на выборах, создать базу для авторитарных проектов власти, получить деньги, завоевать сторонников, открыть новые рынки и так далее. Авторитарные организации и отдельные лица не хотят поддерживать социальные движения, а используют их для достижения собственных целей, которые не совпадают с целями участников социальных движений – то есть авторитаристы стремятся установить отношения доминирования над социальными движениями.

Любой анархист, который организовывал или хотя бы видел, как функционирует деятельность в социальных движениях, знает, что, если нет последовательной организации, способной дать необходимую силу анархистам в продолжающемся споре за политическое пространство, авторитаристы становятся гегемоном, и работа анархистов полностью идет насмарку. Анархисты, не представляя собой необходимую социальную силу, имеют две возможности: либо они будут использованы авторитаристами в качестве рабочих лошадок (они же «рукава») для реализации их авторитарных властных проектов, либо их просто уберут. В первом случае речь идет об анархистах, которые не специфично организованы и уходят вслед за событиями. Когда они не организованы, они не оказывают необходимого влияния, чтобы иметь хотя бы небольшую социальную силу. Хотя они и не сильно вмешиваются, их допускают в общественные движения. Во втором случае речь идет об изолированных анархистах, которые начинают оказывать некоторое влияние, или, в авторитарном понимании, начинают вмешиваться. В этом случае их изгоняют, удаляют или очерняют. Авторитаристы их буквально «валят с ног». Без необходимой организации они не могут поддерживать себя в общественных движениях и тем более оказывать желаемое влияние.

Это происходит потому, что при отсутствии надлежащей организации анархистов возможно создание авторитарных или менее либертарных организаций. Говоря о постоянном споре за политическое пространство, мы не имеем в виду, что анархисты должны бороться за лидерство, контроль или любое привилегированное положение в социальных движениях. Напротив, мы говорим о внутренней борьбе, которая происходит, когда мы хотим повлиять на социальные движения, чтобы они использовали либертарные практики.

Мы считаем, что политического вакуума не бывает нигде и никогда. Поэтому с того момента, как мы обеспечиваем преобладание наших позиций, это обязательно означает уменьшение влияния авторитаристов и наоборот. Например, увидев, что некоторые анархисты борются за движение прямого действия и прямой демократии, политики и партийные аппараты будут против этого, и, если не будет сильной

организации анархистов, с социальным внедрением и способностью бороться за эти позиции, у авторитарных позиций будет больше шансов на процветание. Когда мы правильно организованы как анархисты, мы не будем отставать от событий, а сумеем обозначить свои позиции и оказать влияние на социальные движения, переходя к настоящему социальному внедрению. Именно через специфическую анархистскую организацию мы можем быть правильно организованы для работы, которую мы хотим выполнять в самых разных социальных движениях.

«Анархическая организация должна быть продолжением наших усилий и нашей пропаганды; она должна быть либертарным советником, направляющим нас в наших повседневных действиях. Опираясь на ее программу, мы можем распространять наше действие в других лагерях, во всех специальных организациях конкретной борьбы, в которые мы можем проникнуть и перенести нашу активность и действие: например, в профсоюзах, в антимилитаристских обществах, в антирелигиозных и антиклерикальных группах и т. д. Наша особая организация может служить в равной степени как площадка для концентрации анархистов (не централизованной!), как поле для соглашения, понимания и как можно более полной солидарности между нами. Чем больше мы будем объединены, тем меньше будет опасность несогласованных действий, или что мы обратимся от нашего импульса к борьбе к разборкам и стычкам, где другие, совсем не согласные с нами, могут связать нам руки»¹⁰.

Таким образом, анархистская организация, помимо ответственности за свою политическую практику в различных лагерях, служит для увеличения социальной силы анархистов в них. Среди различных сил, присутствующих в этих пространствах, анархисты должны выделяться и воплощать в жизнь свои позиции.

Такая политическая практика в разных лагерях требует, чтобы анархистская организация разделилась на фронты – то есть на внутренние группы, которые занимаются социальной работой. Как правило, организации, работающие по этой методологии, предполагают развитие трех основных фронтов: профсоюзного, общественного и студенческого. Мы же считаем, что фронты должны быть разделены не в соответствии с этими заранее заданными пространствами внедрения, а исходя из практической работы организации. В нашем понимании не нужно ограничиваться или работать только в этих трех направлениях, кроме того, могут существовать и другие интересные пространства, которые требуют специальных фронтов.

Каждая организация должна искать места, более благоприятные для развития своей социальной работы, и из этой практической необходимости формировать свои фронты. Так, если есть работа в студенческом секторе, может быть создан студенческий фронт. Если есть профсоюзная работа, то может быть профсоюзный фронт. Однако если развивается другая работа, например, с сельскими движениями или с городскими и т.д., то фронты должны следовать этому разделению. То есть вместо того, чтобы иметь только один общественный фронт, работающий с сельскими и городскими социальными движениями, вы можете создать фронт сельских движений и другой фронт городских движений. В этом смысле мы поддерживаем модель динамических фронтов, которые учитывают внутреннее разделение специфиче-

¹⁰ Luigi Fabbri. «A Organização Anarquista». Из: *Anarco-Comunismo Italiano*, стр. 116.

ской анархистской организации для практической реализации социальной работы наилучшим образом.

Фронты отвечают в своей сфере деятельности за создание и развитие социальных движений, а также за то, чтобы анархисты занимали политическое пространство – пространство, которое находится в постоянном конфликте, – и оказывали должное влияние на эти движения.

В случае с нашей организацией мы начали социальную работу, разделенную на два фронта. «Фронт сообщества», который объединяет работу по управлению Социальной библиотекой Фабио Луса (Biblioteca Social Fábio Luz – BSFL), Центром социальной культуры Рио-де-Жанейро (Centro de Cultura Social – CCS-RJ) и его социальную работу, Центром исследований Маркеса да Косты (Núcleo de Pesquisa Marques da Costa – NPMC) и Кружком либертарных исследований Идеала Переса (Círculo de Estudos Libertários Ideal Peres – CELIP).

Другим фронтом был «трудовой фронт» или «фронт занятости», который занимался городскими трудовыми акциями и Интернационалистским фронтом бездомных (Frente Internacionalista dos Sem-Teto – FIST). С изменением ситуации мы вышли из FIST, продолжая работать с работниками и жителями, и объединили некоторых рабочих и многих других безработных в Движение безработных трудящихся (Movimento dos Trabalhadores Desempregados – MTD). Это движение приобрело большее значение в этом фронте. Таким образом, «фронт занятости» был переименован во «фронт городских социальных движений».

Аналогичным образом, поскольку мы сочли это необходимым, мы создали третий фронт: «Агроэкологический фронт» (Анархизм и природа) из практической работы в сельских социальных движениях, экологии и сельского хозяйства, которые начали развиваться в организации. Таким образом, мы считаем, что фронты адаптируются к практическому контексту работы. Мы показываем, как это работает на практике.

Диаграмма 1

Специфическая анархистская организация (CAO) делится внутри на фронты, которые действуют, каждый в определенном социальном движении. В данном случае, если предположить, что CAO работает с тремя социальными движениями (СД) или с тремя секторами СД, она делится для работы на три фронта. Фронт А работает с соответствующим СД или с сектором А определенного СД. Фронт В работает с СДВ или с сектором В определенного СД, и так далее. Приведем практические примеры: CAO можно разделить на синдикалистский фронт (А), общественный фронт (В) и студенческий фронт (С), и каждый из них будет действовать в СД. Фронт А будет действовать в профсоюзе, фронт В – в сообществе, а С – в студенческом движении. В нашем случае CAO сегодня разделена на три фронта: городские социальные движения (А), сообщества (В) и агроэкология (анархизм и природа) (С). Каждый из них работает в одном или нескольких социальных движениях. Фронт А – в движении бездомных и безработных в МТД, фронт В – в движении сообществ и фронт С – в сельских движениях экологии и сельского хозяйства.

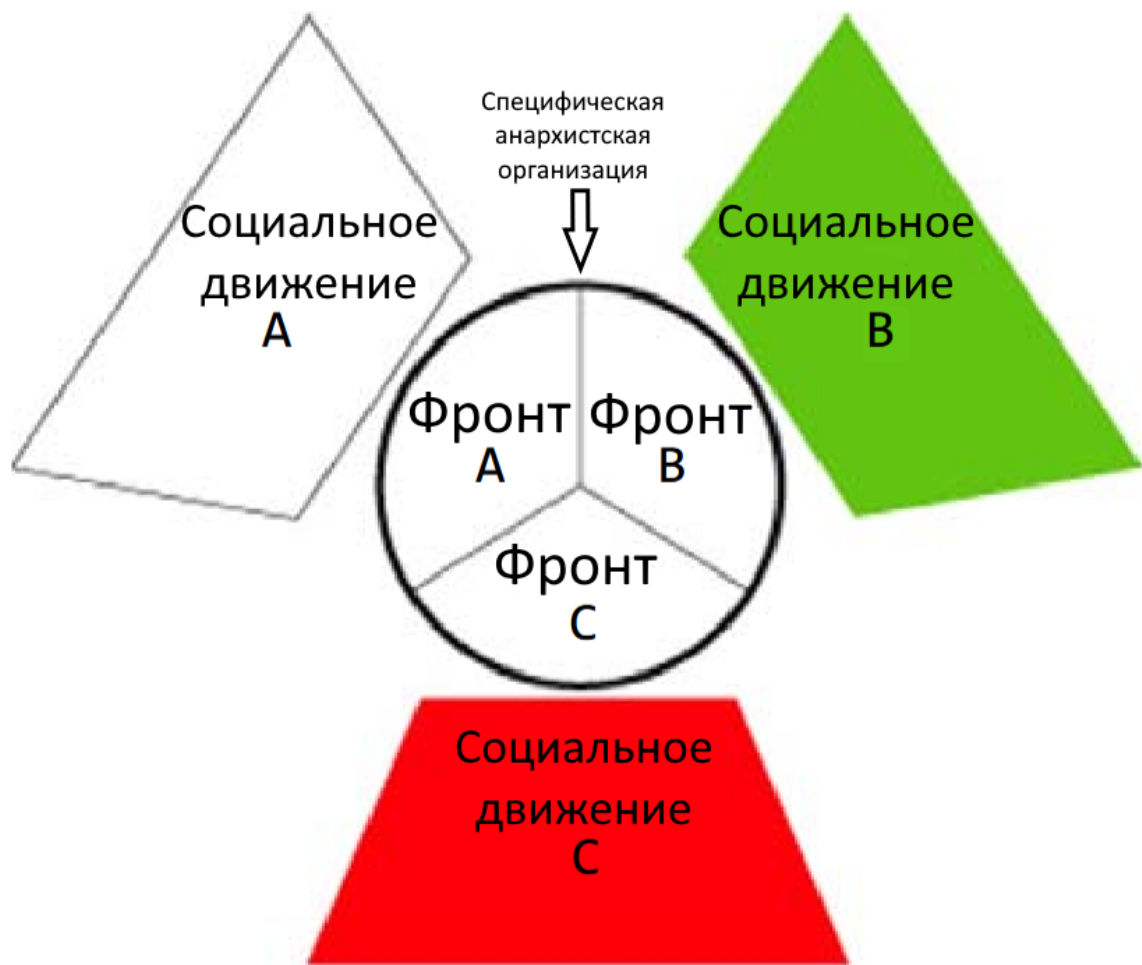

Диаграмма 1

Помимо этого внутреннего разделения на фронты, которое функционирует для социальной работы, специфические анархистские организации используют, как для внутреннего, так и для внешнего функционирования, логику того, что мы называем «концентрическими кругами» – сильно вдохновленную бакунинской организационной моделью. Главная причина, по которой мы принимаем эту логику функционирования, заключается в том, что для нас анархическая организация должна сохранять различные инстанции действия. Эти различные инстанции должны усиливать ее работу и в то же время позволять ей объединять подготовленных активистов с высоким уровнем идейности и приближенных к теории или практике организации людей, которые могут быть более или менее подготовленными и более или менее идейными. Короче говоря, концентрические круги стремятся разрешить важный парадокс: анархистская организация должна быть достаточно закрытой, чтобы иметь подготовленных, преданных и политически ориентированных активистов, и достаточно открытой, чтобы привлекать новых активистов.

Большая часть проблем, возникающих в анархистских организациях, вызвана тем, что они не функционируют в соответствии с логикой концентрических кругов и не реализуют эти две инстанции действия. Должен ли человек, который говорит, что он анархист, и интересуется работой организации, состоять в ней, несмотря на то что не знает досконально политическую линию? Должен ли непрофессионал, интересующийся анархистскими идеями, состоять в организации? Как вы относитесь к «либертариям» – в самом широком смысле этого слова – которые не считают себя анархистами? Должны ли они быть в организации? А пожилые члены, которые уже проделали важную работу, но теперь хотят быть рядом, но не участвовать в постоянной деятельности организации? А те, кто может лишь изредка уделять время активизму? Вопросов много. Другие проблемы возникают из-за сомнений в реализации социальной работы. Должна ли организация представлять себя как анархистская организация в общественных движениях? Может ли она в своей социальной работе создавать союзы с другими людьми, группами и организациями, не являющимися анархистами? В таком случае, какие общие моменты следует отстаивать? Как вести социальную работу в поле с людьми разных идеологий и сохранять анархистскую идентичность? Как сделать так, чтобы анархизм не потерял свою идентичность при контакте с социальными движениями? По этому поводу также есть много вопросов.

Концентрические круги призваны обеспечить четкое место для каждого из активистов и сочувствующих организации. Кроме того, они призваны облегчить и укрепить социальную работу анархистской организации и, наконец, создать канал для привлечения новых активистов.

На практике логика концентрических кругов выстраивается следующим образом. Внутри специфической анархистской организации есть только те анархисты, которые в большей или меньшей степени способны вырабатывать, воспроизводить и применять политическую линию организации внутри, на фронтах и в общественной деятельности. Также эти активисты должны быть в большей или меньшей степени способны содействовать выработке стратегическо-тактической линии организации, а также обладать полной способностью воспроизводить и применять ее. Активисты берут на себя как внутренние функции в организации – исполнительные, совещательные или чрезвычайные, так и внешние, связанные с социальной работой. Функции,

выполняемые активистами в организации, соответствуют принципам самоуправления и федерализма, или горизонтальным решениям, где все активисты имеют одинаковое право быть услышанными и право голосовать, и где в особых случаях происходит делегирование с императивными полномочиями. Функции, которые должны выполнять делегаты, должны быть четко определены, чтобы они «не могли действовать от имени ассоциации, если только ее члены не уполномочили их [на это]; они должны выполнять только то, что решили члены, и не диктовать ассоциации дальнейшие действия»¹¹. Более того, должна происходить ротация тех, кто выполняет определенные функции, чтобы расширить возможности каждого и избежать окаменения должностей или функций.

У специфической анархистской организации может быть только один круг активистов, все они находятся в одной инстанции, а может быть несколько кругов – критерии определяются коллективно. Например, это может быть время пребывания человека в организации или его способность к проработке политической или тактико-стратегической линии. Таким образом, более молодые активисты или те, кто менее способен к проработке линии, могут находиться в более внешнем (дальнем) круге, а более опытные участники с большими способностями к разработке линий – в другом, более внутреннем (близком). Между кругами нет иерархии, но идея заключается в том, что чем «внутреннее», или чем ближе активист, тем лучше он способен формулировать, понимать, воспроизводить и применять линии организации. Чем ближе активист к «внутренней» части САО, тем выше уровень его приверженности и активности. Чем больше активист предлагает организации, тем больше она от него требует. Именно активисты определяют уровень своей приверженности и на основании этого выбора принимают или не принимают участие в обсуждениях. Таким образом, активисты решают, сколько они хотят взять на себя обязательств, и чем больше они берут на себя обязательств, тем больше они решают. Чем меньше они берут на себя обязательств, тем меньше они будут принимать решений.

Это не означает, что позиция более идейных и активных имеет большую ценность, чем позиция менее идейных и менее активных. Это означает, что они участвуют в разных органах принятия решений. Например, более идейные и активные участвуют голосом в конгрессах, которые определяют политическую и стратегическую линию организации; менее идейные и менее активные не участвуют в конгрессах, или участвуют только в качестве наблюдателей, но участвуют в ежемесячных собраниях, где определяется тактика и практическое применение этой линии.

Таким образом, внутри специфической анархистской организации может существовать один или несколько кругов, которые всегда должны определяться уровнем идейности и активности активистов. В случае более чем одного уровня это должно быть понятно всем, а критерии смены уровня должны быть доступны всем активистам. Таким образом, активист сам выбирает, где он хочет быть.

Следующий круг, более внешний и удаленный от ядра анархистской организации, уже не является частью организации, но имеет фундаментальное значение: уровень поддерживающих сторонников. Этот орган, или инстанция, стремится объединить всех людей, идейно близких к анархистской организации. Сторонники отвечают

¹¹ Там же.

за помощь организации в ее практической работе, такой как издание памфлетов, периодических изданий или книг; распространение пропагандистских материалов; помощь в работе по созданию теории или контекстуального анализа; организация практической деятельности по социальной работе: общественная деятельность, помощь в обучении, логистическая деятельность, помощь в организации работы и т. д. В этом случае люди, имеющие отношение к анархистской организации и ее работе, контактируют с другими активистами, могут углубить свои знания о политической линии организации, лучше узнать ее деятельность, углубить свое представление об анархизме и т.д.

Таким образом, категория поддерживающих сторонников играет важную роль, помогая анархистской организации осуществлять свою деятельность на практике, стремясь приблизить к ней заинтересованных лиц. Это приближение имеет в качестве будущей цели – превращение некоторых из этих сторонников в активистов организации. Специфическая анархистская организация привлекает как можно больше сторонников и в ходе практической работы выявляет тех, кто заинтересован в присоединении к организации и имеет подходящий профиль для членства. Предложение о вступлении в организацию может исходить от активистов организации к стороннику и наоборот. Хотя каждый активист сам выбирает свой уровень идейности и активности организации и место, где он хочет быть, цель анархистской организации всегда состоит в том, чтобы иметь наибольшее количество активистов в более внутренних кругах, с более высоким уровнем идейности и активности.

Приведем практический пример: предположим, что организация решила работать внутри себя с двумя уровнями идейности и активности – или двумя кругами. Когда активисты – новички, они вступают на уровень «участник», а когда они проработают там шесть месяцев и становятся подготовленными и идейными активистами, то переходят на уровень «полноценный активист». Предположим, что эта организация также решила иметь уровень поддерживающих сторонников. Целью организации будет привлечение как можно большего числа сторонников, исходя из близости каждого из них к организации, перевод их на уровень активистов-участников, а через шесть месяцев – после подготовки – на уровень полноценного активиста. Мы проиллюстрируем, как это может работать на практике.

Диаграмма 2

«Сторонники» – это уровень сторонников, «участники» – уровень участников и П.А. – полноценных активистов, цель – поток, обозначенный красной стрелкой, – перейти от сторонников к участникам и от участников к полноценным активистам. Те, кто заинтересован, могут следовать этому потоку, а те, кто не заинтересован, могут оставаться там, где им лучше. Например, если человек хочет оказывать спорадическую поддержку, но не более того, он, возможно, захочет всегда оставаться в статусе сторонника. Проблема здесь в том, что все желание человека работать должно быть использовано организацией. Это происходит не потому, что у человека мало времени

Поток активистов

Диаграмма 2

или он предпочитает помогать в то время, когда от этого нужно отказаться, а потому, что внутри специфической анархистской организации должно быть место для всех, кто хочет внести свой вклад. «Достижения – это критерий отбора, который никогда не подводит. Способности и эффективность активистов, в основном, измеряются энтузиазмом и прилежностью, с которыми они выполняют свои задачи»¹².

Логика концентрических кругов требует, чтобы каждый активист и сама организация имели четко определенные права и обязанности для каждого уровня организации. Это связано с тем, что не просто принимать решения о чем-то, чему человек не будет соответствовать. Например, сторонник, посещающий мероприятия раз в месяц и делающий нерегулярные взносы, не может принимать решения о правилах или мероприятиях, которые должны выполняться ежедневно, поскольку он будет решать что-то больше для других активистов, чем для себя.

В либертарных группах очень распространена практика, когда люди, вносящие свой вклад от случая к случаю, принимают решения по вопросам, которые в конечном счете становятся обязательными или выполняются более постоянными членами. Например, активисту, появляющемуся время от времени, очень легко захотеть определить политическую линию организации, поскольку в большинстве случаев следовать этой линии придется не ему.

Это непропорциональные формы принятия решений, при которых один в итоге решает то, что будут выполнять другие. В модели концентрических кругов мы стремимся к системе прав и обязанностей, в которой каждый принимает решения о том, что он может и должен делать впоследствии. Таким образом, для сторонников нормально принимать решения только о том, в чем они будут участвовать. Точно так же для активистов организации нормально принимать решения о том, что только они будут выполнять. Таким образом, мы принимаем решения и обязательства пропорционально, и это подразумевает, что у организации есть четкие критерии для вступления, четко определяющие, кто принимает и не принимает в ней участие, и на каком уровне организации находятся активист или сторонник.

Важным критерием для вступления является то, что все активисты, которые вступают в организацию, должны быть согласны с ее политической линией. Для этого анархистская организация должна иметь теоретический материал, выражающий эту линию – менее глубокую для тех, кто еще не является членом организации, и более глубокую для тех, кто им является. Когда кто-то интересуется работой анархистской организации, проявляя интерес к сближению, вы должны сделать этого человека сторонником и дать ему необходимую информацию об организации или анархизме. В качестве сторонника, зная политическую линию немного глубже и испытывая симпатию к практической работе организации, человек может проявить интерес к вступлению в организацию или организация может выразить свою заинтересованность в том, чтобы сторонник стал активистом. В обоих случаях сторонник должен получать постоянную информацию от анархистской организации, дающей ему теоретический материал, который углубит его политическую линию. Один или несколько активистов, хорошо знающих эту линию, будут обсуждать с ним сомнения,

¹² Juan Mechoso. *Acción Directa Anarquista: una historia de FAU*. Montevideo: Recortes, s / d, стр. 199. Кавычки в книге Мечосо отсылают к документам Уругвайской анархистской федерации (FAU).

дискутировать и вносить уточнения. Добившись согласия сторонника с политической линией организации и при согласии обеих сторон, активист интегрируется в организацию. Важно, чтобы в начальный период каждый новый активист находился под присмотром другого, более старшего, который сориентирует и подготовит его к работе. В любом случае, анархистская организация всегда должна заботиться об обучении и наставлении сторонников и активистов, чтобы они могли изменить уровень своей приверженности, если захотят.

Эта же логика концентрических кругов работает и в социальной работе. Через нее анархистская организация координируется для выполнения социальной работы наиболее подходящим и эффективным способом. Как мы уже видели, анархистская организация делится внутри на фронты для выполнения практической работы. Для этого есть организации, которые предпочитают устанавливать прямые отношения с социальными движениями, а есть и такие, которые предпочитают представлять себя через посредническую социальную организацию, которую мы могли бы назвать группировкой тенденций.

«Участие в группировке тенденции подразумевает принятие набора определений, которые могут разделяться товарищами различного идеологического происхождения, но которые имеют некоторые обязательные исключения (например, для реформистов), если они стремятся к минимальному уровню реальной оперативной согласованности. (...) Группировки тенденций, скоординированные друг с другом и укорененные в наиболее активных слоях народа (...) являются более высоким уровнем, чем последний [уровень масс]»¹³.

Группировка тенденции ставит себя между социальными движениями и специфической анархистской организацией, объединяя активистов разных идеологий, которые имеют сходство в отношении определенных практических вопросов.

Как мы уже подчеркивали, есть анархистские организации, которые предпочитают представлять себя непосредственно в социальных движениях, без необходимости в группировках тенденций, а есть те, кто предпочитает представлять себя через них. В обоих случаях есть положительные и отрицательные моменты, и каждая организация должна определить, как ей лучше действовать. Поскольку взгляды, которые мы отстаиваем в социальных движениях, носят скорее практический, чем теоретический характер, может быть интересно работать с группировкой тенденций, включающей людей, которые согласны с некоторыми или всеми позициями, которые мы отстаиваем в социальных движениях (сила, классовая борьба, автономия, боевитость, прямое действие, прямая демократия и революционная перспектива) и которые помогут нам увеличить мощь социальных сил, отстаивающие эти позиции.

Как и в схеме выше, идея заключается в том, что специфическая анархистская организация ищет внедрения на этом промежуточном уровне (группировка тенденции) и через нее представляет себя, проводя свою работу в социальных движениях в поисках места для социального внедрения. Давайте снова проиллюстрируем, как это работает на практике.

¹³ Там же, стр. 190.

Диаграмма 3

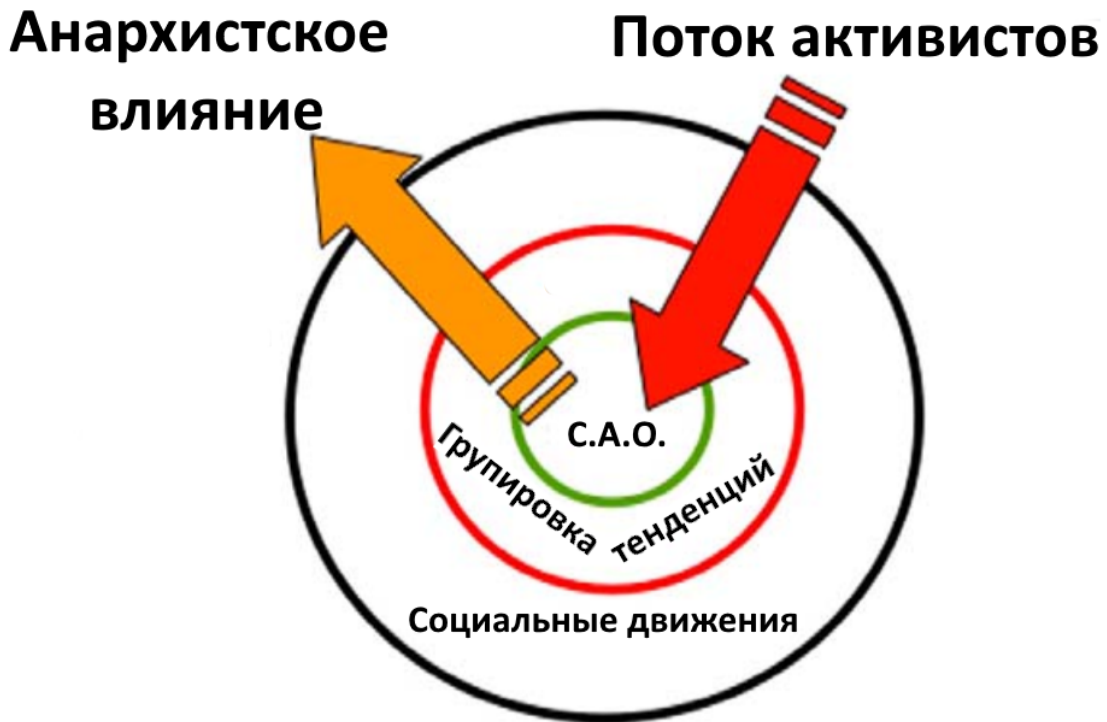

Диаграмма 3

САО – специфическая анархистская организация. Существует два потока.

Первый – влияние САО – стремится пройти через Группировки тенденций, а оттуда – в Социальные движения. Давайте рассмотрим несколько практических примеров. Анархистская организация, желающая действовать в профсоюзе, может сформировать группировку с другими активистами профсоюзного движения, отстаивающими какие-то конкретные лозунги (революционная перспектива, прямое действие и т. д.), и с помощью этой тенденции влиять на профсоюзное движение или профсоюз, в котором она действует. Или же анархистская организация может выбрать работу с движением безземельных и для этого объединяет людей, отстаивающих схожие позиции (автономия, прямая демократия и т. д.) в общественном движении, в группировку тенденций. С помощью этой группировки тенденций специфическая анархистская организация действует внутри движения безземельных и таким образом пытается повлиять на него.

Эта форма организации призвана решить очень распространенную проблему, с которой мы сталкиваемся в активизме. Например, когда мы знаем очень идейных активистов; революционеров, выступающих за самоуправление, автономию, низовую

демократию, прямую демократию и т. д., но с которыми мы не работаем, потому что они не анархисты. Эти активисты могли бы работать с анархистами в группировках тенденций и вместе отстаивать свои позиции в социальных движениях.

Вторая стрелка на схеме показывает цель потока активистов. То есть в этой схеме работы цель состоит в том, чтобы привести людей из социальных движений, которые имеют практическое сходство с анархистами, в группировки тенденции, а оттуда приблизить тех, кто имеет идеологическое сходство, к анархистской организации. Так же, как и в предыдущей схеме, если активист имеет большую практическую близость с анархистами, но не является анархистом, он должен быть членом группировки тенденции и будет иметь фундаментальное значение для выполнения социальной работы. Если у них есть идеологическая близость, они могут быть ближе к организации или даже присоединиться к ней.

Задача анархистской организации – не превратить всех активистов в анархистов, а научиться работать с каждым из них наиболее подходящим способом. Имея взаимные интересы, активисты могут менять свои позиции в кругах (от социального движения к группировке тенденций или от группировки тенденций к анархистской организации). Однако без этих взаимных интересов каждый действует там, где считает нужным.

Процесс принятия решений, используемый в анархистской организации, – это попытка достичь консенсуса, используя голосование, когда консенсус невозможен. В отличие от некоторых либертарных групп и организаций, мы считаем, что консенсус не должен быть обязательным. Как мы уже говорили, помимо того, что консенсус – очень неэффективная форма принятия решений, которая становится более невыполнимой, чем больше людей вовлечено в принятие решений, он создает серьезную проблему наделения большой властью изолированных агентов. В организации из 20 боевиков можно заблокировать консенсус, или даже если 19 человек выступают за одну позицию и за другую, у вас должна быть «средняя позиция», которая будет рассматривать, в очень непропорциональной степени, единственного несогласного. Чтобы придать процессу принятия решений должную эффективность и не наделить изолированных агентов слишком большой властью, мы выбрали эту модель попытки достижения консенсуса, а когда это невозможно – голосования. «Если разногласия возникли в самом лоне организации, если разделение между большинством и меньшинством возникло по незначительным вопросам, по практическим модальностям или по особым случаям [...], то может случиться так, что меньшинство будет более или менее легко склоняться к тому, чтобы поступать, как большинство»¹⁴. В случае голосования все активисты организации, даже те, кто переголосовал, обязаны придерживаться победившей позиции. Этот процесс принятия решений используется для установления теоретического и идеологического единства, а также для стратегического и тактического единства. К ним мы вернемся позже. Сейчас же достаточно подчеркнуть, что для борьбы, которую мы хотим вести, необходимо покончить с разбродом и дезорганизацией, и «Путь к этому – создание организации, [которая бы

¹⁴ Luigi Fabbri. «A Organização Anarquista». Из: *Anarco-Comunismo Italiano*, стр. 121.

была основана] на почве определенных идеологических и тактических положений и привела бы к прочной согласованности их практическую деятельность»¹⁵.

Важно также добавить, что во время принятия решений путем голосования активисты должны руководствоваться здравым смыслом. Они должны внимательно следить за позициями активистов, которые ближе всего к вопросам, по которым проводится голосование, поскольку эти позиции важнее, чем позиции тех, кто далек от них, даже если они имеют одинаковый вес при голосовании. Когда происходит голосование, активистам, не вовлеченным в вопрос, по которому идет голосование, может быть легко определить, что должны делать другие. Такие ситуации требуют осторожности, и следует избегать тех ситуаций, в которых все члены, которые будут выполнять то, что обсуждалось, теряют право голоса и вынуждены применять то, что было решено другими

Что касается решений, то во время их принятия «должно быть много места для всех обсуждений, и все точки зрения должны быть тщательно проанализированы»¹⁶. После обсуждения «обязанности [распределяются], члены организации формально отвечают за их выполнение», поскольку «организация ничего не делает сама по себе». Затем «все действия, которые обсуждаются и которые являются обязанностью организации, должны быть так или иначе выполнены ее членами», и для этого «необходимо разделить деятельность между активистами, всегда ища модель, которая хорошо распределяет эту деятельность и позволяет избежать концентрации задач на более активных или способных членах». «С того момента, как активист берет на себя одну или несколько задач для организации, он обязан их выполнять и несет большую ответственность перед группой [...]. Это отношения обязательства, которые активист берет на себя с организацией».

Кроме того, мы считаем актуальным и еще раз подтверждаем, что «самодисциплина – двигатель самоуправляемой организации», и это также относится к специфической анархистской организации. Таким образом, «каждый, кто берет на себя ответственность, должен обладать достаточной дисциплиной для ее выполнения. Точно так же, когда организация определяет линию, которой нужно следовать, или что-то, чего нужно достичь, именно индивидуальная дисциплина приведет к тому, что коллективно принятое решение будет реализовано». Мы отмечаем:

«[...] мы также призываем к дисциплине, потому что без понимания, без координации усилий каждого на общее и одновременное действие победа физически невозможна. Но дисциплина не должна быть подневольной дисциплиной, слепой преданностью вождям, повиновением тому, кто всегда говорит вам не шевелиться. Революционная дисциплина – это соответствие принятым идеям, верность взятым на себя обязательствам, это чувство долга разделить работу и риск с товарищами по борьбе»¹⁷.

«Мы считаем, что для того, чтобы наша борьба принесла многообещающие плоды, необходимо, чтобы каждый боец организации обладал высокой степенью самоот-

¹⁵ Дело Труда №10, март 1926, «Организационная проблема и идея синтеза», Группа Русских анархистов Заграницей. Редакция «Дела Труда».

¹⁶ FARJ. «Reflections on the commitment ...». Цитаты без ссылок в этом и следующих абзацах относятся к этой статье.

¹⁷ Errico Malatesta. «Action and Discipline». Из: *Anarchists, Socialists and Communists*, стр. 24.

дачи, ответственности и самодисциплины»¹⁸. «Именно воля и боевая самоотдача заставят нас день за днем идти к развитию деятельности организации, чтобы преодолеть препятствия и проложить путь к нашим долгосрочным целям»¹⁹. Наконец, мы должны знать, что «Ответственность и дисциплина революционера не должны пугать. Они его спутники во всех делах рабочего анархизма»²⁰.

Эта позиция вводит отношения со-ответственности между активистами и организацией, заключающиеся в том, что «за революционно-политическую деятельность каждого члена» анархистской организации ответственна вся анархистская организация; «точно так же за революционно-политическую деятельность» всей анархистской организации «ответствен каждый его член»²¹.

¹⁸ FARJ. *Reflections on the commitment*.

¹⁹ Там же.

²⁰ Нестор Махно, «О революционной дисциплине», 1925 г.

²¹ Нестор Махно, Петр Аршинов, «Организационная Платформа Всеобщего Союза Анархистов», Организационная часть, Принципы анархической организации.

Часть 9. САО: Социальная работа и внедрение

Социальная работа и внедрение – важнейшие направления деятельности специфической анархистской организации.

Как мы уже говорили, мы живем в обществе, в котором правящий класс и эксплуатируемые классы находятся на противоположных сторонах. Давайте также помнить, что наша борьба ведется за создание бесклассового общества – либертарного социализма. И что путь к этому новому обществу, по нашему мнению, лежит через борьбу социальных движений, их преобразование в народную организацию и, наконец, через социальную революцию. Для этого весь процесс должен происходить внутри эксплуатируемых классов, которые являются истинными действующими лицами социальных преобразований, за которые мы выступаем.

Таким образом, если борьба анархизма направлена на конечные цели социальной революции и либертарного социализма, и если мы понимаем эксплуатируемые классы как главных акторов преобразований, направленных на достижение этих целей, то для анархизма нет другого пути, кроме как искать способ взаимодействия с этими классами. По этой причине:

«[...] анархизм в наше время уже не может оставаться в пределах кружковой мысли и групповой деятельности. Естественное влияние анархизма на психику человеческих масс в их борьбе очевидно. А чтобы это влияние анархизма массы восприняли сознательно, анархизм должен вооружиться новыми средствами и стать на пути социального действия сейчас, в наше время»¹.

В классовой борьбе эксплуатируемые классы всегда находятся в конфликте с правящим классом. Этот конфликт может проявляться как в более или менее стихийной, так и в более или менее организованной форме. Дело в том, что противоречия капитализма порождают ряд протестных выступлений эксплуатируемых классов, и мы считаем это лучшей почвой для посева семян анархизма. Нено Васко, говоря о сеятеле, использовал метафору, чтобы сказать, что анархисты должны сажать свои семена на самой плодородной почве. Как мы уже подчеркивали, для нас такой местностью является лагерь классовой борьбы.

Поскольку мы намерены посеять свои семена в классовой борьбе, и поскольку мы понимаем эксплуатируемые классы как главных героев процесса социальных преобразований, мы предполагаем, что эксплуатируемые классы необходимы для

¹ Цитата взята из статьи «Nossa Organização» – перевода, который по сути является компиляцией двух статей Махно «Анархизм в наше время» («Дело труда», №4, сентябрь 1925 г.) и «Наша Организация» («Дело труда», №6, ноябрь 1925 г.), где первая половина статьи взята из «Наша Организация», а вторая из «Анархизм в наше время». Конкретно эта цитата, получается, взята из «Анархизм в наше время».

достижения анархизмом своих конечных целей. Когда мы объясняем эту точку зрения, мы не боготворим эти классы и даже не предполагаем, что все, что они делают, всегда правильно, но мы подчеркиваем, что их участие в процессе социальных преобразований является абсолютно центральным. Поэтому мы, анархисты, «всегда должны быть с народом».

Способ, с помощью которого специфическая анархистская организация стремится к взаимодействию с эксплуатируемыми классами, – это то, что мы называем социальной работой. Социальная работа – это деятельность, которую анархистская организация осуществляет в разгар классовой борьбы, заставляя анархизм взаимодействовать с эксплуатируемыми классами. Социальная работа придает политическому уровню анархизма социальный уровень, тело, без которого анархизм бесплоден. Через социальную работу анархизм может реализовать свою функцию – быть двигателем борьбы нашего времени. Социальная работа анархистской организации происходит в двух направлениях: 1) В постоянной работе с существующими социальными движениями и 2) В создании новых социальных движений.

С момента своего основания мы считаем социальные движения предпочтительным местом для нашей деятельности, что отражено в нашей Хартии принципов, где мы заявляем: «FARJ предлагает работать – немедленно и без посредничества – в направлении вмешательства в разнообразные реалии, составляющие вселенную социальных движений»². Как мы уже говорили выше, мы понимаем социальные движения как результат «треножника, состоящего из необходимости, воли и организации». Таким образом, организованные анархисты должны стремиться стимулировать желание и организацию движения, основанного в первую очередь на потребностях эксплуатируемых классов. В большинстве случаев они демобилизуются, «не имея ни чувства своих прав, ни веры в свои силы; а поскольку у них нет ни этого чувства, ни этой веры, [...] они веками остаются бесправными рабами»³. В этом процессе мобилизации мы должны поощрять это чувство и эту веру. С этого момента вопрос нужды становится центральным, потому что именно через него происходит мобилизация. Немного найдется тех, кто готов бороться за идею, которая принесет долгосрочные результаты. Поэтому, чтобы мобилизовать людей, мы должны, прежде всего, решать конкретные вопросы и проблемы, которые волнуют и близки им. Чтобы заслужить их доверие и поддержку:

«[...] Мы должны начать говорить с ними не об общем зле всего международного пролетариата, не об общих причинах, его порождающих, а об их конкретных несчастьях, повседневных и частных. Надо говорить с ними об их профессии и условиях их работы, именно в той местности, где они живут; о продолжительности и обширности их ежедневного труда, о недостаточности их зарплаты, о злобности их начальника, о скудости пищи и о невозможности дать должное воспитание и образование своей семье. Предлагая им средства борьбы с их несчастьями и улучшения их положения, нет необходимости слишком рано говорить об общих и революционных целях. [...] Прежде

² FARJ. *Carta de Princípios*.

³ Mikhail Bakunin. «Some Conditions of the Revolution». Из: *Conceito de Liberdade*, стр. 127.

*всего, необходимо лишь предложить им цели, полезность которых их естественный здравый смысл и житейский опыт не могут ни игнорировать, ни отталкивать»*⁴.

Точно так же в процессе мобилизации можно поставить вопрос о том, что у людей нет работы, что им негде жить и т. д. Таким образом, роль анархистской организации заключается в объяснении необходимости и мобилизации вокруг нее. Будь то создание социальных движений или работа с существующими движениями, центральная идея всегда состоит в том, чтобы мобилизоваться вокруг необходимости.

Социальные движения – это случаи, в которых происходит мобилизация эксплуатируемых классов, и, следовательно, именно эти движения вызывают у них политическую практику. Их политическая практика развивается через «любую деятельность, объектом которой являются отношения [противостояния] эксплуатируемых и угнетенных с органами политической власти; государством, правительством и их различными проявлениями»⁵, а также другими поддерживающими органами капиталистической системы. Политическая практика направлена на то, чтобы поставить народ на борьбу с силами угнетающей его системы и, следовательно, стимулирует противостояние этих сил, «защиту и расширение общественных и индивидуальных свобод, способность к предложениям, которые соответствуют общим интересам населения или его частичным аспектам». Политическая практика также может быть «восстанием как примером насильственного оспаривания ситуации, которую мы хотим изменить [...], а также] предложениями, которые, принимая во внимание народные требования, обращенные к органам власти, могут представлять решения общих и конкретных вопросов и требовать, чтобы эти органы были в состоянии принять их и сделать действительными для всего общества».

Через свою политическую практику общественные движения должны навязать все свои завоевания силам капитализма и государства. Сам народ должен требовать, добиваться и реализовывать все улучшения, завоевания и свободы, которые он считает необходимыми, с помощью организации и воли. Эти требования должны быть постоянными и постепенно возрастать, с каждым разом требуя все большего и добиваясь полного освобождения эксплуатируемых классов.

*«Каковы бы ни были практические результаты борьбы за немедленные улучшения, их главная польза заключается в самой борьбе. Именно благодаря ей рабочие учатся защищать свои классовые интересы, понимают, что работодатели и правительства преследуют интересы, противоположные их интересам, и что они не смогут улучшить свои условия, а тем более освободиться, если не объединятся и не станут сильнее. [...] Если они смогут получить то, что хотят, они будут жить лучше. Они будут больше зарабатывать, меньше работать, у них будет больше времени и сил, чтобы поразмышлять о том, что их интересует; и они вдруг почувствуют больше потребностей и желаний. Если они не добились успеха, они будут вынуждены изучить причины своих неудач и осознать необходимость большего единства, большей энергии; они поймут, наконец, что для победы, надежной и окончательной, необходимо уничтожить капитализм»*⁶.

⁴ Mikhail Bakunin. «Militant Education». Из: *Conceito de Liberdade*, стр. 145–146.

⁵ FAU. *Declaración de Principios*. Цитаты в этом абзаце взяты из этого же документа.

⁶ Errico Malatesta. «Programa Anarquista». Из: *Escritos Revolucionários*, стр. 18.

Политическая практика социальных движений, переведенная в плоскость борьбы за сиюминутные выгоды, приносит активистам воспитательный смысл повышения сознательности в случае побед или даже поражений.

Политическая практика специфической анархистской организации работает так же. Ранее мы говорили, что понимаем анархизм как идеологию, а в данном случае – «набор идей, мотивов, стремлений, ценностей, структуру или систему понятий, которые имеют непосредственную связь с действием – что мы называем политической практикой». Социальная работа является основной частью политической практики анархистской организации, которая в данном случае взаимодействует с эксплуатируемыми классами, объединенными в социальные движения, выводя анархизм из узких кругов и широко распространяя его идеи в рамках классовой борьбы.

Кроме того, для нас социальная работа специфической анархистской организации должна быть направлена не просто на взаимодействие с общественными движениями, а на практическое влияние на них, вызывая у них определенные рабочие характеристики. Мы называем процесс влияния на социальные движения через анархистскую практику социальным внедрением. Таким образом, анархистская организация имеет социальную работу, когда она создает или развивает работу с общественными движениями, и социальное внедрение, когда ей удастся влиять на движения с помощью анархистских практик.

Социальное внедрение не ставит своей целью «идеологизировать» социальные движения, превращая их в анархистские социальные движения. Напротив, она стремится придать им определенные характеристики, чтобы они могли двигаться по пути создания и развития народной организации и указывать на социальную революцию и либертарный социализм. Она стремится к тому, чтобы социальные движения продвигались как можно дальше.

«Мы не хотим «ждать, пока массы станут анархистами», чтобы совершить революцию; более того, мы убеждены, что они никогда не станут (анархистами), если сначала мы не свергнем насильем институты, которые держат их в рабстве. Поскольку для создания достаточной материальной силы и для достижения нашей конкретной цели – радикального изменения социального организма путем прямого действия масс – нам необходимо согласие масс, мы должны сблизиться с ними, принять их такими, какие они есть, и, как часть масс, заставить их продвинутся как можно дальше. Ибо мы хотим, конечно, работать, чтобы реализовать на практике наши идеалы, а не довольствоваться проповедями в пустыне, для простого удовлетворения нашей интеллектуальной гордости»⁷.

Напомним, что мы отстаивали позицию, согласно которой идеология должна быть внутри социальных движений, а не социальные движения должны быть внутри идеологии. Специфическая анархистская организация взаимодействует с социальными движениями, стремясь повлиять на них, чтобы они имели наиболее либертарные и эгалитарные формы⁸. Хотя мы рассматриваем анархизм и социальные движения как

⁷ Его же. «The Purpose of the Revolution». Из: *Anarchists, Socialists and Communists*, стр. 55.

⁸ В «*Em Torno de Nosso Anarquismo*» Малатеста подчеркивает: «Провоцировать, насколько это возможно, движение, участвуя в нем всеми силами, **придавая ему более эгалитарный и либертарный характер**, то есть; поддерживать все прогрессивные силы; защищать то, что лучше, когда нельзя

разные уровни деятельности, мы считаем, что между ними существуют отношения взаимного влияния. Эта взаимодополняющая и диалектическая связь приводит к тому, что анархизм влияет на социальные движения, а социальные движения – на анархизм. Когда мы говорим о социальном внедрении, мы имеем в виду влияние анархизма на социальные движения. В этом отношении, несмотря на разделение политического (анархистская организация) и социального (социальные движения) уровней, мы не считаем, что должна существовать иерархия или доминирование политического уровня над социальным. Мы также не считаем, что политический уровень борется за социальный уровень или перед ним, но вместе с ним – это этические отношения. В своей деятельности в качестве активного меньшинства специфическая анархистская организация борется вместе с эксплуатируемыми классами, а не за них или перед ними, поскольку «мы не хотим освободить народ, мы хотим, чтобы народ сам освободил себя»⁹. Далее мы обсудим эти отношения между специфической анархистской организацией и социальными движениями немного подробнее.

Когда речь идет о социальном внедрении как влиянии, которое специфическая анархистская организация оказывает на общественные движения, мы понимаем, что важно немного подробнее остановиться на том, что мы подразумеваем под словом «влияние». Влиять для нас означает вызывать изменения в человеке или группе людей посредством убеждения, совета, примера, руководства, понимания и практики. Прежде всего мы считаем, что в самом обществе в любой момент времени существует множество влияний между различными агентами, которые влияют и на которых влияют. Мы даже можем сказать, что «отказ от влияния на других означает отказ от социального действия или даже от выражения собственных мыслей и чувств, которое [...] стремится к небытию»¹⁰. Даже с антиавторитарной точки зрения это влияние неизбежно и здорово.

*«В природе, как и в человеческом обществе, которое не что иное, как сама эта природа, все живущее живет только при этом высшем условии самого положительного вмешательства и настолько энергичного, насколько это позволяет натура индивида, в жизнь другого. Уничтожение этого взаимного влияния было бы, стало быть, смертью. И когда мы требуем свободы масс, мы не претендуем уничтожать ни одного из этих естественных влияний на них ни одной личности, ни одной группы»*¹¹.

В практической работе это влияние должно исходить из тех характеристик, которые мы стремимся придать социальным движениям. Ранее, когда мы рассматривали социальные движения и народную организацию, мы обсуждали эти характеристики более подробно. Поэтому сейчас мы не ставим перед собой задачу повторно их описывать. Мы лишь еще раз кратко укажем на те характеристики, которые мы должны

получить максимум, но **всегда очень четко сохраняя наш анархистский характер**». [Подчеркнуто автором] См. *Escritos Revolucionários*, стр. 80

⁹ Errico Malatesta. «The Organisation of the working masses...». Из: *Escritos Revolucionários*, стр. 40.

¹⁰ «The Political Philosophy of Bakunin. Compiled and edited by G. P. Maximoff», Part III The System of Anarchism – 01 Freedom and Equality. Цитата из себя представляет вольный пересказ слов Бакунина статьи «Всестороннее Образование»: «жизнь без всякого общества, вне всякого человеческого влияния, полное отчуждение равняются нравственной и физической смерти».

¹¹ Михаил Бакунин, «Протест Альянса».

поддерживать в социальных движениях. Это: сила, классовая борьба, боевитость, автономия, прямое действие, прямая демократия и революционная перспектива.

Социальные движения должны быть сильными, не впадая в идеологию, так как навязывание общественным движениям дела анархизма «было бы не чем иным, как полным отсутствием мысли, цели и общего образа действий, и [...] неизбежно привело бы к общему бессилию»¹². Они должны быть ориентированы на классовую борьбу и иметь классовую линию, что означает стремление к широкому участию эксплуатируемых классов и поддержку классовой борьбы; они должны быть воинственными, устанавливая свои завоевания путем навязывания своей социальной силы; они должны быть автономными по отношению к государству, политическим партиям, бюрократическим профсоюзам, церкви и другим бюрократическим и/или авторитарным органам, принимая свои решения и действуя самостоятельно.

Кроме того, они должны использовать прямое действие как форму политического действия в противовес представительной демократии. «По сути, речь идет о том, чтобы отдать приоритет инициативе народных организаций, бороться за минимально возможное посредничество и следить за тем, чтобы необходимое посредничество не привело к появлению отдельных центров принятия решений, отделенных от тех, кого это касается»¹³. Социальные движения также должны использовать прямую демократию как метод принятия решений, который происходит на горизонтальных собраниях, где все участники принимают эффективные решения в эгалитарной манере. Прямая демократия не дает места «никаким привилегиям, будь то экономическим, социальным или политическим, [...] и представляет собой] институциональную структуру, где немедленно обеспечивается отзыв членов и где, следовательно, нет места привычной политической безответственности, характерной для представительной демократии»¹⁴. Наконец, революционная перспектива, которая «должна быть внедрена и развита в нем [социальном движении] постоянной работой революционеров, работающих вне и внутри его лона, но которая не может быть естественным и нормальным проявлением его функции»¹⁵.

Социальное внедрение специфической анархистской организации в общественные движения, происходящее через влияние, должно указывать, во вторую очередь, на соединение борьбы и создание народной организации, стремящейся к постоянному увеличению своей социальной силы.

Для осуществления социальной работы и внедрения анархистская организация должна обратить внимание на некоторые вопросы.

Мобилизация должна происходить главным образом через практику, так как именно в разгар борьбы люди замечают, что они могут завоевать все больше и больше. Гораздо больше, чем говорить, мы должны учить на деле, на примере, который «лучше, чем словесные объяснения, которые [работник] получает от своих товарищей; быстро узнавая все на своем личном опыте, который теперь неотделим и един

¹² Mikhail Bakunin. «Tactics and Revolutionary Party Discipline». Из: *Conceito de Liberdade*, стр. 192.

¹³ FAU. *Declaración de Principios*.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Errico Malatesta. «Los Movimientos Obrero y los Anarchists». Отрывки из *Umanità Nova*, April 6, 1922. Из: Vernon Richards. Op. стр. 114.

с опытом других»¹⁶. Для нас очень важно учитывать, что процесс мобилизации и влияния проходит, помимо объективных аспектов борьбы, через субъективные аспекты. Наша практика показывает, что для мобилизации и влияния на социальные движения очень важно использовать не только рациональные и целевые аспекты, но и эмоциональные и субъективные аспекты, то есть аффективные связи, дружеские отношения, которые естественным образом возникают в ходе борьбы. Также важно определить людей в районах, сообществах, движениях, профсоюзах и т. д., которые имеют влияние на других (местные лидеры, ориентированные на низы и признанные ими), и направить усилия на них. Эти люди очень важны для помощи в мобилизации низов, для придания потенциала анархистскому влиянию или даже для интеграции в группировки тенденции. Таким образом, мобилизация в конечном итоге функционирует как своего рода «конверсия», важно отметить, что:

«[...] вы можете убедить только тех, кто чувствует потребность в этом, тех, кто уже имеет в своих инстинктах или в несчастьях своего положения, внешнего или внутреннего, все, что они хотят дать им; вы никогда не убедите тех, кто не чувствует потребности в каких-либо изменениях, даже тех, кто, желая оставить положение, в котором они недовольны, вынужден, по природе своих моральных, интеллектуальных и социальных привычек, искать положение в мире, который не соответствует вашим идеям»¹⁷.

В этом процессе мобилизации специфическая анархистская организация всегда, несмотря ни на что, должна действовать этично, стараясь не стремиться к установлению отношений иерархии или доминирования с социальными движениями; говорить правду и никогда не обманывать людей, а также всегда поддерживать солидарность и взаимопомощь по отношению к другим активистам. Кроме того, она должна занимать про/положительную позицию, стремясь развивать движения и заставлять их двигаться вперед, а не просто представлять критические позиции.

Даже если позиции анархистской организации не являются большинством, их необходимо демонстрировать, разъясняя взгляды, которые она отстаивает. Вступая в контакт с иерархическими движениями, анархистская организация должна всегда помнить, что то, что ее интересует, всегда является низовым звеном социальных движений. Поэтому в любой работе организация всегда должна обращаться не к лидерам и тем, кто владеет властными структурами социальных движений, а к рядовым активистам, которые, как правило, угнетаются руководством и составляют периферию, а не центр движений.

Еще один момент, на который следует обратить внимание, заключается в том, что бойцы специфической анархистской организации должны хорошо знать среду, в которой они работают, постоянно присутствуя в общественных движениях, в которых они предлагают вести социальную работу. Знание «местности», на которой действует человек, очень важно для того, чтобы знать, какие политические силы действуют, кто потенциальные союзники, кто противники, где сильные и слабые стороны, возможности и угрозы. Постоянное присутствие важно для того, чтобы анархистские активисты были полностью интегрированы с другими активистами

¹⁶ Mikhail Bakunin. «Militant Education». Из: *Conceito de Liberdade*, стр. 146.

¹⁷ Mikhail Bakunin. «Workers, Peasants, and Bourgeois Intellectuals». Из: *Conceito de Liberdade*, стр. 110.

социальных движений, чтобы они имели признание, чтобы к ним прислушивались, чтобы их хотели видеть, чтобы они были желанными людьми.

В стратегических рамках мы можем понять, что специфическая анархистская организация должна вести социальную работу, поскольку «как анархисты и рабочие, мы должны подстрекать и поощрять их [рабочих] к борьбе и бороться вместе с ними»¹⁸. Подстрекая и поощряя людей, мы должны стремиться к социальному внедрению и гарантировать, что социальные движения будут работать наиболее либертарными и эгалитарными способами, насколько это возможно. С помощью социального внедрения в социальные движения мы должны соединить борьбу и создать народную организацию. Таким образом мы сможем стимулировать постоянный рост социальной силы и подготовить эксплуатируемые классы к социальной революции, потому что «наша цель – подготовить народ морально и материально к этой необходимой экспроприации; она заключается в том, чтобы попытаться возобновить эту попытку столько раз, сколько революционная агитация даст нам возможность сделать это, до окончательной победы»¹⁹, с установлением либертарного социализма. Таким образом, мы можем сказать, что функция специфической анархистской организации в ее социальной работе и внедрении заключается в том, чтобы быть «двигателем социальной борьбы. Двигателем, который не заменяет и не представляет их»²⁰. Мы считаем возможным построить этот двигатель, «принимая активное участие в повседневной борьбе народных движений, сначала в Бразилии, в Латинской Америке и особенно в Рио-де-Жанейро»²¹.

¹⁸ Errico Malatesta. «Programa Anarquista». Из: *Escritos Revolucionários*, стр. 18.

¹⁹ Там же, стр. 17.

²⁰ FAU. *Declaración de Principios*.

²¹ FARJ. *Carta de Principios*.

Часть 10. САО: Производство и Воспроизводство Теории

Другим важным видом деятельности специфической анархистской организации является производство и воспроизводство теории. Мы понимаем теорию как «[набор] концепций, согласованно сформулированных между собой [...], инструмент, средство, [которое] служит для выполнения работы, служит для производства знаний, которые нам необходимо производить»¹. Теория является основополагающей как для разработки стратегии, так и для пропаганды, которую осуществляет организация. Стратегия направлена на повышение эффективности работы анархистской организации, в то время как пропаганда очень важна в смысле продвижения анархистских идей.

Таким образом, мы понимаем этот набор согласованно сформулированных концепций – теорию – как необходимый инструмент для практики, для выполнения специфической работы. Поэтому, «если она не служит нам для производства нового знания, полезного для политической практики, теория бесполезна».

Создаваясь в рамках специфической анархистской организации, теория формализует понятия, чтобы организация могла:

- 1) понять реальность, в которой она действует,
- 2) сделать прогноз целей процесса социальной трансформации и
- 3) определить действия, которые будут предприняты для того, чтобы реализовать этот процесс на практике.

Мы называем эту схему стратегией, и ниже мы рассмотрим ее более подробно.

В стремлении понять реальность, в которой действует человек, теория упорядочивает информацию и данные, формализует понимание исторического момента, в котором мы действуем, и определение социальных, политических и экономических характеристик. То есть, она осуществляет полный анализ реальности, в которой действует специфическая анархистская организация. В этом случае важно, помимо общего чтения, мыслить регионально там, где вы действуете; поскольку в противном случае вы рискуете применить методологию, которая не подходит для процесса социальной трансформации (например, «импорт» готовых теорий из других времен и других контекстов). Однако теория для нас на этом не заканчивается. Именно через нее анархистская организация делает прогноз целей, которые социальная трансформация намерена наложить на капиталистическую систему. Концепция либертарного социализма и революционного процесса трансформации может быть осмыслена сегодня только в теоретической перспективе, поскольку на практике мы живем не в революционное время.

¹ ФАУ, «Уэрта Гранде. Важность теории».

Таким образом, теория организует концепции, определяющие трансформацию нынешнего общества к будущему, а также само это общество, которое является конечной целью специфической анархистской организации. Теория также определяет, как анархическая организация должна действовать в той реальности, в которой она оказалась, чтобы достичь своих конечных целей. Таким образом, все наши сегодняшние размышления о полном процессе социальных преобразований, которые мы намерены наложить на общество, являются теоретическими размышлениями, поскольку, несмотря на то что они реализуются на практике, они происходят не полностью, а частично, с разработкой шагов, касающихся начала процесса. Другие шаги отнесены к будущему и сегодня также могут быть осмыслены лишь теоретически.

Теория также очень важна в процессе пропаганды, поскольку для продвижения анархистских идей необходимо связно формулировать концепции. Помимо того, что пропаганда происходит – в более широком смысле – на практике, теория также играет в ней очень важную роль. Когда теория используется для пропаганды, она формализует прошлое с изучением и воспроизведением анархистских теорий, цель которых – углубить идеологический уровень и сделать анархистскую идеологию более известной. Это может происходить и по отношению к настоящему и будущему – теоретическое распространение материалов, объясняющих нашу критику нынешнего общества, нашу концепцию будущего общества и процесса социальных преобразований. Важно также, что производство теории направлено на обновление устаревших идеологических аспектов или на адаптацию идеологии к конкретным и специфическим реалиям. Весь этот процесс теоретической пропаганды является основополагающим для того, чтобы собрать людей вокруг нашего дела. Чем больше теории будет создано и распространено, тем легче будет проникнуть анархизму в общество.

Мы понимаем, что теория является основой для практики. Когда мы работаем с правильными и четко сформулированными концепциями, практика гораздо эффективнее. «Если нет четкой и конкретной [теоретической] линии, нет и эффективной политической практики»², а политическая воля организации серьезно рискует быть размытой.

Кроме того, мы не считаем, что для того, чтобы действовать, анархистская организация должна, прежде всего, иметь глубокую и развитую теорию. На самом деле, есть организации, которые считают, что большая проблема анархизма заключается в разработке, почти математическом, анархической теории. Для нас, хотя мы и отстаиваем, что теория очень важна для эффективной практики, мы не верим, что теория, созданная без конкретного и продолжительного контакта с практикой, может принести какие-либо многообещающие плоды. Теория, продвигаемая интеллектуалами, оторванными от борьбы или мало занимающимися общественной деятельностью, – интеллектуалами, считающими, что они поняли теорию лучше других и нашли окончательные ответы на теоретические вопросы, – малопригодна, поскольку именно на практике мы проверяем, служит ли теория чему-либо; практика обязательно способствует теории. Мы не верим, как многие из этих интеллектуалов, что только с теорией мы обязательно получим эффективную практику. Если эта теория не была

² Там же.

построена при широком и постоянном контакте с практикой, то шанс того, что она окажется бесполезной, огромен.

Когда мы начали введение к этому тексту с подзаголовка «Чтобы эффективно теоретизировать, необходимо действовать»³, мы имели в виду именно ту мысль, что для последовательного и эффективного теоретического производства нет другого пути, кроме как производить его также из практического опыта. При этом не всегда теория определяет практику. Мы считаем, что теория и практика дополняют друг друга, что из теории вы практикуете, а из практики теоретизируете. Если сегодня мы можем теоретизировать о нашей идеологии, то это потому, что мы проверяем ее на практике, проверяем, что работает, что не работает, что актуально, а что нуждается в обновлении. Мы знаем, что часто «на практике теория оказывается другой», и это в первую очередь относится к анархизму. Не все, что было создано или создается теоретически в рамках анархизма, служит той практике, которую мы хотим. Это касается и менее идеологических аспектов, таких как анализ ситуации, оценка действующих политических сил и т.д., которые могут быть даже интересными теориями, но если они не находят согласованности на практике, то не будут служить нам ни для чего.

Важное значение, которое мы придаем практике, уделяется абсолютной важности процессу социальной работы и внедрения. Она подвергает анархистскую идеологию испытанию, позволяя анархистской организации лучше осмыслить свои возможности и горизонты, быть более программной, действовать ногами на земле и жить так, как есть, а не так, как нам хотелось бы. По этой причине социальная работа и внедрение позволяют с большей точностью осуществлять все теоретическое производство анархистской организации.

Из этого соотношения теории и практики мы понимаем теоретический путь специфической анархистской организации как постоянный путь теоретизирования, практики, оценки теории и, при необходимости, ее переформулирования, теоретизирования, практики и так далее.

Многие анархистские организации определяют теорию только как осмысление реальности, в которой они действуют. Таким образом, они отделяют теорию от идеологии, причем первая – это «набор понятий, согласованно сформулированных между собой», которые служат только для выработки ответов на то, что мы называем «первым вопросом стратегии», то есть «где мы находимся». В этом смысле теория сводится к поиску более глубокого понимания реальности, в которой вы действуете. С этим мы согласны. Однако мы считаем, как уже говорилось выше, что теория также служит для ответа на второй и третий вопросы стратегии, то есть «куда мы хотим попасть» и «как, по нашему мнению, мы можем покинуть место, где мы есть, и попасть туда, где мы хотим быть».

Таким образом, в этой стратегической структуре теория не ограничивается первым вопросом, но также стремится ответить на второй и третий вопросы. Более того, эта теория, задействованная в стратегии, обязательно содержит идеологические элементы, а значит, в данном случае теория и идеология, несмотря на то что являются разными понятиями, не могут быть четко разделены. Теория обязательно несет в

³ Там же.

себе идеологические аспекты, а идеология обязательно несет в себе теоретические аспекты. Таким образом, между ними существует прямая связь.

Исходя из такого понимания соотношения теории и идеологии, мы считаем, что специфическая анархистская организация должна работать с тем, что мы называем идеологическим и теоретическим единством. Это единство возникает в процессе принятия решений анархистской организацией и имеет целью определить четкую политическую линию (теоретическую и идеологическую), которая обязательно должна направлять всю деятельность и действия организации, которые, «общего и частного характера постоянно» должны «находиться в точной связи с исповедуемыми им идеологическими началами»⁴ то есть с линией, определенной организацией. Мы не считаем возможным работать с несколькими теоретическими и идеологическими концепциями без того, чтобы это не означало постоянных конфликтов и неэффективной практики. Отсутствие этой теоретической и идеологической политической линии приводит к отсутствию или противоречивому оформлению набора концепций, результатом чего является неправильная, запутанная и/или неэффективная практика.

С такой четко определенной политической линией каждый знает, как действовать, а в случае возникновения с ней практических проблем необходимо, как все знают, ее пересмотреть. Когда теоретическая и идеологическая линия не определена и возникают проблемы, трудно понять, что нужно пересмотреть. Поэтому именно четкость этой линии позволяет организации развиваться теоретически.

⁴ Нестор Махно, «Организационная Платформа Всеобщего Союза Анархистов». Принципы Анархической Организации.

Часть 11. САО: Анархистская пропаганда

Специфическая анархистская организация также занимается анархистской пропагандой. «Пропаганда не есть и не может быть иначе, как постоянное, неустанное повторение принципов, которые должны быть нашим руководством в поведении, которому мы должны следовать в различных случаях жизни»¹. Таким образом, мы понимаем пропаганду как распространение идей анархизма и, следовательно, как основную деятельность анархистской организации. Ее цель – сделать анархизм известным и привлечь людей к нашему делу. Пропаганда – это один из видов деятельности анархистской организации, но не единственный. Она должна вестись постоянно и организованно.

«Пропаганда организации должна вестись непрерывно, как и пропаганда всех остальных постулатов анархистского идеала»². Чтобы пропаганда имела силу, она должна вестись постоянно. Пропаганды, которая ведется время от времени, недостаточно, чтобы сделать анархизм известным и, тем более, привлечь к нему людей. Поэтому первое утверждение, которое мы делаем, заключается в том, что пропаганда должна быть постоянной.

Кроме того, пропаганда не должна вестись изолированно, поскольку, как и всякая несогласованная деятельность, она не будет иметь нужной силы. Как мы уже видели, организация – понимаемая как координация сил для реализации цели – умножает результаты индивидуальной работы, и это также относится к пропаганде. Когда мы организованы, результат нашей пропагандистской работы – будь то теоретическая или практическая пропаганда – умножается и достигает результатов, намного превосходящих простую сумму индивидуальных сил. Поэтому второе утверждение, которое мы делаем, заключается в том, что пропаганда должна вестись организованно, потому что это умножает ее плоды.

«Случайная, изолированная пропаганда, которая часто ведется для успокоения собственной совести или просто для смягчения страстей путем обсуждения, практически ничего не дает. В условиях непоследовательности и несчастья, в которых находятся массы, при наличии стольких противостоящих им сил, такая пропаганда забывается прежде, чем ее усилия успевают накопиться и принести плодотворные плоды. Почва очень неблагоприятна, когда семена, которые должны прорасти и пустить корни, посеяны беспорядочно»³.

Мы утверждаем, что специфическая анархистская организация использует все имеющиеся в ее распоряжении средства для осуществления этой постоянной и организованной пропаганды. Во-первых, в теоретической, образовательной и/или

¹ Errico Malatesta. «Programa Anarquista». Из: *Escritos Revolucionários*, стр. 7.

² Luigi Fabbri. «A Organização Anarquista». Из: *Anarco-Comunismo Italiano*, стр. 97.

³ Errico Malatesta. «La Propaganda Anarquista». Отрывки из *L'Agitazione*, 22 de setembro de 1901. In: Vernon Richards. Op. Cit. стр. 172.

культурной сфере, где проводятся курсы, беседы, дебаты, конференции, учебные группы, веб-сайты, электронная почта, театр, бюллетени, газеты, журналы, книги, видео, музыка, библиотеки, публичные мероприятия, радиопрограммы, телепередачи, либертарные школы и т. д. Мы искренне ценим всю эту пропаганду и считаем, что она является основополагающей для привлечения людей и обеспечения того, чтобы они знали критику, а также конструктивные предложения анархизма. Таким образом, можно развить в людях антиавторитарные ценности, стимулировать их сознание, заставить их смотреть на эксплуатацию и господство более критично, чтобы они обратили внимание на альтернативные варианты борьбы и организации. К этим людям можно найти подход, стремясь углубить их знания, вовлечь их в дискуссии, а также организовать их для действий.

Этот вид пропаганды, когда она проводится в больших масштабах, имеет фундаментальное значение, поскольку выполняет функцию социальной «смазки», которая медленно меняет культуру, в которой мы живем, и облегчает внедрение анархистских идей и практик в общество. Эта массовая пропагандистская работа медленно переворачивает сознание людей и заставляет идеологию капитализма, которая уже транслируется в форме культуры, подвергаться сомнению и еще меньше воспроизводиться после. Поскольку мы понимаем сознание как способность людей знать ценности и этические принципы и применять их, мы считаем, что эта пропагандистская деятельность очень важна для постоянного завоевания сознания.

В первую очередь необходимо избавиться от предрассудков и капиталистической культуры, затем добиться того, чтобы люди взглянули на авторитаризм критически. И наконец, привлечь часть этих людей к борьбе с авторитаризмом. Мы понимаем, что любой процесс социальных преобразований с конечными целями, подобными тем, которые мы предлагаем, будет зависеть от принятия или, по крайней мере, от «не-неприятия» со стороны больших слоев населения. И пропаганда, в этом смысле теоретическая, образовательная и/или культурная, будет этому в значительной степени способствовать. Таким образом, «пропаганда, проводимая организованными анархистами, – это также способ заявления себя с целью подготовки будущего общества: это сотрудничество с целью создания способа влияния на окружающую среду и изменения ее условий»⁴. Однако мы должны понимать ограничения этой пропаганды.

Пропаганда в этой теоретической, образовательной и/или культурной сфере имеет своей главной целью повышение уровня сознательности. Следовательно, она направлена на трансформацию представлений людей. И именно поэтому мы видим серьезные ограничения в этой модели пропаганды. Повышение уровня сознательности ни в коем случае не означает, что эксплуатация и господство капиталистического общества будут уменьшаться. Это также не означает, что люди обязательно начнут организовываться для борьбы. Сегодня основные средства массовой информации и даже рост городов, фрагментация сообществ, среди прочих факторов, делают пропаганду в массовом масштабе очень трудной, и мы должны помнить, что даже когда этих трудностей не было, и когда анархическая пропаганда была очень сильной – с постоянно функционирующими культурными центрами, газетами с очень высокими

⁴ Luigi Fabbri. «A Organização Anarquista». Из: *AnarcoComunismo Italiano*, стр. 115–116.

ежедневными тиражами – социальные преобразования не были гарантированы. В конечном счете, можно считать, что даже при всех трудностях, которые существуют для реализации «массовой» пропаганды, рост сознательности не обязательно означает организацию и борьбу, а также конец или даже уменьшение эксплуатации и господства. Можно сказать, что в гипотетической ситуации, когда каждый человек сознателен, мы, тем не менее, продолжали бы быть эксплуатируемыми и угнетенными. Поэтому:

«[...] ни писатели, ни философы, ни их творения, ни, наконец, социалистические газеты не составят ещё живого и могучего социализма. Этот последний находит реальное существование лишь в сознательном революционном инстинкте, в коллективной воле и в собственной организации [...]; и когда этот инстинкт, эта воля и эта организация отсутствуют, лучшие книги в мире являются лишь теориями в пустом пространстве, бессильными мечтами»⁵.

По этой причине мы считаем, что помимо пропаганды, которая ведется в теоретической, образовательной и/или культурной сфере, мы должны также поддерживать, главным образом, пропаганду, которая ведется в борьбе и организации, то есть пропаганду в социальной работе, направленную на социальное внедрение.

Действуя в рамках классовой борьбы и социальных движений, работа анархистской пропаганды направлена на мобилизацию, организацию и завоевание влияния на социальные движения с помощью анархистской практики. Мы настойчиво помним, что влияние анархизма на движения означает стремление к тому, чтобы они обладали теми характеристиками, которые мы отстаиваем: силой, перспективой классовой борьбы, боевитостью, автономией, прямым действием, прямой демократией и революционной перспективой. Для достижения этого влияния специфическая анархистская организация ведет свою пропаганду, категорически, словами и, прежде всего, примером⁶.

Весь процесс социальной работы и внедрения, о котором мы говорили ранее, мы понимаем как основную пропагандистскую работу, которую должна развивать анархистская организация. В борьбе, будучи активным меньшинством, анархисты создают общественные движения, присоединяются к уже существующим движениям и стремятся повлиять на них, насколько это возможно – всегда своим примером – чтобы они функционировали наиболее либертарным и эгалитарным образом, насколько это возможно. Таким образом, данная работа является:

«[...] воспитывать свободу, возвышать сознание собственной силы и возможностей рабочих, привыкших к повиновению и пассивности. Поэтому необходимо действовать таким образом, чтобы люди действовали сами или, по крайней мере, считали, что

⁵ Михаил Бакунин, «Письма к Французу. Полное воспроизведение рукописи Бакунина».

⁶ В Положении о Женевской секции Альянса социалистической демократии, написанном Бакуниным, он рекомендует: «Нельзя стать членом, не приняв, искренне и полностью, всех его принципов. Старые члены обязаны, а недавние должны обещать вести **вокруг себя, по возможности, самую активную пропаганду, как своим примером, так и словами**» [выделено нами]. См. «*Conception of Freedom*», стр. 201.

делают это по инстинкту и самовнушению, хотя в действительности им это было подсказано»⁷.

Таким образом, анархистская пропаганда служит всему процессу работы анархистов в активном меньшинстве в рамках социальных движений и в реальном создании народной организации.

Когда мы занимаемся анархистской пропагандой, мы обязательно должны думать о той аудитории, которая наиболее подходящая этому. Мы понимаем, что лучшая пропаганда – это та, которую мы реализуем среди социальных движений, придающих форму классовой борьбе. Таким образом, стремясь к краткосрочной выгоде, работая среди людей, организованных по нужде, мы понимаем, что с помощью пропаганды можно посеять семена нашего анархизма и довести общество до революционного процесса, открывающего путь к либертарному социализму. Не то чтобы другие альтернативы нам не подходили, но размышления о том, «где и для кого вести пропаганду», должны быть всегда.

⁷ Errico Malatesta. «La Propaganda Anarquista». Отрывки из *L'Adunata dei Refrattari*, 26 декабря 1931. Из: Vernon Richards. Op. Cit. стр. 170.

Часть 12. САО: Политическое образование, отношения и управление ресурсами

Наконец, мы немного коснемся других видов деятельности специфической анархистской организации: политического обучения, отношений и управления ресурсами.

Политическое образование или обучение является основополагающим для функционирования анархистской организации. На политическом уровне специфической анархистской организации образование имеет своей главной целью повышение уровня знаний, теоретической и идеологической глубины участников организации. Оно также оказывает поддержку новым участникам, чтобы различия в уровне образования между менее и более образованными были как можно меньше, и чтобы эти различия не сказывались на высоком уровне дискуссий внутри организации. В целом, политическое образование способствует теоретическому и идеологическому развитию организации и обеспечивает единство. Для поддерживающих сторонников специфической анархистской организации политическое образование обеспечивает теоретическую и идеологическую базу для понимания ее политической линии.

Политическое образование политического уровня организации углубляет исторические, текущие и будущие вопросы так же, как и знания о других идеологических течениях и общественных движениях. Политическое образование может быть реализовано через: курсы и учебные книги для активистов, образовательные семинары, самообразование, которым занимаются сами активисты, и т. д.

На социальном уровне, на уровне общественных движений, анархистская организация также работает с политическим образованием в смысле содействия развитию теории и идеологии. Это образование служит, в первую очередь, для мобилизации людей. Затем для обучения активистов из числа обычных людей и оказания им необходимой поддержки, чтобы они могли развиваться теоретически и, если возможно, присоединиться к группировкам тенденции. Наконец, политическое образование направлено на развитие активистов, которые действуют в группировке тенденции, и, при идеологической близости, на их интеграцию их в анархистскую организацию. Это политическое образование на социальном уровне является основополагающим для политизации активистов. Для того чтобы социальные движения обладали желаемыми характеристиками и указывали на создание народной организации, необходимо, чтобы активисты были максимально политизированы, и в этом политическое образование играет важную роль.

Практически, это политическое образование социального уровня также может происходить различными способами: с углублением в исторические, текущие и

будущие вопросы и со знанием анархизма и социальных движений; с книгами и курсами социального образования; с лекциями и дебатами; и другое.

Политическое образование имеет большое значение для всего движения, для воинственности в рамках логики концентрических кругов, представленной ранее, как на политическом уровне, так и на социальном.

Отношения в специфической анархистской организации также являются основополагающими и делятся, таким же образом, на социальный и политический уровни.

На политическом уровне анархистская организация стремится поддерживать отношения с организациями, группами и отдельными людьми из всех мест, чтобы они могли внести свой вклад в ее практику. Отношения могут быть более или менее органичными, более или менее формальными. В любом случае, важно иметь партнеров и стремиться к большим конфедеративным организациям, объединяющим различные анархистские организации. На социальном уровне организация стремится знать и поддерживать отношения с общественными движениями, в большей или меньшей степени связывая себя с ними, или даже вступать в контакт с другими организациями, такими как университеты, советы, фонды, НПО, правозащитные и экологические организации и т. д.

Управление ресурсами конкретной анархистской организации осуществляется через проекты самообеспечения, которые реализуются за счет сбора средств самими участниками, другими людьми или даже через такие инициативы, как кооперативы и так далее, и которые являются основополагающими для поддержания анархистской организации и всей ее деятельности. Несмотря на то, что мы выступаем против логики капитализма, пока мы живем в его рамках, нам придется собирать средства и управлять ими для осуществления нашей деятельности. Эти средства важны: для выполнения социальных работ (перевозка активистов и т. д.); для покупки книг; для печати пропагандистских материалов (брошюр, газет, книг, видео и т. д.); для структур организации (содержание помещений и т. д.); для поездок и других видов деятельности.

Часть 13. САО: Отношения Специфической Анархистской Организации с Социальными Движениями.

До сих пор мы несколько раз говорили о разделении социального и политического уровней действия. Мы намерены более подробно раскрыть то, что мы понимаем под каждым из этих уровней, сильные и слабые стороны каждого из них и, особенно, то, как, по нашему мнению, они могут соотноситься друг с другом.

Для нас социальный уровень – это та сфера, в которой развиваются социальные движения и в которой мы должны стремиться к наращиванию и увеличению социальной силы народной организации. На этом уровне социальные движения выступают в качестве привилегированных акторов, но не сводятся к ним. На этом уровне, когда мы имеем дело с социальными движениями, мы подчеркиваем, что они не должны вписываться в рамки идеологии, а должны формироваться вокруг потребности, общего и конкретного дела. Они должны быть организованы вокруг конкретных и прагматичных вопросов, направленных, в случае победы, на улучшение условий жизни эксплуатируемых классов. Социальные движения могут быть организованы для борьбы по вопросам земли, жилья, работы, для защиты рабочих от работодателей, для требования улучшений в обществе, для отстаивания многих других вопросов. В этих движениях должны быть все те, кто заинтересован в борьбе по этим вопросам, и кто выиграет от победы в этой борьбе.

Как мы видим, чем больше эти социальные движения организованы и обладают желаемыми характеристиками (сила, классовая борьба, боевитость, автономия, прямое действие, прямая демократия и революционная перспектива), тем больше шансов, что они смогут построить народную организацию и постоянно увеличивать свою социальную силу. Мы понимаем, что только при слиянии различных общественных движений в построении народной организации мы сможем преодолеть капитализм и государство и построить либертарный социализм через социальную революцию. То есть социальный уровень – это самый важный уровень для социальных преобразований, которые мы собираемся осуществить в обществе, и без него любые изменения, о которых вы думаете, не приведут ни к каким результатам, кроме создания нового класса эксплуататоров. Поэтому социальный уровень – главное действующее лицо в процессе социальных преобразований.

Тем не менее, как мы видели, этому социальному уровню присущи некоторые характеристики, которые в итоге усложняют этот процесс социальной трансформации (то есть движения: «социальные движения → народная организация → социаль-

ная революция –> либертарный социализм»). Во-первых, потому что различные политические силы, которые взаимодействуют с социальными движениями, и сами социальные движения часто не обладают нужными характеристиками для того, чтобы этот процесс трансформации произошел.

Трудности, возникающие из-за авторитарных сил, действующих в социальных движениях, многочисленны: есть организации, которые стремятся идеологизировать движения, делая их слабыми; есть организации, которые пытаются использовать их, заставляя их функционировать в своих собственных целях (которые отличаются от целей движений); есть движения, которые не стремятся к участию эксплуатируемых классов и в итоге становятся «авангардом», оторванным от низов; есть движения, которые функционируют только с помощью правительств и капиталистов; Есть движения, полностью связанные с политиками, партиями и другими авторитарными группировками; есть движения, которые хотят избирать кандидатов и участвовать в политической жизни только через представительную демократию; есть движения, поддерживающие иерархические отношения, в которых руководство решает, а низы только подчиняются; есть реформистские движения; есть изолированные движения, не желающие связываться с другими; есть движения, не формулирующие теорию и анализ ситуации, и многие другие.

Другие трудности возникают в связи с фактическим функционированием социальных движений. Поскольку они всегда организуются вокруг краткосрочной борьбы, существует очень большой риск, что их конечной целью окажется простая победа в этой борьбе. Когда это происходит, многие социальные движения становятся реформистскими движениями – то есть движениями, целью которых является приспособление или достижение в рамках капиталистической системы. Чаще всего эта краткосрочная борьба отдаляет социальные движения от революционной борьбы. Более того, поскольку эти движения в большинстве случаев формируются спонтанно, то, несомненно, существуют организационные трудности для ведения долгосрочной борьбы. «Поэтому спонтанность, спонтанные мобилизации масс, являющиеся следствием накопления нерешенных проблем, которые просто «всплывают», если их не направлять и не использовать должным образом, затрудняют выход за пределы политической плоскости в плане изменения отношений власти»¹. Как мы видели, социальные движения все еще подвержены колебаниям ситуации, и иногда они виновны за демобилизацию. Эти процессы подъема также часто приводят к тому, что они теряют накопленные силы и знания в ходе борьбы.

То есть, если, с одной стороны, социальный уровень должен быть главным действующим актором социальных преобразований, то, с другой стороны, у него есть серьезные ограничения для того, чтобы это произошло. Мы понимаем, что эти преобразований будут результатом дополнения этого социального уровня политическим уровнем.

Политический уровень – это та сфера, в которой развивается специфическая анархистская организация. В отличие от социального уровня, политический уровень – это идеологический уровень, анархистский уровень. «Проблема власти, имеющая решающее значение для глубоких социальных преобразований, может быть решена

¹ Juan Mechoso. Op. Cit. стр. 194.

только на политическом уровне, через политическую борьбу. А это требует особой формы организации: революционной политической организации»².

Этот политический уровень обязательно должен взаимодействовать с социальным уровнем, поскольку мы понимаем, что без социального уровня политический уровень не способен осуществить желаемые социальные преобразования. Таким образом, политический уровень абсолютно нуждается в социальном уровне, который, как мы уже говорили, является главным актором социальных преобразований.

*«Ни восстание, ни длительный процесс борьбы невозможны на задворках или вдали от масс. Стихийная предрасположенность их, которую политическая организация должна направить в русло организационного и идеологического развития, всегда играет совершенно принципиальную роль. Нельзя совершить революцию в стороне или вопреки народу. И уж тем более нельзя построить новую социальную систему без первоначальной поддержки хотя бы значительной части народа»*³.

Специфическая анархистская организация стремится реализовать на практике революционную политику, которая представляет средства достижения конечных целей (социальная революция и либертарный социализм) с помощью действий, всегда основанных на стратегии. Для этого она организует активное меньшинство, координирующее идеологическую боевую деятельность, которая работает как закваска для борьбы социального уровня. Основная деятельность этого политического уровня – социальная работа, которая происходит, когда политический уровень взаимодействует с социальным. В этом контакте политический уровень стремится как можно больше повлиять на социальный уровень, заставляя его функционировать наиболее либертарным и эгалитарным образом. Мы видели, что это может происходить как непосредственно между анархистской организацией и социальными движениями, так и через группы тенденций. С того момента, как политический уровень достигает этого – даже частично – мы говорим, что он имеет социальное внедрение. Только через это социальное внедрение, как мы понимаем, можно построить народную организацию и, увеличивая ее социальную силу, достичь конечных целей. Поэтому для нас, как политический уровень нуждается в социальном уровне, так и социальный уровень нуждается в политическом уровне.

«Отсюда вытекает необходимость идеологической разъяснительной деятельности (и наличия необходимых для нее элементов), которая не противоречит, а дополняет другие уровни борьбы (экономический, военный и т.д.). Под идеологической деятельностью мы не имеем в виду, очевидно, «просветительскую» идеологическую проповедь, которая относится более или менее исключительно к распространению революционной «теории», хотя, уточним, это тоже имеет свое значение. Идеологическая деятельность – это нечто большее, чем просто распространение теоретических знаний. Факты, реальная политическая практика – это ингредиенты, ключевые элементы для интеграции уровня революционного сознания. [...] Существенный идеологический результат основан на демонстрации перед народом перспективы победы, пути надежды, уверенности в возможности глубоких революционных преобразований. [...] И эта «демонстративная» функция [...] есть функция политически организованного меньшинства, обладающего

² Там же, стр. 165.

³ Там же, стр. 195.

идеологическим уровнем сознания, который не может быть сформирован в спонтанной практике масс. Уровень, предполагающий преодоление спонтанности»⁴.

Таким образом, мы понимаем, что социальный и политический уровни дополняют друг друга. Это происходит потому, что политический уровень в процессе влияния, которое происходит при социальном внедрении, стремится придать социальному уровню желаемые характеристики, которых ему часто не хватает – в одних случаях из-за влияния авторитарных политических сил, а в других – из-за особенностей самого социального уровня.

В этом взаимодействии с социальным уровнем политический уровень должен: бороться за то, чтобы движения не были идеологизированными; избегать негативного влияния всех авторитарных сил, не позволяя им использовать социальные движения в своих целях; максимально вовлекать эксплуатируемые классы в процесс борьбы и делать их истинными действующими акторами социальных преобразований; чтобы движения не жили за счет благосклонности и помощи правящего класса, а навязывали свои завоевания силой; чтобы движения не были связаны с политиками, партиями и другими авторитарными группировками; чтобы они не добивались избрания представителей в парламентской системе, а проводили свою собственную политику; чтобы все участники движений могли обсуждать и дискутировать по всем вопросам самым демократическим образом; чтобы не было иерархии; чтобы социальные движения использовали свои краткосрочные достижения для построения долгосрочного революционного проекта; чтобы социальные движения объединяли и создавали народную организацию; чтобы они помогали в разработке и производстве теории и необходимого анализа ситуации; чтобы спонтанность превращалась в организацию; чтобы в случае спадов они не теряли накопленных сил и знаний о борьбе.

Для социального уровня характерны сильные подъемы и спады, поскольку он в большей степени, чем политический уровень, зависит от ситуации. Таким образом, важной функцией политического уровня является обеспечение преемственности идеологии и накопление опыта борьбы в периоды подъемов (или даже спадов) социального уровня. Это происходит потому, что «[анархистская] политическая организация – это также сфера, в которой аккумулируется опыт народной борьбы, как на национальном, так и на международном уровне. [Анархистская организация – это] учреждение, которое предотвращает размывание приобретаемых эксплуатируемыми и угнетенными знаний, происходящее с течением времени»⁵. В периоды подъема социальных движений роль специфической анархистской организации заключается в том, чтобы придать им импульс. В периоды спада роль специфической анархистской организации заключается в том, чтобы «поддерживать пламя», или ждать и готовиться к новым возможностям для действий.

«Анархизм не стремится к захвату политической власти, к диктатуре. Главное его стремление – помочь массам выйти на верную дорогу социального переворота и социалистического строительства. Но недостаточно стать массам на путь социальной

⁴ Там же, стр 167.

⁵ FAU. *Declaración de Principios*.

революции. Необходимо еще удержать направление революции и ее цель, – ниспровержение капиталистического общества во имя общества свободных тружеников»⁶.

Таким образом, процесс влияния политического уровня на социальный стремится к тому, чтобы он обладал желаемыми характеристиками. В тех случаях, когда они уже есть, политический уровень лишь сопровождает их; если их нет, он борется за то, чтобы они появились.

Когда мы определяем политический уровень как специфическую анархистскую организацию активного меньшинства, мы ищем смысл, противоположный авторитарной организации авангарда. Авторитаристы, также предлагая различие между социальным и политическим уровнями, считают, что политический уровень имеет отношения иерархии и доминирования по отношению к социальному уровню. Таким образом, иерархия и господство внутри политического уровня (авторитарных партий) воспроизводятся в его отношениях с социальным уровнем. Точно так же авторитаристы понимают воспроизводство сознания, которое работает с иерархией и господством внутри политического уровня, и которое в их понимании должно быть перенесено с политического уровня на социальный, с «сознательного» на «бессознательное». Именно так работают отношения иерархии и доминирования политического уровня над социальным. Отношения не двусторонние, от политического к социальному и наоборот, а скорее односторонние, только от политического к социальному, что в итоге становится ремнем передачи идей политического. Примером тому служит авторитарная идея, поддерживающая авангард как луч света, который призван освещать путь народа. Социальный уровень, находящийся во тьме, зависит от света политического уровня. Из различных исторических примеров мы знаем, что в этих отношениях, в которых политический уровень борется за социальный, политический уровень получает привилегированное положение.

«Но мы, анархисты, не можем освободить народ; мы хотим, чтобы народ освободил себя сам. Мы не верим в добро, которое приходит сверху и навязывается силой; мы хотим, чтобы новый способ общественной жизни возник из чрева народа, соответствовал степени развития, достигнутой человеком, и мог прогрессировать по мере его развития. Поэтому для нас важно, чтобы все интересы и все мнения нашли в сознательной организации возможность заявить о себе и влиять на коллективную жизнь пропорционально их значению»⁷.

Для любой специфической анархистской организации отношения между социальным и политическим уровнями неизбежно предполагают серьезное обсуждение вопроса этики. Мы с самого начала исходили из того, что: «ФАРЖ будет уважать сильные этические принципы, которые поддерживают ее, способствуя развитию политической культуры, основанной на уважении к плюрализму перспектив и близости целей»⁸.

Именно благодаря этике, и только благодаря ей, анархистская организация не выступает в качестве авторитарной (пусть даже революционной) партии. Этика

⁶ Нестор Махно, «Организационная Платформа...». VI. Роль масс и роль анархистов в социальной борьбе и социальной революции.

⁷ Errico Malatesta. «La Organización». Отрывки из *L'Agitazione*, 18 de junho de 1897. Из: Vernon Richards. Op. Cit. стр. 89.

⁸ FARJ. *Carta de Principios*.

анархизма, в отличие от всех других идеологий, занимает уникальную позицию в отношении взаимоотношений между социальным и политическим уровнями. По этой причине этика является абсолютно центральной для любой анархистской организации, которая хочет работать с социальными движениями. В отличие от авангардистской организации, политический уровень, организованный как активное меньшинство, действующее в соответствии с этикой, не имеет отношений иерархии или доминирования по отношению к социальному уровню. Для нас, как мы уже подчеркивали, социальный и политический уровни взаимодополняемы и находятся в диалектической взаимосвязи. В данном случае политический уровень дополняет социальный, равно как и социальный дополняет политический.

Вопреки тому, что предлагают авторитаристы, этика горизонтальности, действующая внутри специфической анархистской организации, воспроизводится в ее отношениях с социальными движениями. Вступая в контакт с социальным уровнем, специфическая анархистская организация действует этично, она не ищет привилегий, не навязывает свою волю, не доминирует, не обманывает, не отчуждает, не считает себя выше, не борется за социальные движения или перед ними. Она борется вместе с социальными движениями, не продвигаясь ни на шаг дальше того, что они намереваются сделать.

Мы понимаем, что с этой этической точки зрения на политическом уровне нет огня, который не был бы зажжен коллективно; нет движения вперед, освещающего путь народу, в то время как сам народ идет позади в темноте. Задача активного меньшинства, согласно этике, состоит в том, чтобы стимулировать, быть плечом к плечу, проявляя солидарность, когда она нужна и востребована. Благодаря этому, в отличие от авангарда, активное меньшинство оправданно.

«Индивидуальное заявление на поддержку общественного движения должна быть подвергнута проверке со стороны тех, кто намерен работать в этой ситуации. Сторонник или даже признанный активист-организатор должен продемонстрировать, что он готов слушать гораздо больше, чем говорить. Они должны осознать обстоятельства, в которых живут члены организации, составляющие конкретное социальное движение, в котором они действуют. Как часть целого, то есть организации, они должны расти вместе с ней, а не определять ее пути и формы авторитарным и вертикальным способом. Важно помнить, что процесс коллективного строительства – это всегда, и прежде всего, процесс самообразования. Со временем, если следовать правильным кодексам группы, и только тогда поддерживающий сторонник или активист поймет, что самое важное – выявить контраст между своей идеологией и реальностью группы, а не пытаться свести общественное движение к своим идеологическим убеждениям»⁹.

Это не значит, что мы выступаем за определенный тип «низов»-изма, который считает правильным все, что отстаивают общественные движения. Мы знаем, что в большинстве случаев эти движения обладают характеристиками, отличными от желаемых нами, и что еще хуже: время от времени они смещаются вправо и отстаивают капиталистические или даже диктаторские позиции, как это было в случае с фашизмом. Поэтому, если, с одной стороны, мы не считаем, что должны быть впере-

⁹ Universidade Popular. Op. Cit.

ди социальных движений, мы также не считаем, что должны быть позади них, следуя всем их желаниям. Мы хотим быть в позиции равенства и, видя, что они отдаляются от позиций, которые мы считаем наиболее правильными для намеченного проекта социальных преобразований, мы ведем внутреннюю борьбу и стремимся повлиять на них, чтобы они имели уже объясненные выше характеристики.

«Мы не считаем, что массы всегда правы, и не хотим всегда следовать за ними в их переменчивых настроениях. У нас есть программа, идеал, который должен восторжествовать, и именно поэтому мы выделяем себя из массы и являемся партийными людьми. Мы хотим действовать в соответствии с ней, направлять ее по пути, который считаем наилучшим, но поскольку наша цель – освобождение, а не господство, мы хотим приучить ее к свободной инициативе и свободному действию»¹⁰.

Кроме того, в отличие от авторитаристов, для нас социальный уровень влияет и всегда должен влиять на политический уровень. То есть политический уровень, сопоставляя свою идеологию с практикой социального уровня, также будет иметь очень важный вклад, который должен быть добавлен в анархистскую организацию. Мы считаем, что политический уровень может разработать последовательную революционную стратегию только в тот момент, когда он соприкасается с практикой социального уровня. Таким образом, мы утверждаем, что эта улица с двусторонним движением между политическим и социальным уровнями также может многое дать политическому уровню.

Мы считаем, что это разделение на социальный и политический уровни будет необходимо до тех пор, пока социальная революция не будет установлена и защищена, а либертарный социализм не будет функционировать. В это время политический уровень должен слиться с социальным.

¹⁰ Errico Malatesta. «Enfim! O que é a “Ditadura do Proletariado”». Из: *Anarquistas, Socialistas e Comunistas*, стр. 87.

Часть 14. САО: Необходимость Стратегии, Тактики и Программы

Очень важно, чтобы работающая специфическая анархистская организация была со стратегией. Стратегию мы можем определить, сформулировав ответы на три вопроса:

- 1) Где мы находимся?
- 2) Куда мы хотим идти?
- 3) Как, по нашему мнению, мы можем уйти оттуда, где мы находимся, и прийти туда, где мы хотим быть?

Таким образом, стратегия – это теоретическая формулировка диагноза текущей ситуации, концепция ситуации, к которой хотим прийти, и набор действий, направленных на преобразование текущей ситуации, чтобы привести ее к желаемой. Можно также сказать, что «мы понимаем стратегию как набор элементов, объединенных систематическим и последовательным образом, которые направлены на достижение больших конечных целей. [...] и] объединяет конечные цели с нашей специфической исторической реальностью»¹.

Разработка стратегии социальных преобразований – это то, чего мы пытаемся достичь в этом тексте. Во-первых, размышляя над первым вопросом и составляя схему капитализма и государства, которые создают общество господства и эксплуатации, затем; размышляя над вторым вопросом, пытаюсь представить себе наши конечные цели – социальную революцию и либертарный социализм. Наконец, размышляя над третьим вопросом, мы предлагаем социальные преобразования, которые происходят через социальные движения, объединенные в народную организацию, в постоянном взаимодействии со специфической анархистской организацией. При этом приоритетными считаются интересы эксплуатируемых классов. Таким образом, за концепцией всего этого теоретического материала стоит стратегическое обоснование. В данном случае стратегия была использована для разработки предложения по социальной трансформации нынешнего общества, стремящегося направить его в сторону либертарного социализма – то, что мы называем перманентной стратегией; очень широкой стратегией для реализации наших долгосрочных целей.

Стратегия может быть понята и в менее широком, даже ограниченном смысле. Любое действие, которое специфическая анархистская организация или даже ее активисты намерены осуществить, может быть стратегически осмыслено. Например, фронт анархистской организации может представить свою работу как «ответ» на три вышеуказанных вопроса: 1) Сегодня у нас нет внедренности в городское движение конкретного района, который сильно растет, и мы думаем, что там можно было бы

¹ FAU. *Resoluciones Sobre el Tema Estrategia*.

наладить хорошую работу. 2) Через год мы хотим иметь возможность проводить регулярную социальную работу с некоторым внедрением. 3) Поэтому мы попытаемся подойти к этому движению, узнать его поближе и начать постоянную практику социальной работы, стремясь к социальному внедрению.

Точно так же активист может, например, сделать предложение о политическом самообразовании, ответив при этом на три вопроса. 1) У меня есть недостатки в конкретном теоретическом вопросе, который, как я считаю, мешает моей воинственности. 2) Я хотел бы решить эту проблему в течение шести месяцев, потому что считаю, что это откроет больше возможностей для моей воинственности. 3) Для этого я сначала поговорю с более опытными товарищами в моей организации и попрошу подсказать, где я могу найти материал по этому вопросу, затем я прочитаю весь материал и предложу дискуссию с другими товарищами, и, наконец, я оформлю свои идеи в текст и представлю его организации, чтобы товарищи высказали свое мнение.

Короче говоря, все в организации, от самого сложного до самого простого, можно и нужно делать стратегически.

В специфической анархистской организации вопрос разработки стратегии рассматривается следующим образом. Стратегия всегда должна широко обсуждаться, включая три вышеперечисленных вопроса. Специфическая анархистская организация должна стремиться провести анализ действительности, в которой она действует, поставить окончательные долгосрочные цели и, что особенно важно, определить различные периоды и циклы борьбы, каждый из которых имеет свои цели. Эта «макро»-линия (диагностика, среднесрочные и долгосрочные цели) называется стратегией, а грандиозные цели (называются) стратегическими целями. Стратегия, в свою очередь, детализируется более «микро»-линией, или тактикой, которая определяет краткосрочные цели и действия, реализуемые на практике активистами или группами активистов, направленные на достижение краткосрочных тактических целей. Очевидно, что достижение тактических целей должно способствовать приближению или даже достижению стратегических целей.

Когда эта стратегическо-тактическая линия организации установлена, определяется план действий, и каждый активист имеет четко определенную функцию и ясные цели, которые должны быть достигнуты. Важно установить сроки выполнения действий, с оценкой результатов в конце каждого периода или цикла. Эти оценки осуществляются путем анализа того, как протекает деятельность, движется ли она к тому, что мы себе представляли, не ошиблись ли мы в чем-то. В общем, мы видим, движемся ли мы к поставленным целям или отдаляемся от них. В первом случае мы исправляем ошибки, вносим коррективы и продолжаем действовать в том же духе. Если второе – меняем тактические действия и, в конечном счете, стратегию, повторяя этот процесс в определенные сроки. Именно этот процесс движения, оценки, преследования, переоценки и т. д. приводит к тому, что организация продвигается вперед со стратегией и правильно ведет борьбу. Таким образом:

«[...] стратегия задает лишь общие линии на определенный период. Именно тактика воплощает ее в конкретной, текущей реальности, переводя ее [стратегию] в дела. Тактические варианты, поскольку они отвечают на более точные, конкретные и непосредственные проблемы, могут быть более разнообразными, более гибкими. Однако

они не могут противоречить стратегии. Адекватная стратегическо-тактическая концепция должна учитывать, как мы уже говорили, реальную ситуацию и период, на который она рассчитана»².

Стратегия не должна меняться, пока анализ действительности, в которой работает организация, и цели остаются прежними. «Если общая ситуация претерпит очень значительные изменения, это изменит условия, в которых организация должна работать, и ей, если она хочет действовать эффективно, придется пересмотреть свою стратегию, чтобы адаптировать ее к новой ситуации»³. Цели работают таким же образом. Если цели меняются, например, в послереволюционной ситуации, стратегия может быть изменена. Отсюда вытекает важность как осознания реальной ситуации, в которой мы живем, так и постановки четких и ясных целей; это важнейшие компоненты разработки стратегии, поскольку «в политике невозможна честная и полезная практика без четко сформулированной теории и цели»⁴. Если анализ нынешнего общества, которое мы намерены преобразовать, и «цель, к которой мы хотим прийти, волей или неволей», уже [установлены], значит «великая проблема жизни состоит в том, чтобы найти средства, которые, в зависимости от обстоятельств, ведут с большей безопасностью и наиболее экономичным способом к заранее намеченной цели»⁵.

Стратегическая линия оформляется в программу, которая направляет все действия организации и ее активистов. «Вы никогда не должны отказываться от революционной социалистической программы, четко сформулированной как по форме, так и по существу»⁶. Поэтому мы понимаем, что:

«[...] стратегия должна воплотиться в программе действий, которая устанавливает общие направления на определенный период или этап. Программа должна иметь корни в реалиях различных уровней нашего общества. Наша стратегия не может продвигаться вперед, развиваться, если она не имеет непосредственного контакта с конкретными проблемами, существующими в различных ситуациях, составляющих фазу действия»⁷.

То есть для того, чтобы стратегическая линия сформировалась и оформилась в программу, необходим контакт с практикой, который позволяет соединить теорию со знаниями. Этот контакт также позволит правильно развернуть стратегию в тактическом плане. Программа:

«[...] составляет общую платформу для всех активистов анархистской Организации. Без этой платформы единственная возможная форма сотрудничества основывалась бы на смутных, сентиментальных и неразборчивых желаниях, при отсутствии какого-либо реального единства»⁸ взглядов.[...] Программа в таком виде больше не будет собранием второстепенных вопросов, которые объединяют – (или скорее не разъеди-

² Juan Mechoso. Op. Cit. стр. 196.

³ Там же.

⁴ Mikhail Bakunin. «Programa Revolucionário e Programa Liberal». Из: *Conceito de Liberdade*, стр. 188.

⁵ Errico Malatesta. «Los Fines y los Medios». Отрывки из *L'En Dehors*, 17 August 1892. Из: Vernon Richards. Op. Cit. стр. 69.

⁶ Mikhail Bakunin. «Programa Revolucionário e Programa Liberal». Из: *Conceito de Liberdade*, стр. 188.

⁷ FAU. *Resoluciones Sobre el Tema Estrategia*.

⁸ Здесь в русском переводе этого документа, к сожалению, была опечатка, вместо «единства» было «отсутствия» – «при отсутствии какого-либо реального отсутствия взглядов».

няют) людей, мыслящих почти одинаково, но одним целым анализа и предложений, принимаемым только теми, кто верит в него и предпринимает шаги к её широкому претворению в жизнь»⁹.

Через программу специфическая анархистская организация делает известным свое стратегическое предложение по преобразованию общества. Одновременно с тем, что она служит руководством для действий активистов организации, она служит для обозначения позиций организации для других людей, не входящих в нее, делая публичным этот набор анализов и предложений.

Этот набор стратегии, тактики и программы придает организации форму плановой деятельности, с помощью которой можно добиться наилучших результатов. Планирование необходимо любой анархистской организации.

Стратегическая концепция специфической анархистской организации неизбежно имеет идеологическую составляющую. Идеология:

«[...] представляет собой важнейший двигатель политического действия и неизбежный компонент любой стратегии. Любая политическая практика предполагает определенные мотивы и направление, которые становятся ясно различимы только в той степени, в какой они выражены и организованы как идеология»¹⁰.

Однако не стоит путать идеологию и стратегию. По отношению к идеологии стратегия гораздо более гибкая, поскольку она меняется в зависимости от социального контекста, текущей ситуации. Поэтому анархистская идеология может иметь разные стратегии, поскольку каждая организация действует в совершенно разных контекстах и ситуациях. Это наиболее правдиво, когда мы говорим о тактике. Поскольку в каждом месте различны компоненты, составляющие общество, равно как и различны политические силы, позиции правительства, реакционные силы и т. д., естественно, что в каждом контексте и ситуации вы применяете разные тактики в политической практике анархизма. Например, есть места и контексты, в которых стоит рассматривать синдикализм как пространство для социальной работы, есть другие, в которых это не так, и так далее.

Ранее мы уже говорили, что специфическая анархистская организация должна работать в условиях стратегического и тактического единства, которое достигается благодаря описанному выше процессу принятия решений, стремящемуся к консенсусу, а в случаях, когда это невозможно, – к голосованию, в котором побеждает большинство. В этом случае все активисты организации обязаны придерживаться победившей позиции. Как и в любом другом процессе принятия решений, вопросы четко ставятся, обсуждаются, и делается попытка примирить различные точки зрения. Если такое примирение невозможно, организация должна обобщить основные предложения и проголосовать. Таким образом, организация решает, путем консенсуса или голосования, ответы на три вопроса стратегии. Она формулирует тактико-стратегическую линию, и все идут в одном направлении. Она периодически оценивает эту линию и может ее переформулировать.

Мы подчеркиваем, что все решения принимаются коллективно, без какого-либо навязывания. Однако при установленных приоритетах и обязанностях каждый ак-

⁹ Жорж Фонтени, «Манифест Либертарного Коммунизма», Проблема программы.

¹⁰ Juan Mechoso. Op. Cit. стр. 197.

тивист не может делать то, что он хочет, сам по себе. У каждого есть обязательства перед организацией – выполнить то, что он обязался сделать, и то, что было определено как приоритетное. Очевидно, как мы уже подчеркивали, мы всегда должны пытаться совместить деятельность, которая нравится каждому, с обязанностями, установленными организацией, но мы не всегда должны делать только то, что нам нравится.

Модель специфической анархистской организации подразумевает, что активисты должны делать то, что им не очень нравится, или прекратить делать то, что им нравится. Это необходимо для того, чтобы организация продвигалась в соответствии со стратегией. Следование стратегии делает анархистскую организацию последовательной и эффективной организацией; организацией, посвятившей себя серьезной, целеустремленной борьбе, в которой боевики делают то, что они считают приоритетным, и работают над задачами, которые наиболее эффективным образом способствуют консолидации их стратегических целей. Относительно распространённая практика, когда многие анархистские группы и организации осуществляют различные действия, туда-сюда как попало, понимая при этом, что они вносят вклад в общее целое, не приемлема. В отличие от этой модели, практика со стратегией:

«[...] относится к тому, чтобы не делать то, что одному хочется, не оценивать изолированно все, что появляется, и не отчаиваться из-за того, что продвижение вперед не видно сразу. Она связана с постановкой целей и продвижением к ним. О выборе действий и установлении приоритетов в поддержку этих целей. Это подразумевает, что будут происходить действия, которые мы не осознаем, события, в которых мы не участвуем. Они могут быть важными и даже зрелищными, но они не в счет, если не соответствуют целям данного этапа нашей программы. В других случаях мы будем в абсолютном меньшинстве или с большими сложностями участвовать в мероприятиях, которые соответствуют нашим целям. Выбирать то, что нам больше нравится или что приносит меньше осложнений, – это неправильная политика»¹¹.

Возвращаясь к вопросу о голосовании при определении стратегии, важно отметить, что обсуждающим является организация, а не тот или иной человек. Поэтому, когда стратегический вопрос решается голосованием, независимо от голоса каждого, все активисты организации обязаны следовать коллективно определенной позиции. Это важное положение в той модели организации, которую мы отстаиваем, потому что коллективно принятые позиции – это не рекомендации, а часть стратегической линии, которой обязательно должны следовать все. Для нас «организация означает координацию сил с общей целью и обязательство не продвигать действия, противоречащие этой цели»¹². Мы должны подчеркнуть, что свобода вступления в организацию равна свободе выхода из нее, а в случае, если индивид или меньшинство часто чувствуют себя игнорируемыми решениями большинства, у них есть возможность отделиться. Важно подчеркнуть, что стратегические решения, даже если они принимаются путем голосования, являются коллективными решениями, а не личными спорами внутри организации.

¹¹ FAU. *Resoluciones Sobre el Tema Estrategia*.

¹² Errico Malatesta. «A Organização II». Из: *Escritos Revolucionários*, стр. 59–60.

В стратегическом плане такое единство позволит всем членам организации грести в одном направлении и умножит результаты активистских действий. Таким образом, все будут иметь схожее представление о том, где мы находимся, куда хотим прийти и как продвигаться от одной точки к другой.

Часть 15. Эспецифизм: Анархистская Организация, Исторические Перспективы и Влияния

Отсутствие видимой организации, нормальной и принимаемой каждым из ее членов, делает возможным создание произвольных, менее либертарных организаций.

Луиджи Фаббри

С тех пор как термин «эспецифизм» появился в Бразилии в середине 1990-х годов, вокруг него разгорелась целая полемика и даже путаница. Были и, к сожалению, до сих пор есть люди, которые говорят, что *эспецифизм* – это не анархизм; они обвиняют организации *эспецифистов* в том, что они являются политическими партиями, и т.д. Когда мы идентифицируем ФАРЖ как специфическую анархистскую организацию, мы стремимся, прежде всего, определить в рамках дискуссии об анархистских организациях, какие позиции мы отстаиваем.

Термин *эспецифизм* был придуман Федерацией Анархистов Уругвая (Federación Anarquista Uruguaya – FAU), и под ним мы подразумеваем концепцию анархистской организации, которая имеет две фундаментальные оси: организация и социальное внедрение/работа. Эти две оси основаны на классических концепциях двойственного действия анархизма на социальном и политическом уровнях (бакунинская концепция) и специфической анархистской организации (малатестовская концепция). Таким образом, термин *эспецифизм*, помимо того, что появился недавно, относится к анархистским организационным практикам, существующим с XIX века. В дополнение к этим двум направлениям существует ряд других организационных вопросов, которые определяются в рамках *эспецифизма* и которые мы попытаемся развить далее. Таким образом, двумя основными классическими источниками *эспецифизма* являются Бакунин и Малатеста. Это не означает, что мы игнорируем других важных теоретиков, таких как Прудон и Кропоткин – мы использовали многие из их теоретических ссылок в этом тексте – но мы считаем, что для обсуждения анархической организации у Бакунина и Малатесты есть предложения, более подходящие для нашей работы.

В следующих параграфах мы намерены кратко возобновить некоторые дискуссии, которые мы вели на протяжении всего текста, и особенно в последней главе, и сопоставить их с другими позициями, существующими в анархизме. Мы считаем, что помимо утверждения позиций, которые мы отстаиваем – то есть того, что мы делали до сих пор, – уместно реализовать несколько братских критических замечаний по поводу других концепций организации (или дезорганизации), существующих в анархизме, и, основываясь на нескольких выбранных моментах, сравнить наши концепции с другими.

Возможно, лучше всего с *эспецифистской* моделью организации будет контрастировать то, что мы называем моделью синтеза. Эта модель была теоретически оформлена в двух одноименных документах под названием «Анархистский синтез», один из которых был написан Себастьяном Формом, а другой – Волиным. В историческом и глобальном плане именно *Платформа* Дело Труда установила это противопоставление. Мы намерены возобновить эту дискуссию об анархистской организации, хотя, на наш взгляд, *эспецифизм* шире, чем платформизм, хотя последний обладает значительным влиянием.

Синтез отстаивает модель анархистской организации, в которой участвуют все анархисты (анархо-коммунисты, анархо-синдикалисты, анархо-индивидуалисты и т. д.), и поэтому в ней присутствуют многие из тех характеристик, которые мы критикуем ниже. Мы знаем, что некоторые из этих характеристик не обязательно связаны с организационной моделью синтеза. Однако несомненно, что многие из них воспроизводятся в организациях такого типа, в первую очередь под влиянием индивидуализма, но не только. Мы признаем, что в организациях, строящихся на основе синтеза, есть и серьезные активисты, приверженные социальному анархизму, и поэтому не хотим, чтобы критика выглядела обобщенной. Хотя мы никогда не ставим под сомнение, являются ли эти организации анархистскими (для нас они все являются таковыми), в большинстве случаев они не сходятся с нашим представлением об анархистской организации.

Прежде всего, говоря в этом тексте о «специфической анархистской организации» с этой конкретной точки зрения, мы имеем в виду не любую анархистскую организацию. Существуют различные анархистские организации, которые не являются *эспецифистскими*. Поэтому *эспецифизм* подразумевает гораздо больше, чем просто отстаивание принципов анархистской организации.

Первое отличие заключается в способе понимания самого анархизма. Как мы уже отмечали в начале этого текста, мы понимаем анархизм как идеологию, то есть «набор идей, мотивов, стремлений, ценностей, структуру или систему понятий, которые имеют непосредственную связь с действием – тем, что мы называем политической практикой». В данном случае мы стремимся отличить это понимание анархизма от другого, чисто абстрактного и теоретического, которое лишь поощряет свободное мышление, не обязательно представляя модель социальных преобразований. Анархизм, мыслимый только в рамках этой модели критического наблюдения за жизнью, предлагает эстетическую свободу и бесконечные возможности. Однако, будучи так понят, он не предлагает реальных возможностей социальных преобразований, поскольку не воплощается в практику, в действие. В ней нет политической практики, которая стремится к конечным целям.

Эспецифизм выступает за анархизм, который в качестве идеологии стремится создать модель деятельности, преобразующую современное общество в либертарный социализм посредством социальной революции. Этот процесс обязательно предполагает организацию эксплуатируемых классов в народную организацию и требует применения насилия, понимаемого в первую очередь как ответ на насилие существующей системы. Другие анархистские течения выступают против насилия и считают, что социальные преобразования могут происходить другими способами.

Еще одно различие касается самого вопроса организации. Для нас организация – это абсолютно центральный вопрос, когда речь идет об анархизме. Без нее, по нашему мнению, невозможно представить ни один серьезный политический проект, целью которого является социальная революция и либертарный социализм.

Существуют анархистские течения, которые поддерживают «антиорганизационную» или даже *спонтаннистскую* позицию и считают, что любая форма организации является авторитарной или вредной для анархизма. Для этих течений создание стола для координации собрания является авторитарным. В любом случае, для этих анархистов борьба должна происходить спонтанно. Достижения, если они приходят, должны приходить спонтанно. Связь между борьбой должна быть спонтанной, и даже капитализм с государством (если) будут свергнуты спонтанной мобилизацией. Возможно, даже после возможной социальной революции все будет развиваться само собой, без особых усилий. Эти анархисты считают, что предварительная организация не нужна, другие полагают, что она даже нежелательна.

Некоторые анархисты, отстаивающие эти точки зрения и желающие заниматься социальной работой, не могут справиться с авторитарными силами и, не имея должной организации, становятся рабочей силой и «рукавицами» авторитарных проектов или уходят, разочаровавшись, поскольку не могут завоевать пространство для анархизма в социальных движениях.

Ранее мы отмечали, что специфическая анархистская организация мыслится нами как организация активного меньшинства. Таким образом, это организация анархистов, которые объединяются на политическом и идеологическом уровне и осуществляют свою основную деятельность на социальном уровне, который шире, стремясь быть ускорителем борьбы. В *эспецфистской* модели обязательно присутствует это разделение между политическим и социальными уровнями деятельности.

Есть анархисты, которые представляют себе анархическую организацию как широкую группу, объединяющую всех, кто называет себя анархистами, и служащую пространством слияния для реализации действий с полной автономией. В анархизме, в целом, это разделение на социальный и политический уровни также не принимается всеми течениями, которые понимают по-разному анархистскую организацию, она может быть общественным движением, организацией, аффинити-группой, кружком, сообществом, кооперативом и т.д.

Даже концепция анархо-синдикализма в разное время пыталась подавить эту разницу между уровнями активности, смешивая анархистскую идеологию с профсоюзной. Эти и другие попытки идеологизировать общественные движения, в нашем понимании, ослабляют как сами общественные движения – которые больше не действуют вокруг конкретных вопросов, таких как земля, жилье, занятость и т. д. – так и сам анархизм, поскольку не позволяют углубить идеологическую борьбу, которая происходит внутри социальных движений. Она также ослабляет, поскольку цель этих анархистов – превратить всех активистов социальных движений в анархистов – невозможна, если только они не собираются ослаблять и уменьшать численность этих движений. Таким образом, или даже видя, что в социальных движениях вполне естественно найти людей разных идеологий, которые никогда не станут анархистами, эти анархисты разочаровываются и часто уклоняются от борьбы. Как следствие, анархизм часто замыкается в себе.

Анархистская организация активного меньшинства часто понимается другими анархистскими течениями как аналог авторитарной авангардной организации. Как мы уже не раз подчеркивали, когда мы представляем себе это разделение между социальным и политическим уровнем, мы не хотим этим сказать, что мы хотим быть впереди социальных движений, или что политический уровень имеет какую-либо иерархию или доминирование по отношению к социальному уровню.

Есть разница и в том, что касается предпочтительного пространства для практики анархизма. Мы, *эспецифисты*, считаем, что это пространство – классовая борьба. В первую очередь потому, что мы считаем, что живем не просто в обществе, а в классовом обществе. Независимо от того, как мы относимся к различиям этих классов, нам кажется невозможным отрицать, что господство и эксплуатация происходят на разных уровнях в нашем обществе и что экономический фактор оказывает на это большое влияние. Для нас анархизм родился в народе, и именно там он должен быть, занимая четкую позицию в пользу эксплуатируемых классов, которые находятся в постоянном конфликте в классовой борьбе. Поэтому, когда мы говорим о том, «где посеять семена анархизма», для нас очевидно, что это должно быть внутри классовой борьбы; в тех местах, где противоречия капитализма наиболее очевидны.

Есть анархисты, которые не поддерживают этот уклон анархизма в сторону классовой борьбы, и, что еще хуже, есть те, кто обвиняет его в *ассистенциализме*¹, или в желании «извиниться перед бедными». Отрицая классовую борьбу, большинство этих анархистов считают, что поскольку классическое определение буржуазных и пролетарских классов не учитывает современное общество, то можно сказать, что классов больше не существует; или что это все анахронизм. Мы в корне не согласны с этими позициями и считаем, что, независимо от того, как мы определяем классы – делаем ли мы больший или меньший акцент на экономическом характере и т.д. – неоспоримо, что существуют контексты и обстоятельства, в которых люди больше страдают от последствий капитализма. И именно в этих контекстах и обстоятельствах мы хотим расставить приоритеты в нашей работе.

Когда мы стремимся применить анархизм к классовой борьбе, мы утверждаем то, что мы называем социальной работой, и что мы определили ранее как «деятельность, которую анархистская организация осуществляет в разгар классовой борьбы, заставляя анархизм взаимодействовать с эксплуатируемыми классами». Как мы уже говорили, для нас это должно быть основной деятельностью специфической анархистской организации. Мы утверждаем, что через социальную работу анархистская организация должна стремиться к социальному внедрению, «процессу влияния на социальные движения через анархистскую практику».

Есть анархисты, которые не защищают эту работу с целью социального внедрения. Часть из них не считает ее приоритетной, а другая часть, более замысловатая, полагает, что она авторитарна. Анархистам, считающим, что социальная работа/внедрение не является приоритетом, кажется, что другие виды деятельности были бы более эффективны для развития анархизма – однако это часто не проговаривается. Кро-

¹ В бразильской политической терминологии *assistencialist* (*assistencialista*) – это термин, обозначающий человека, который делает что-то, как, например, НПО, раздающие еду бедным. Что-то связанное с благотворительностью.

ме того, по крайней мере, на первый взгляд, не имея стратегической формулы, на практике анархисты стремятся работать с пропагандой, очень ограниченной публикациями, мероприятиями и культурой. Как мы уже подчеркивали, эта пропаганда также имеет для нас центральное значение, но ее недостаточно, если она ведется без поддержки социальной работы и внедрения. При такой поддержке пропаганда гораздо эффективнее. Поэтому пропаганда, в *эспецифизме*, должна вестись с этими двумя направлениями: образовательным/культурным образом и вместе с борьбой общественных движений.

Анархисты, которые не считают, что социальная работа/внедрение в общество являются или должны быть приоритетом, предпочитают работать в других средах, вдали от классовой борьбы, от социальных движений, от людей разных идеологий. Некоторые говорят, что как члены общества они уже имеют социальное внедрение. Часто они становятся сектантами, уживаясь только со своими сверстниками, и «геттоизируют» анархизм. Это объясняет сектантство некоторых анархистов, которое встречается в гораздо меньшей пропорции в специфических организациях.

Гораздо более сложной, чем вышеприведенная позиция, является позиция, отстаиваемая анархистами, которые выступают против социальной работы и социального внедрения. Эти анархисты считают, что, поскольку они часто не бедны, поскольку они часто не участвуют в социальных движениях (например, они не безземельные), работать с бедным сообществом или даже с социальными движениями авторитарно, поскольку «они не из этой реальности». Для них авторитарно для человека, которому есть где жить, поддерживать борьбу бездомных; авторитарно посещать общественное движение, не будучи представителем этого сообщества; авторитарно поддерживать борьбу сборщиков мусора, если ты не один из них. Для этих анархистов работа с народными движениями оправдана только в том случае, если вы «народны» и если вы являетесь частью реальности движения. Поскольку эти анархисты, как правило, не находятся в таких условиях, они не приближают себя ни к социальным движениям, ни к классовой борьбе. В итоге они делают из своего анархизма «движение в себе», которое характеризуется тем, что в основном принадлежит среднему классу и интеллектуалам, не стремится к контакту с социальной и народной борьбой, не контактирует с людьми другой идеологии. Действительно, этот анархизм интеллигенции и среднего класса, если он не стремится к социальной работе и социальному внедрению, обязательно заканчивается одним из двух способов. Либо он отказывается от предложения социальных преобразований, либо превращается в группу, которая борется за народ, а не с народом – занимая позицию авангарда, а не активного меньшинства.

Социальная работа для этих активистов часто сравнивается с «энтризмом» авторитарных левых – людьми, которые входят в социальные движения, чтобы заставить их работать в свою пользу. В большинстве случаев они выступают за спонтанность, поскольку «приходить извне», «внедрять анархизм в социальные движения» – это авторитаризм. По их мнению, идеи должны возникать спонтанно. Они осуждают дискуссии, убеждение, споры, обмен мнениями, влияние как внешние по отношению к социальным движениям и, следовательно, авторитарные.

Мы, *эспецифисты*, также в корне не согласны с этой позицией, направленной против социальной работы и внедрения. Как мы уже объясняли, для нас анархизм не

должен замыкаться в себе, не должен сторониться социальных движений и людей разных идеологий. Он должен служить инструментом, как дрожжи, двигателем борьбы нашего времени. Для этого анархизм, вместо того чтобы прятаться, должен противостоять реальности и стремиться к ее преобразованию. Для этой трансформации бесполезно «проповедовать обращенным»; мы должны обязательно взаимодействовать с неанархистами.

Поскольку мы понимаем, что класс определяется не происхождением, а позицией, которую вы отстаиваете в борьбе, мы считаем, что поддержка социальных движений, помощь инициативам и организациям, отличным от реальности, в которую вы включены, является этическим долгом любого боевика, приверженного идее конца классового общества. Наконец, мы считаем, что социальная работа привносит в анархизм необходимую практику, которая вносит огромный вклад в развитие теоретической и идеологической линии организации. Для нас эта деятельность чрезвычайно важна для нашего теоретического развития, поскольку она означает, что мы теоретизируем, имея представление о реальности и практическом применении анархизма в борьбе. Группы и организации, в которых нет социальной работы, склонны радикализировать дискурс, не имеющий поддержки на практике. Когда это происходит, возникает тенденция к существованию ультрарадикального и революционного дискурса – часто обвиняющего других в реформизме и т. д. – но это не выходит за рамки теории.

Как мы видели, в *эспецифизме* существует идеологическое и теоретическое единство, согласованность по отношению к теоретическим и идеологическим аспектам анархизма. Эта политическая линия выстраивается коллективно, и каждый член организации обязан ей следовать. Поскольку мы считаем анархизм чем-то очень широким, с очень разными и даже противоречивыми позициями, нам кажется необходимым, чтобы между всеми этими позициями мы выделили идеологическую и теоретическую линию, которую организация должна отстаивать и развивать. Как мы уже подчеркивали, эта линия должна быть обязательно связана с практикой, поскольку мы считаем, что «для того, чтобы эффективно теоретизировать, необходимо действовать».

Для анархистов, которые не выступают за такое единство, анархистская организация может работать с различными идеологическими и теоретическими линиями. У каждого анархиста или группы анархистов может быть своя интерпретация анархизма и своя теория. Это является причиной различных конфликтов и расколов в организациях с такой концепцией. Так как нет согласия по первоначальным вопросам, то часто возникают ссоры: одни считают, что анархисты должны работать с социальными движениями, другие считают это авторитарным и «марксистским»; одни думают, что функция анархизма – это повышение эго индивидуумов, другие радикально против этого, и так далее. Для нас невозможно иметь эффективную практику или даже создать организацию, не договорившись о некоторых «исходных вопросах». В организациях, которые не работают с идеологическим и теоретическим единством, нет развития в этом направлении, так как при таком количестве проблем

на самых простых вопросах, самые сложные даже не обсуждаются. Прав был Бакунин, когда говорил: «Кто много обнимает, тот мало стягивает»². Важно:

«[...] понять, что разногласия, существующие между анархистами по этому вопросу, гораздо глубже, чем принято считать, и что они в равной степени подразумевают непримиримые теоретические разногласия. Я говорю это, чтобы ответить моим добрым друзьям, которые, выступая за соглашение любой ценой, утверждают: «Мы не должны создавать проблемы метода! Идея одна, цель одна; поэтому мы остаемся единым целым, не разрываясь на мелкие разногласия по поводу тактики». Я же, напротив, давно понял, что нас разрывает именно потому, что мы очень близки, потому что мы искусственно близки. Под видимой оболочкой общности трех-четырех идей – отмена государства, отмена частной собственности, революция, антипарламентаризм – скрывается огромная разница в концепции каждого из этих теоретических положений. Разница настолько велика, что она не позволяет нам идти одним путем, не преследуя нас постоянно и не нейтрализуя взаимно нашу работу, или, если бы мы захотели, остаться в мире, не отказываясь от того, что мы считаем истиной. Повторяю: существует не только разница в методах, но и большая разница в идеях»³.

Помимо идеологического и теоретического единства, эспецифисты выступают за стратегическое и тактическое единство. Действовать со стратегией, как мы видели, означает принимать во внимание план всех практических действий, выполняемых организацией, стремясь проверить, где вы находитесь, куда вы хотите пойти и как. Анархизм, работающий с единством стратегии и тактики, делает планирование и его согласование с практическим применением сильной организационной опорой. Мы считаем, что отсутствие стратегии распыляет усилия, приводит к потере этих усилий. Мы выступаем за модель, в которой путь вперед обсуждается коллективно, и вместе с этим путем мы установили приоритеты и обязанности, возложенные на активистов. Приоритеты и обязанности означают, что каждый не сможет делать то, что взбредет ему в голову, когда захочет. У каждого будет обязательство перед организацией выполнить то, что он взял на себя, и то, что было определено как приоритетное. Очевидно, что мы стремимся совместить деятельность, которая нравится каждому, с приоритетами, установленными организацией, но мы не всегда должны делать только то, что нам нравится. Эспецифистская модель организации подразумевает, что мы должны делать то, что нам не очень нравится, или прекратить делать некоторые вещи, которые нам очень нравятся. Это необходимо для того, чтобы организация следовала стратегии, и все гребли в одном направлении.

Мы критикуем организации, которые не работают со стратегией. Для нас невозможно работать в организации, в которой каждый активист или группа делают то, что считают лучшим, или просто то, что им нравится делать, полагая, что вносят свой вклад в общее целое. Как правило, когда анархисты всех типов объединяются в организацию, не имея стратегического сходства, нет согласия по поводу того, как действовать. То есть невозможно определить способ действий, и есть только одно согласие: что все должно продолжаться.

² Mikhail Bakunin. «Programa Revolucionário e Programa Liberal». Из: *Conceito de Liberdade*, стр. 189.

³ Luigi Fabbri. «A Organização Anarquista». Из: *Anarco-Comunismo Italiano*, стр. 104-105.

Как вы представляете себе организацию, в которой вы пытаетесь примирить группу, считающую, что она должна действовать как особая организация в социальном движении, с группой, которая считает, что приоритетом должно быть социальное взаимодействие между друзьями, групповая терапия или даже возвышение эго, рассматривая работу с социальными движениями как авторитарную (или даже марксистскую или ассистенциалистскую)? Есть два способа справиться с этими разногласиями: либо вы обсуждаете проблемы и живете между ссорами и стрессами, которые отнимают значительную часть времени, либо вы просто не затрагиваете эти вопросы. Большинство организаций такого типа выбирают вторую форму.

«Для того чтобы установить определенную степень координации действий, необходимой координации, я считаю, между людьми, стремящимися к одной и той же цели, необходимы определенные условия: ряд правил, связывающих каждого со всеми, определенные часто пересматриваемые пакты и соглашения – если все это отсутствует, если каждый работает так, как ему вздумается, то более серьезные люди окажутся в ситуации, когда усилия одних будут нейтрализованы усилиями других. Это приведет к дисгармонии, а не к гармонии и спокойной уверенности, к которой мы стремимся»⁴.

Идеологическое и теоретическое единство, а также стратегическое и тактическое единство достигаются посредством коллективного процесса принятия решений, принятого в специфических организациях, который представляет собой попытку консенсуса, а если это невозможно, то голосование – побеждает большинство. Как мы уже подчеркивали, в этом случае вся организация принимает победившее решение. Есть и другие организации, которые работают только на основе консенсуса, часто позволяя одному или другому человеку оказывать повышенное влияние на процесс принятия решений, в котором участвует гораздо большее количество людей. Стремясь к консенсусу любой ценой и боясь раскола, такие организации позволяют одному или другому человеку иметь непропорционально большой вес в принятии решений только для того, чтобы достичь консенсуса. Иной раз они тратят часы на обсуждение малозначительных вопросов только для того, чтобы добиться консенсуса. Мы должны помнить, что процесс принятия решений – это средство, а не самоцель.

Обязательство всех идти по одному пути – а это правило в *эспецифизме* – является обязательством организации перед своей стратегией, потому что, если каждый раз принятое решение не устраивает кого-то из активистов, и эта сторона отказывается выполнять работу, организация не сможет двигаться вперед. В случае с голосованием важно учитывать, что в одно время одни выиграют голосование и будут работать над своим предложением, в другое время они проиграют и будут работать над предложением других товарищей. При такой форме принятия решений большее значение придается коллективным обсуждениям, чем индивидуальным точкам зрения.

Разница есть даже в основных моментах, которые благоприятствуют специфической организации: приверженность, ответственность и самодисциплина активистов внутри организации. В *эспецифистской* модели высок уровень приверженности активистов. Таким образом, важно, чтобы активисты брали на себя обязательства перед организацией и выполняли их. Приверженность активистов запечатлевает

⁴ Mikhail Bakunin. «Táctica e Disciplina do Partido Revolucionário». Из: *Conceito de Liberdade*, стр. 197–198.

связь между активистами и организацией, которая представляет собой взаимные отношения, в которых организация отвечает за активиста, а активист отвечает за организацию. Как организация должна удовлетворять активиста, так и активист должен удовлетворять организацию.

Отсутствие преданности делу, ответственности и самодисциплины является серьезной проблемой во многих анархистских группах и организациях. Очень часто люди собираются вместе и более или менее участвуют в деятельности, делая только то, что им интересно, часто участвуют в принятии решений, берут на себя обязательства и не выполняют их или просто не берут на себя обязательств. Существует множество организаций, в которых отсутствует эта воинственная идейная приверженность делу. Несомненно, что по этой причине в таких организациях «круче»⁵ состоять, однако с точки зрения дела они не очень эффективны. Поскольку воинственность для нас – это нечто необходимое в борьбе за свободное и эгалитарное общество, мы не считаем, что она всегда будет «крутой». Если бы нам пришлось выбирать между более эффективной моделью воинственности и другой, более «крутой», мы бы сделали выбор в пользу эффективности.

Для работы с идейностью и активностью активистов *эспецифизм* поддерживает организацию с уровнями активности и идейности (или приверженности делу). Как мы уже объясняли, мы поддерживаем логику концентрических кругов, в которых все боевики имеют четко определенное пространство в организации, пространство, которое определяется уровнем обязательств, которые боевик хочет взять на себя. Чем больше он хочет взять на себя обязательств, тем больше он будет находиться внутри организации и тем больше будет его совещательная власть. Таким образом, как на политическом, так и на социальном уровне существуют четко определенные критерии вступления, начиная от случаев поддержки или группировок, склонных к специфической анархистской организации. Внутри специфической анархистской организации находятся только активисты, имеющие с ней идеологическую близость.

В отличие от *эспецифистской* модели, есть и другие организации, единственным критерием для вступления активистов в которые является их самоопределение как анархистов, независимо от того, какой концепции анархизма они придерживаются. Некоторые люди принимают небольшое участие в организации, другие – более активное; некоторые берут на себя больше ответственности, чем другие, но все имеют одинаковые полномочия для обсуждения. Таким образом, многие обдумывают действия, которые они не собираются выполнять, то есть определяют, что будут делать другие. Когда организация позволяет кому-то что-то обдумывать и не брать на себя ответственность, или когда он берет на себя ответственность и не выполняет ее, она допускает авторитаризм тех, кто обдумывает и перекладывает работу на спины других товарищей. Наконец, в этой другой модели каждый вовлекает себя в работу так, как считает нужным, появляется тогда, когда считает нужным, а вопросу воинственной приверженности делу уделяется мало внимания. Многие, когда их спрашивают, заявляют о себе как о жертвах авторитаризма. Как мы уже объясняли, для нас такая модель организации, помимо перегрузки более ответственных акти-

⁵ Здесь используется португальское слово «legais» и «legal», что можно перевести как «крутой», и как «легальный». Те, кто переводили на английский перевели это слово как «крутой».

вистов, заканчивается тем, что мы допускаем такое расхождение между людьми, которые не обдумывают и не работают в одинаковой пропорции.

Поэтому мы не хотим быть этим большим «зонтиком», который охватывает все типы анархистов. Эти широкие (не)определения, очевидно, группируют больше анархистов в организации, однако мы считаем, что нам следует выбирать не критерий количества, а качества людей.

«Несомненно, если мы будем избегать правильного определения нашего истинного характера, число наших сторонников может стать больше. [...] С другой стороны, очевидно, что если мы громко заявим о наших принципах, то число наших сторонников будет меньше, но, по крайней мере, это будут серьезные сторонники, на которых мы можем рассчитывать»⁶.

Соответствующее различие возникает и вокруг вопроса об анархическом индивидуализме. *Эспецифизм* означает полное и абсолютное неприятие анархического индивидуализма. По этой причине он отличается от других организаций, которые готовы работать с индивидуалистами. Для нас в анархизме существует два типа индивидуалистов. Один тип, который был более распространен в прошлом, – это люди, предпочитающие работать в одиночку, но имеющие в виду тот же проект, что и мы. В этих людях мы можем критиковать только тот факт, что, будучи неорганизованными, они не могут потенциально реализовать результаты своей работы. Другой тип, более распространенный сегодня, отказывается от социалистического проекта. Основываясь на анархистской критике государства, они мало критикуют капитализм и не проявляют никакой активности в направлении социального преобразования реальности, в которой мы живем. Ставя себя в положение простых критических наблюдателей общества, они конструируют анархизм из второстепенных мыслителей и ссылок, просто вокруг критики. У них нет ни общественного проекта, ни тем более последовательных действий, направленных на это новое общество. Мы можем спросить:

«Что же в таком случае остается у индивидуализма? Философия отрицания классовой борьбы, отрицание принципа организации анархистов, отрицание социальной революции, совершаемой во имя свободного общества равных тружеников и наконец, разговорчики о том, что если рабочим плохо, то в качестве самобытного индивида, каждый рабочий в отдельности может защищать свою личность»⁷.

Тем самым они усугубляют роль индивидуальной свободы, которая в отрыве от коллективной свободы становится всего лишь эгоистическим удовольствием для тех немногих, кто может себе это позволить благодаря своим привилегиям в рамках капитализма. В действительности индивидуальная свобода может существовать только в коллективной свободе, поскольку рабство других ограничивает свободу каждого, и полная индивидуальная свобода может быть реализована только в тот момент, когда все вместе становятся свободными. Мы согласны с Бакуниным, когда он сказал:

⁶ Idem. «Programa Revolucionário e Programa Liberal». Из: *Conceito de Liberdade*, стр. 188–189.

⁷ Дело Труда №10, март 1926, «Организационная проблема и идея синтеза», Группа Русских анархистов Заграницей. Редакция «Дела Труда».

«Я могу назвать себя и чувствовать себя свободным лишь в присутствии и по отношению к другим людям [...]. В самом деле, я свободен лишь тогда, когда все человеческие существа, окружающие меня, мужчины и женщины равно свободны. Свобода других не только ни является ограничением или отрицанием моей свободы, но напротив есть необходимое условие и утверждение её. Я становлюсь действительно свободным лишь благодаря свободе других, так что, чем больше количество свободных людей, окружающих меня, чем глубже и шире их свобода, тем распространённое, глубже и шире становится моя свобода. [...] Моя личная свобода, подтверждённая таким образом свободой всех, становится неограниченной»⁸.

Для нас невозможно стремиться к индивидуальной свободе в таком обществе, как наше, в котором миллионы людей не имеют доступа к самым необходимым для человека вещам. Нельзя думать о чисто индивидуальном анархизме как о способе позиционирования себя в мире, о другом образе жизни. Для индивидуалистов в большинстве случаев быть анархистом означает быть художником, богемой, пропагандировать сексуальную свободу открытых отношений или нескольких партнеров, носить другую одежду, делать радикальную стрижку, вести себя экстравагантно, есть другую пищу, определять себя лично, реализовывать себя лично, быть против революции (?!), против социализма (?!), вести дискурс без рифмы и причины – наслаждаясь свободой эстетики – короче говоря, стать аполитичным. Мы в корне не согласны с этой позицией и считаем, что влияние в этом направлении губительно для анархизма, отпугивая серьезных и преданных активистов. Наконец, мы согласны с Малатестой, когда он подчеркнул:

«Правда, мы все хотели бы быть согласными и объединить в единый, мощный пучок все силы анархизма. Но мы не верим в прочность организаций, созданных силой уступок и ограничений, где нет настоящего сочувствия и согласия между членами. Лучшие быть разобщенным, чем плохо сплоченным»⁹.

Для нас выбор наиболее подходящей модели анархистской организации имеет решающее значение для того, чтобы у нас были наиболее подходящие средства, соответствующие целям, которые мы стремимся достичь. Если мы выступаем за эспецифизм, которая является моделью анархистской организации, то это потому, что мы считаем, что сегодня она больше подходит для той работы, которую мы собираемся выполнять. Мы понимаем, что есть анархисты, которые не согласны с эспецифизмом, и мы не считаем их менее анархичными из-за этого. Мы лишь требуем уважения к нашему выбору, так же как мы уважаем тех, кто сделал другой выбор.

* * *

Теперь мы вкратце рассмотрим историческую перспективу и влияние эспецифизма. Как мы уже видели, термин эспецифизм был придуман ФАУ и появился в Бразилии только в конце двадцатого века. Тем не менее, этот термин не только

⁸ Михаил Бакунин, «Кнута-германская империя и Социальная Революция», Второй выпуск, Исторические софизмы доктринерской школы немецких коммунистов (Та часть, в которой Бакунин обсуждает идеи либералов и идеалистов).

⁹ Errico Malatesta. «A Organização II». Из: *Escritos Revolucionários*, стр. 62.

создал новую концепцию анархистской организации, но и попытался сгруппировать ряд уже существующих анархистских организационных концепций, которые сформировались начиная с XIX века. *Эспецифизм* ФАУ утверждает влияние Бакунина и Малатесты, классовой борьбы анархо-синдикализма, экспроприаторского анархизма; и все это в латиноамериканском контексте. В следующих параграфах мы попытаемся объяснить, исходя из нашей собственной концепции, как мы понимаем исторический опыт *эспецифизма*: основной опыт прошлого, с точки зрения анархистской организации, который влияет на нас сегодня.

Первый исторический корень *Эспецифизма* – Бакунин, организационные концепции которого составляли деятельность либертарииев в Международной ассоциации рабочих (Первый Интернационал), и которые дали тело анархизму.

Первый Интернационал возник в результате поездок представителей французских рабочих ассоциаций в Англию, где они общались с английскими и эмигрантскими немецкими профсоюзными лидерами, среди которых был и Карл Маркс. В политическом отношении состав Интернационала был неоднородным: марксисты, бланкисты, республиканцы, профсоюзные деятели и прудонистские федералисты. В итоге марксисты составили большинство в Центральном комитете, объединились с членами других течений и взяли этот орган под свой контроль. Такая ситуация сохранялась даже после замены Центрального комитета Генеральным советом на Женевском конгрессе 1866 года. Там можно было увидеть, что анархисты, будь то вдохновленные Прудоном или последователи Бакунина, не имели никакой силы в центральном исполнительном органе ассоциации. Они были более влиятельны на низовом уровне, демонстрируя это на конгрессах.

В Интернационале сложились две тенденции: централистская и федералистская. Среди авторитарных централистов выделялись коммунисты, теоретически ориентированные на Маркса, которые рассчитывали на Интернационал как на инструмент завоевания пролетариатом политической власти. Они стремились создать рабочий государственный аппарат для преобразования капиталистического общества в коммунистическое через промежуточный период реорганизации, который обязательно должен был проходить при диктатуре. Среди либертарных федералистов были анархисты, которые выступали за социальную революцию с немедленным упразднением всех органов власти и формированием нового общества, основанного на свободной и федеративной организации рабочих в соответствии с их профессиями, проблемами и интересами.

Это основное расхождение существовало с самого начала и было ясно видно уже на Женевском конгрессе, первом пленарном заседании Интернационала. Против авторитаристов выступали прудоновские мютюэлисты, которые вели дебаты при поддержке коллективистов, уже входивших в Интернационал до того, как к нему присоединился Бакунин. На Лозаннском (1867) и Брюссельском (1868) конгрессах коллективизм быстро уступил место мютюэлизму, а на Базельском (1869) коллективистское движение сильно преобладало среди противников власти и было усилено присутствием Бакунина. В противоборствующем лагере Маркс, избегая личных выступлений на конгрессах, делал свои заявления через программы, доклады, информационные бюллетени и предложения Совета. В Базеле Бакунин выступил с

предложением против права наследования. Маркс выступил против него, но предложение было одобрено.

Еще в рамках Интернационала Бакунин вместе с другими анархистами сформировал Альянс социалистической демократии, который в 1869 году был принят в качестве секции Интернационала. Мы понимаем Альянс как специфическую анархистскую организацию (политический уровень), действовавшую в рамках Интернационала (социальный уровень). Альянс был организацией активного меньшинства, состоявшей из «самых надежных, самых преданных, самых умных и самых энергичных членов, одним словом, из самых близких»¹⁰. Он был создан для тайных действий, чтобы решать вопросы, которые нельзя было решать публично, и выступать в качестве катализатора рабочего движения. Альянс определил соотношение между социальным и политическим уровнями:

«Альянс является необходимым дополнением Интернационала... – Но Интернационал и Альянс, стремясь к одной и той же конечной цели, преследуют в то же время разные задачи. Один ставит своей задачей объединить трудящиеся массы, миллионы рабочих, через различия наций и стран, через границы всех государств, в одно огромное и компактное тело; другой, Альянс, ставит своей задачей дать массам подлинно революционное направление. Программы одного и другого, вовсе не будучи противоположными, различаются степенью своего развития. Программа Интернационала, если относиться к ней серьезно, также является зародышем, но только зародышем, всей программы Альянса. Программа Альянса является конечным объяснением программы Интернационала»¹¹.

Практика Альянса в рамках Интернационала вызвала стремление авторитарного течения изолировать и дискредитировать практику либертариев. После Базельского конгресса нападки на коллективистскую группу усилились. В 1870 году Маркс направил два частных сообщения Генерального совета в секции Интернационала с резкой критикой бакунинских позиций. Этим он подготовил климат для Лондонской конференции следующего года, на которой марксистская группа попыталась навязать доктрину завоевания государственной власти, и для Гаагского конгресса 1872 года. На этом пленуме он настоял на исключении Бакунина из Интернационала, чего и добился. К 1874 году Интернационал прекратил свое существование.

Второй историческим корнем *эспецифизма* является Малатеста, боец, присоединившийся к бакунинскому альянсу и представлявший *организационное* (или *организационалистское*) течение анархического коммунизма. Вслед за коллективистской традицией анархизма времен Бакунина, выступавшего в будущем обществе за распределение каждому по его труду, родилось анархо-коммунистическое течение, которое с тех пор выступает за распределение каждому по его потребностям. Для Малатесты было характерно отстаивать в рамках этого течения позиции, направленные против эволюционизма и сциентизма, присутствовавших в значительной части социалистического движения. Для Малатесты будущее не может быть обязательно определено и может быть изменено только волей, волюнтаристским вмешательством в события, чтобы обеспечить желаемые социальные преобразования.

¹⁰ Mikhail Bakunin. «Educação Militante». Из: *Conceito de Liberdade*, стр. 154

¹¹ Там же, стр. 151-152.

Откровенно критикуя индивидуализм, Малатеста выступал за анархизм, полностью основанный на организации, анархизм, который мы можем назвать «*организованным*», и который, как и анархизм Бакунина, сохранял особенную роль на социальном и политическом уровне. На политическом уровне Малатеста разработал свою концепцию специфической анархистской организации, которую он называл анархистской партией¹²: «под анархистской партией мы понимаем всех тех, кто хочет внести свой вклад в достижение анархии, и, следовательно, они должны определить цель, которую нужно достичь, и путь, по которому нужно двигаться»¹³. Эта организация должна действовать в так называемых «массовых движениях» того времени и оказывать на них как можно большее влияние, а профсоюзы были предпочтительным местом, выбранным для анархистской деятельности. Малатеста четко указал на различия между политическим уровнем анархизма и социальным уровнем, пространством внедрения, которое в то время представлял собой синдикализм:

«По моему мнению, рабочее движение – это не более чем средство, хотя, несомненно, это лучшее средство, которое у нас есть. Но я отказываюсь воспринимать это средство как цель [...]. Синдикалисты, с другой стороны, имеют определенную склонность превращать средства в цели и рассматривать части как целое. И, таким образом, для некоторых из нас синдикализм начинает превращаться в новую доктрину, которая угрожает самому существованию анархизма. [...] В прошлом я сетовал на то, что товарищи изолировали себя от рабочего движения. Сегодня я сетую на то, что, с другой стороны, многие из нас позволяют поглотить себя тому же движению. И снова организация рабочего класса, забастовка, прямое действие, бойкот, саботаж и вооруженное восстание сами по себе являются лишь средством; анархия – это конец»¹⁴.

Выступая за анархизм, который стремится к социальным преобразованиям по своей воле, Малатеста, как и мы сегодня, считал, что специфическая анархистская организация должна действовать в рамках классовой борьбы, в гуще социальных движений и вместе с ними прийти к социальной революции и либертарному социализму, который он называл анархией. Для этого Малатеста стремился создать как специфические анархистские организации, как в случае Итальянской анархистской революционно-социалистической партии и Итальянского анархистского союза, так и организации, действующие на социальном уровне, как в случае Итальянского синдикального союза (УСИ), Рабочего альянса и профсоюзов в Аргентине. Позиции Малатесты широко распространял Луиджи Фаббри, другой итальянский анархист-коммунист, который также внес значительный вклад в развитие эспецифизма.

Важным опытом для эспецифизма, по нашей концепции, был также опыт *Магонизма* в радикальной фазе Мексиканской либеральной партии (PLM). Рикардо Флорес Магон, самый активный ее участник, вступил в PLM в 1901 году – она была основана годом ранее. Во время диктатуры Порфирио Диаса и PLM, и журнал *Regeneración* были основными противниками режима. Во второй половине 1900-х годов PLM радикализировалась, перейдя на более воинственный дискурс и создав внутреннее

¹² Не путайте используемый здесь термин «партия» с партиями, участвующими в выборах или стремящимися к захвату власти в государстве путем революции. Как мы уже подчеркивали, «анархическая партия» для Малатесты – это то же самое, что специфическая анархистская организация.

¹³ Эррико Малатеста. «Organização II». Из: *Revolutionary Writings*, стр. 56.

¹⁴ Его же. «Sindicalismo: a crítica de um anarquista». Из: George Woodcock. Op. Cit. pp. 208; 212.

напряжение в партии, которое привело к удалению менее радикальных элементов. PLM не участвовала в выборах и служила лишь пространством для политического и горизонтального объединения либертарных революционеров того времени – без целей захвата власти в государстве и установления диктатуры – чтобы покончить с правительством Диаса, установив, в свою очередь, либертарный коммунизм. PLM стала подпольной и организовала более 40 групп вооруженного сопротивления по всей Мексике, а также имела в своем составе представителей коренных народов, известных своей борьбой за права общин и против капиталистической собственности. После радикализации, Франсиско Мадеро не согласился с тем, что мирные средства для захвата власти Диаса будут исчерпаны.

Фальсификация выборов 1910 года, сделанные Диасом, положит начало взрыву Мексиканской революции. После ареста Мадеро его сопернику на выборах удалось переизбраться. Находясь в изгнании в Сан-Антонио, штат Техас, Мадеро разработал план Сан-Луиса, призывающий к вооруженному восстанию, а также объявил выборы 1910 года недействительными, отверг избрание Диаса и назначил себя временным президентом. Многие повстанцы откликнулись на революционный призыв; среди них Эмилиано Сапата, сыгравший важную роль в организации коренного населения региона Морелос, и Панчо Вилья, бывший угонщик скота и грабитель банков, давно признанный униженными жителями регионов Дуранго и Чиуауа. Они объединились в антиэлекторальный фронт, который предоставлял каждой группе относительную степень автономии и независимости. В 1911 году, в разгар революции, при поддержке Североамериканского профсоюза Индустриальных Рабочих Мира (IWW) анархисты, во главе с Магоном, заняли регион Нижней Калифорнии, захватив такие важные города, как Мехикали. В конце января они образовали Социалистическую республику Нижней Калифорнии, первую социалистическую республику в мире. *Магонисты* также одержали победы в таких городах, как Нуэво-Леон, Чиуауа, Сонора, Гвадалупе и Касас-Грандес; места, которые будут потеряны после репрессий, вызванных правительством Мадеро.

Восстания, организованные Сапатой в Морелосе, и план Айяла стали инструментами борьбы крестьян за революцию, всегда вдохновляемые лозунгом «Земля и свобода», впервые исполненным Пракседисом Герреро и распространенным *магонистами*. Плодом этих важных отношений между *сапатистами* и *магонистами* стало приглашение Сапаты к Магону перенести «*Regeneración*» в Морелос.

После этого Мексика погрузилась в гражданскую войну, а в конце 1914 года попыталась создать Конвенцию. Последовавшие за этим события, такие как попытка захвата Мехико Вильей и Сапатой, созыв Учредительного собрания Каррансой, который впоследствии был избран президентом, а затем убит, и последующие конфликты в стране, в конечном итоге стали основой для заката революционного периода в стране.

Другой важный исторический корень *эспецифизма* – участие анархистов в русской революции. В начале 1917 года в Петрограде взбунтовались несколько полков, возникло Временное правительство, провозглашенное парламентом, и возродились Советы 1905 года. Лозунг «Вся власть Советам» был очевиден. На местах, на юге Украины, крестьяне Гуляй-Поля, селе, в котором после революции 1905 года была сильная анархистская организация, основали Крестьянский союз, который решил

бороться за социальную революцию независимо от правительства, добиваясь самоуправления средств производства. В Петрограде он требовал рабочего контроля на заводах, а кронштадтские матросы с красно-черными флагами прошли маршем по городу с целью создания Совета и самоуправляемой республики. В октябре анархисты и большевики, действуя согласованно, смогли взять Зимний дворец, после чего произошел раскол между авторитарными и либертарными революционными элементами. Первые выступали за захват государственного аппарата и переход к диктатуре партии (большевиков) под руководством всесильного центрального комитета; вторые – за либертарный и самоуправляемый коммунизм в форме советов рабочих, крестьян и солдат.

Постепенно большевики стали отрицать, подавлять, препятствовать и, наконец, запрещать распространение либертарных идей и практик. Уже в 1918 году большевики выступали против рабочего контроля над заводами, поощряли слепое подчинение рабочих партии и постепенно закрепляли запрет на оппозицию правящей партии. Они милитаризировали труд, изгоняли выбранных руководителей из Советов, заставляли их подчиняться центральной власти партии и запрещали забастовки.

В борьбе с белой армией повстанческая армия Махно в Украине не раз вступала в союз с большевиками. После победы над белой угрозой махновцы подверглись нападению и преследованию со стороны Красной армии, что вынудило оставшихся в живых укрыться в других странах. Это был конец процесса самоуправляемой социализации в Украине, репрессивно отмененного большевиками в пользу статских и тоталитарных форм организации и социального контроля под руководством нового правящего класса. Кронштадтские матросы, требовавшие возвращения к выборности делегатов в Советы, свободы анархистам и другим левым группам, объединения профсоюзов и крестьянских организаций, освобождения политических заключенных, демократизации армии и одинакового питания для всех, были убиты большевиками.

Несмотря на то, что пролетарская и либертарная революция была узурпирована, а большевики господствовали над ней, поскольку они захватили государственный аппарат, анархисты согрешили бездействием в вопросе организации. Эти размышления были оформлены спустя годы русскими эмигрантами, оказавшимися в Европе, в документе под названием «Организационная платформа...». Махно, Аршинов и другие оформили в этом документе свои соображения по поводу анархистской организации, основанные на опыте русской революции. Этот документ выдвинул важные идеи о важности участия анархистов в классовой борьбе, о необходимости насильственной социальной революции, которая свергнет капитализм и государство и установит либертарный коммунизм. Кроме того, в Платформе содержится важный материал по вопросу перехода от капитализма к либертарному коммунизму и по защите революции. Платформа выступает за анархистскую организацию на политическом уровне, которая действует в среде социальных движений, на социальном уровне, и подчеркивает роль активного меньшинства анархистской организации. Более того, он вносит важный вклад в модель организации политического уровня анархистов. По этим причинам она является важным документом и имеет значительное влияние в *эспецифизме*.

Однако мы не считаем, что *эспецифизм* – это то же самое, что и платформизм. Как мы пытались показать в этом тексте, для нас эспецифизм гораздо шире, чем платформизм, и имеет свою теоретическую основу в организационных концепциях Бакунина и Малатесты. Для нас Платформа как опирается на этих авторов, так и привносит новое, поэтому ее следует рассматривать как вклад в *эспецифизм*, но не как самый важный вклад. Еще один фактор, который необходимо учитывать, – это то, что «Платформа» была написана на основе опыта военных действий анархистов в разгар революционного процесса, и ее не следует вырывать из этого контекста. Мы понимаем, что эта форма организации, выраженная в Платформе, не должна применяться во всех деталях в неревolutionных ситуациях. Это скорее вклад в обсуждение анархистских военных действий, чем документ для обсуждения анархистской организации во всех различных контекстах.

Как и в случае с русской революцией, мы также рассматриваем в качестве эталона испанскую революцию 1936 года. В те годы была осуществлена эффективная социальная революция. Революция под огнем, которая хотела охватить все сферы, от несправедливых экономических структур до повседневной жизни населения; от устаревших представлений об иерархии до исторического неравенства между мужчинами и женщинами. И все это было делом рук анархистов.

Влияние анархизма принес в Испанию Джузеппе Фанелли, *альянсист* и боец, очень близкий к Бакунину. Основанная в 1910 году Национальная конфедерация труда (Confederación Nacional del Trabajo – CNT) была крупнейшим выразителем анархо-синдикализма в Испании и до 1920-х годов жила между периодами подъема и спада в условиях постоянных репрессий, жертвой которых она стала. Основанная в 1927 году Федерация Анархистов Иберии (Federación Anarquista Ibérica – FAI) была подпольной организацией, посвятившей себя революционной деятельности, которая, в частности, стремилась противостоять реформистским течениям в CNT. Акция увенчалась успехом, и революционные анархисты получили самое большое влияние в CNT.

В 1936 году Народный фронт (объединяющий левые партии) смог победить на выборах. Анархисты из CNT в итоге тактически поддержали Фронт, поскольку это означало бы освобождение заключенных товарищей. Благодаря поддержке CNT победа Народного фронта стала возможной. Однако фашисты не смирились с поражением. 18 июля 1936 года вспыхивает фалангистский переворот, среди участников которого выделяется Франсиско Франко. Так начался революционный взрыв, ввергнувший страну в трехлетнюю гражданскую войну. На первом этапе (июль 1936 – начало 1937 года) анархисты являются одной из самых заметных групп. Действия анархистов в таких районах, как Каталония, были образцовыми. Республиканские структуры превратились в народные организации в ходе интенсивного и успешного процесса коллективизации. Были захвачены фабрики и приняты срочные социальные меры, такие как: равная оплата труда мужчин и женщин, бесплатное медицинское обслуживание, постоянная зарплата в случае болезни, сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы. Были коллективизированы металлургическая и лесная промышленность, транспорт, пищевая промышленность, здравоохранение, средства массовой информации и развлечения, а также сельское хозяйство. Для борьбы с фашистскими войсками были созданы отряды ополчения, которые

продвигались на некоторых фронтах, особенно колонна во главе с Буэнавентурой Дуррути.

На втором этапе (1937-1939 гг.) успехи контрреволюции были катастрофическими. Фалангисты пользовались огромной поддержкой Гитлера и Муссолини. Сопrotивление было плохо вооружено и уступало по численности. В Интернациональных бригадах, сформированных для того, чтобы остановить продвижение нацистов и фашистов, было мало бойцов. Кроме того, не было никакой помощи от либеральных стран (Франции и Англии), которые в очередной раз умыли руки. «Поддержка» со стороны СССР оказалась настоящим «греческим подарком». В рамках борьбы с фашизмом шла параллельная охота – поддерживаемая сталинистами – на анархистов и неортодоксальную Рабочую партию марксистского единства (POUM). Успехи, достигнутые CNT/FAI, были уничтожены теми, кто стремился восстановить основы государства (умеренные слои Республики, коммунисты и социалисты). Коммунисты стали занимать ключевые позиции в правительстве. Анархистам пришлось вновь уступить неблагоприятным обстоятельствам: некоторые члены CNT оказались в правительстве.

В Бразилии мы можем сказать, что, поскольку *эспецифистское* течение сейчас фактически не было еще реализовано в полной мере, наши идеологические корни относятся больше к некоторым инициативам прошлого и другим, которые мы считаем знаковыми для того же течения в более недавней истории страны. Мы понимаем, что с самых первых лет двадцатого века анархисты, связанные с «организационализмом», в частности последователи Малатесты, боролись чтобы организовать насколько это возможного большого числа товарищей с целью формирования организации с общей стратегией и тактикой, основанной на тактических соглашениях и четком групповом понимании.

Именно они были ответственны за проведение Первого конгресса бразильских рабочих в 1906 году, благодаря инициативам самых пылких представителей отечественного анархизма. Эти анархисты подготовили условия, которые позволили анархистам полностью войти в профсоюзы и социальную жизнь, с образованием школ и театральных групп, помимо разумного производства литературы. В значительной степени именно это «организационное» течение помогло в подготовке Анархистского восстания 1918 года, создании Анархистского альянса Рио-де-Жанейро, формировании Бразильской коммунистической партии, либертарной по своей сути, и в событиях, которые отличали анархистов от большевиков в 1920-х годах.

На этом первом этапе выделяются имена Нено Васко, Жозе Оитисика, Домингуша Пассоса, Хуана Переса Бузаса, Астрожилду Перейры (до 1920 года) и Фабио Луса. Позже, после того как социальный анархизм почти два десятилетия пребывал в спячке, часть организационной традиции вновь проявилась в журнале Ação Direta («Прямое действие»), а затем, с завершением военного переворота 1964 года, мы снова теряем главную силу в этом лагере, представленную Идеалом Пересом и студентами Либертарного студенческого движения (Movimento Estudantil Libertário – MEL).

Наконец, еще одно латинское влияние на *эспецифизм*, которое мы поддерживаем, – это Федерация Анархистов Уругвая (Federación Anarquista Uruguaya – FAU), сформированная в 1956 году под влиянием классовой борьбы и анархо-синдикализма,

организационных моделей Бакунина и Малатесты, а также экспроприаторского анархизма из региона реки Прата. Стремясь развивать анархизм, который борется с проблемами Латинской Америки, ФАУ с момента своего создания вела работу на различных фронтах. Она участвовала в профсоюзной деятельности Национального конвента трудящихся (CNT), который имел небюрократическую модель с внутренней демократией и тенденциями классовой борьбы. В рамках так называемой Боевой тенденции были созданы ассоциации прямого действия. После того как в 1967 году ФАУ была признана незаконной, она ушла в подполье.

Даже в этот период подпольной жизни, сопровождавшийся репрессиями и арестами анархистов, ФАУ удалось сохранить свою профсоюзную деятельность в CNT, студенческом движении и в борьбе против коллаборационизма Коммунистической партии (КП). Она распространяла свою публикацию *Cartas de la FAU* («Письма ФАУ»). В 1968 году было основано Рабоче-студенческое сопротивление (ROE) – массовая организация, принявшая конфронтационную стратегию, с занятием фабрик с участием студентов и участием профсоюзных активистов в студенческих демонстрациях. В конце 1960-х годов, параллельно с массовой организацией, ФАУ развивала организацию своего «вооруженного крыла», Народно-революционной организации – 33 (*Organización Popular Revolucionaria – 33, OPR-33*), которая реализовала серию диверсионных акций, экономических экспроприаций, похищений политиков и/или боссов, особенно ненавистных народу, вооруженную поддержку забастовок и захватов рабочих мест и т.д. ФАУ отказалась от фокизма как парадигмы вооруженной борьбы, избегая милитаризации, но при этом обладая социальным внедрением в народе. В условиях диктатуры 1973 года ФАУ направила свои усилия на проведение всеобщей забастовки, которая парализовала страну почти на месяц. Она вела подпольную работу, несколько активистов были арестованы, подвергнуты пыткам и убиты. С либерализацией политической жизни она вновь заявила о себе и развила свою работу по *эспецифистской* модели, которую мы отстаиваем сегодня, с тремя фронтами внедрения: профсоюзным, студенческим и городским (общинным).

Короче говоря, наша концепция исторических истоков *эспецифизма* не является догматической. Наш идейный багаж широк, включая идеи Бакунина и *альянсистов* в Первом Интернационале, концепции Малатесты, его практический опыт на социальном и политическом уровнях, а также опыт Магона и PLM в Мексиканской революции. На нас также повлиял опыт анархистов в русской революции, с акцентом на махновцев в Украине и организационные размышления русских в изгнании, а также опыт анархистов в испанской революции вокруг CNT-FAI. В Бразилии мы ощущаем влияние анархистского «организационализма», выделяя опыт Анархистского альянса Рио-де-Жанейро 1918 года и (либертарной) Коммунистической партии 1919 года. Наконец, влияние ФАУ, как в их борьбе против диктатуры, так и в их деятельности на фронтах с профсоюзами, общественными и студенческими движениями. Весь этот комплекс концепций и опыта способствует сегодня формированию нашей концепции *эспецифизма*. В настоящее время *эспецифизм* пропагандируется различными латиноамериканскими организациями и развивается на практике, пусть и не под этим названием, в других частях мира.

Часть 16. Заметки и Заключение

За работу, товарищи! Задача велика. За работу все!

Эррико Малатеста

Первый Конгресс полностью выполнил свои задачи, пройдя в атмосфере высокой солидарности между активистами. Он предоставил должное пространство для размышлений, комментариев, дебатов и выводов. Оценки всех активистов были очень позитивными.

Была продемонстрирована важность наличия в организации поколения старших и более опытных активистов, которые были (и остаются) необходимы для того, чтобы не потерять боевые знания предыдущих поколений, а также для обучения и наставничества нового поколения. Конгресс отдал дань уважения «старой гвардии», а также приветствовал «молодую гвардию», поскольку она помогла воплотить в жизнь то, за что всегда выступали их старшие. Активисты организации, участвовавшие в борьбе с 1970-х, 1980-х и 1990-х годов, подчеркнули важность этого момента, который указывает на преемственность воинственных действий, которые для нас начинаются с Хуана Переса Бусаса, проходят через всю историю борьбы Идеала Переса, через *Círculo de Estudos Libertários* (CEL), который позже стал *Círculo de Estudos Libertários Ideal Peres* (CELIP) и в 2003 году образовал FARJ. Мы считаем, что воплощаем в жизнь чаяния различных деятелей этой истории, которым, как нам кажется, мы придаем должную преемственность.

На данном этапе задача состоит в том, чтобы продолжить поиск социального вектора анархизма. Ввести анархизм в контакт с социальными движениями, стремясь к созданию народной организации. Мы пытаемся сделать это через наши три фронта.

Фронт городских социальных движений (наш старый фронт занятости) ведет постоянную работу с городскими жителями в Рио-де-Жанейро с 2003 года, продолжая опыт, который мы имели с движением бездомных в девяностых годах. В настоящее время этот фронт также занимается восстановлением Движения безработных работников (*Movimento de Trabalhadores Desempregados – MTD*), которое борется за работу по всей стране, а в Рио-де-Жанейро существует с 2001 года. В настоящее время MTD восстанавливает свои силы, перегруппировывается и объединяет людей из бедных общин для борьбы. Кроме того, этот фронт поддерживает отношения с Движением безземельных рабочих (*Movimento dos Trabalhadores Rurais Sem Terra – MST*), которому он предлагает курсы политического образования в Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро. Фронт также тесно сотрудничает и ведет деятельность с другими организациями и общественными движениями, такими как Народная ассамблея – РЖ (*Assembléia Popular – RJ*) и Интернационалистский фронт бездомных (*Frente Internacionalista dos Tem-Teto – FIST*).

Общественный фронт (или фронт сообщества) отвечает за управление Социально-культурным центром Рио-де-Жанейро (Centro Cultura Social do Rio de Janeiro – CCS-RJ) – открытым социальным пространством, которое мы поддерживаем на севере города и в котором проводится ряд общественных мероприятий по переработке отходов, репетиторству и курсам вступительных экзаменов для бедной общины Морродус-Макакос, театральным мастерским, культурным мероприятиям, праздникам и встречам различного рода. Этот фронт также отвечает за управление Социальной библиотекой Фабио Луса (Biblioteca Social Fábio Luz – BSFL), которая существует с 2001 года и вокруг которой работает Центр исследований Маркеса да Косты (Núcleo de Pesquisa Marques da Costa – NPMC), основанный в 2004 году, целью которого является разработка теории для организации, в дополнение к исследованию истории анархизма в Рио-де-Жанейро. Кроме того, общественный фронт управляет CELIP, общественным пространством FARJ, которое предназначено для проведения лекций и дебатов, чтобы привлечь тех, кто недавно заинтересовался анархизмом.

Агроэкологический фронт под названием «Анархизм и природа» действует в сельских социальных движениях и группах, занимающихся вопросами сельского хозяйства и социальной экологии. Он поддерживает контакты и сотрудничает с MST, La Via Campesina и такими организациями, как Флореальский кооператив и Жерминальский центр питания и здоровья (Núcleo de Alimentação e Saúde Germinal). Он проводит образовательные семинары на рабочих местах, в школах и бедных общинах. Все это делается с целью восстановления сельского хозяйства, агроэкологии, социальной экологии, экологической грамотности и экономики солидарности. Она стремится привлечь к своей деятельности рабочих, активистов общественных движений и студентов.

Чтобы удовлетворить важный запрос, мы возглавили «сквозной» (трансверсальный) проект, в который были включены все фронты, под названием «Народный университет» (UP-RJ). Это предложение было реализовано в рамках антикапиталистической инициативы народного образования, направленной на преобразование общества и имеющей в качестве тактики политическое образование в рамках социальных движений. Другие «сквозные» работы также были реализованы: издание журнала *Libera*; журнала *Protesta!* (совместно с товарищами из анархистского коллектива *Terra Livre* в Сан-Паулу); и такие книги, как «*O Anarquismo Social*» (Социальный анархизм) Франка Минца, «*O Anarquismo Hoje da União Regional Rhone-Alpes e Ricardo Flores Magón*» (Анархизм до Регионального союза Рона-Альпы и Рикардо Флорес Магона) Диего Абада де Сантьяна. Наконец, существует внутренняя работа по политическому образованию, связям, управлению ресурсами и т. д.

Работа ведется, и ее еще много. И действительно, как однажды сказал Малатеста, задача велика. Осознание того, что предстоит сделать очень много, и осознание величия нашего проекта социальных преобразований, отнюдь не обескураживает нас, а служит все большим топливом, мотивирующим нас и ведущим нас день за днем к этой столь неотложной задаче.

Мы надеемся, что этот краткий теоретический вклад поможет в построении боевого воинственного анархизма в разных местах.

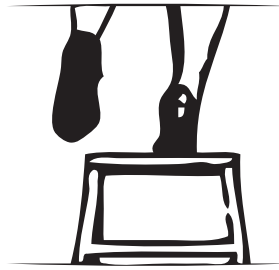
За социальный анархизм!

За возвращение социального вектора анархизма!
Социальная Революция и либертарный социализм!

Организационная Платформа Всеобщего Союза Анархистов, Глава III. Анархизм и Анархический коммунизм. Для ФАРЖ здесь важен точный перевод текста, так как имели место споры о точной формулировке и неправильных переводов, когда Проект Платформы был опубликован. Так как мы имеем преимущество читать Организационную Платформу с языка оригинала, здесь приводится оригинал цитаты, а не перевод. – примечание переводчика.

Norberto Bobbio et al. *Dicionário de Política*. Brasília: Editora UNB, 1993, p. 954. Таким образом, мы не понимаем политику как то, что осуществляется посредством представительной демократии. «Заниматься политикой» в данном случае означает эффективно участвовать и принимать решения по общественным вопросам и, особенно, по тем, которые касаются нас. Мы работаем с идеей, что существует политика вне электоральной сферы.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Анархистская Федерация Рио-де-Жанейро
Социальный Анархизм и Организация
2008

Скопировано 19.03.2025 <https://t.me/ulaanhara/1927>, Переведено с английского
<https://libcom.org/article/social-anarchism-and-organisation-farj> (и чуть чуть с
португальского
https://www.cabn.libertar.org/wp-content/uploads/2012/02/FARJ_-_ANARQUISMO_S),
источник индонезийского предисловия - [https://sea.theanarchistlibrary.org/library/
anarchist-federation-of-rio-de-janeiro-anarkisme-sosial-dan-organisasi-id](https://sea.theanarchistlibrary.org/library/anarchist-federation-of-rio-de-janeiro-anarkisme-sosial-dan-organisasi-id)

ru.anarchistlibraries.net